ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селецкаго[1].

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 ГОДЪ.

I. Дѣтство.

Родился я въ полтавской губерніи, пирятинскаго уѣзда, въ селеніи Малютенцахъ. Первые годы дѣтства моего протекли въ Петербургѣ. Отецъ мой служилъ въ гвардіи, полковникомъ конной артиллеріи; предъ нимъ разстилалось блестящее служебное поприще. Мать моя, дочь малороссійскаго помѣщика, извѣстная въ краѣ своими добродѣтелями, была осуществленіемъ идеи женскаго совершенства въ нравственномъ отношеніи.

Родъ нашъ происходитъ отъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій Иллиріи, родоначальникомъ которой, по Длугошу, извѣстному историку, былъ Зоардъ, полководецъ Аттилы. Гербъ нашъ Корчакъ, дополненный

---

[1]) Авторъ предлагаемыхъ Записокъ, покойный Петръ Димитріевичъ Селецкій скончался въ г. Кіевѣ въ 1879 г. въ званіе гофмейстера и въ должности кіевскаго губернскаго предводителя дворянства. Этихъ степеней онъ достигъ продолжительною своею службою, скромною, но честною и безпритязательною. 30-ть лѣтъ провелъ онъ на службѣ въ Кіевѣ сперва въ должности чиновника особыхъ порученій при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, потомъ вицегубернатора и вмѣстѣ члена совѣта кіевскаго института и наконецъ предводителя дворянства по назначенію отъ правительства. Если къ этому прибавить 4-ре года университетскаго образованія, проведенные имъ также въ Кіевѣ, то окажется, что всею своею сознательною жизнію онъ принадлежитъ Кіеву и можетъ быть названъ по этому кіевлянином, позднѣйшей, конечно формаціи.

въ верхней половинѣ щита, въ голубомъ полѣ, крестомъ надъ полумѣсяцемъ и звѣздами, внесенъ въ общій гербовникъ дворянскихъ родовъ всероссійской имперіи (часть III, отдѣленіе 1-е, страница 106). Предки мои, переселясь въ Россію въ тысячу пятисотыхъ годахъ, служили всегда вѣрою и правдою своему новому отечеству.

Прадѣдъ мой былъ бунчуковымъ товарищемъ, два сына его: Лаврентій и Иванъ Яковлевичи Селецкіе были женаты: первый на Лизогубовой, второй на Апостолъ. Прадѣдъ мой Лаврентій Яковлевичъ служилъ малороссійскимъ почтъ-директоромъ, братъ его Иванъ екатеринославскимъ губернаторомъ и впослѣдствіи новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ (1798 г. См. „Русская Старина“, октябрь 1875 г. Статья: Князь Потемкинъ-Таврическій, стр. 261, 263). Во время пребыванія въ Кіевѣ императрицы Екатерины II въ 1787 году, 21 апрѣля Лаврентій Яковлевичъ былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и получилъ большой бриллiантовый перстень (Дневникъ предводителя дворянства Полетики, Андрея, 1787 г). Сверхъ этого, ея величество въ ознаменованіе своего особеннаго благоволенія къ почтъ-директору Малороссіи благоволила подарить Лаврентію Яковлевичу дорожный золо-

---

По своему происхожденію, Петръ Дмитріевичъ принадлежалъ къ старинному южно-русскому роду и представляетъ собою послѣднюю его отрасль, переродившуюся на почвѣ общерусской и даже общеевропейской.

Записки П. Д. Селецкаго, представляя полную его автобіографію, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуютъ ближайшую къ намъ по времени жизнь кіевскаго, преимущественно высшаго общества и мѣстной администраціи, и въ этомъ отношеніи представляютъ для насъ современникомъ весьма интересныя и любопытныя данныя, а для будущаго историка края цѣнный и, быть можетъ, во многомъ ничѣмъ инымъ не замѣнимый матеріалъ. Записки дышатъ искренностію и правдивостію, которыя отличали автора и во всей его жизни. Авторъ не рисуется, но просто передаетъ то, что подпадало его умственному наблюденію въ его-ли собственной жизни, или въ жизни другихъ, при чемъ не обходитъ ни своихъ, ни чужихъ слабостей, увлеченій и погрѣшностей, но говоритъ о нихъ съ тою скромностію и сдержанностію, которыя составляли отличительныя его черты. Записки начаты въ то время, когда авторъ достигъ полнаго своего развитія, когда угомонились страсти, установились взгляды, убѣжденія и отношенія, когда прожитое прежде было много разъ передумано и осмыслено, когда на смѣну прежней разбросанности и нѣкотораго разгула пришла сосредоточенность и могли сложиться то спокойствіе и безпристрастіе, которыя проходятъ по всѣмъ

ченный чайный сервизъ. Погребецъ съ этимъ сервизомъ постоянно переходилъ къ старшему въ родѣ, въ потомствѣ Лаврентія Яковлевича. У Ивана Яковлевича было двѣ дочери: старшая за Синельниковымъ, младшая за Алексѣевымъ: мужскаго поколѣнія онъ не оставилъ. У Лаврентія Яковлевича было три сына и три дочери. Старшій сынъ, Петръ, мой дѣдъ, служилъ генеральнымъ судьею въ Черниговѣ и женился на В. Я. Лукашевичъ; второй сынъ, Василій, былъ женатъ на княжнѣ Е. М. Долгоруковой, сестрѣ князя Ивана Михайловича, писателя. Вотъ статья, посвященная памяти Василія Лаврентьевича въ „Кашицѣ моего сердца“ Долгорукаго:

„Февраля 20. Селецкой. † 1831. Василій Лаврентьевичъ, зять мой родной, мужъ сестры моей, человѣкъ обязавшій меня чрезвычайно много. Благороднѣйшій его поступокъ, который дѣлаетъ отличную честь его характеру, состоитъ въ томъ, что онъ, полюбя сестру мою уже въ лѣтахъ, но, не имѣя возможности на ней жениться, потому что не былъ раздѣленъ съ матерью своей и не могъ доставить ей участи независимой, вдругъ скрылся изъ Москвы въ свою родину Малороссію и тамъ прожилъ лѣтъ двадцать, не давая о себѣ никакой вѣсти. Съ тою же скоропостижностью, съ какою оставилъ онъ нашъ домъ, написалъ изъ

разсказамъ и сужденіямъ автора. Описываемое имъ время, лица и происшествія, которыхъ онъ касается, какъ личность и жизнь его самаго—все это такъ не далеко отъ насъ, такъ свѣжо въ памяти у многихъ, что передаваемыя имъ свѣдѣнія и сужденія могутъ быть провѣрены и дополнены многими изъ читателей, безъ особыхъ объясненій. Извѣстная доброта Петра Димитріевича, его искренняя набожность и особая мягкость души—послѣдствіе его исключительнаго воспитанія кладутъ особый отпечатокъ на его Записки.

Мы печатаемъ Записки въ полномъ ихъ видѣ, не выпуская даже описанія заграничнаго путешествія Петра Димитріевича, безъ котораго многое осталось-бы непонятнымъ въ его жизни и личности и которое само собою представляетъ много любопытныхъ подробностей о знакомствѣ автора Записокъ съ такими знаменитостями музыкальнаго міра, какъ Листъ, Мендельсонъ, Мейерберъ и др. При этомъ мы и не пробуемъ касаться ни біографіи, ни характеристики самаго автора, полагая, что его Записки послужатъ первымъ и едва-ли не лучшимъ для того матеріаломъ.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить нашу искреннюю благодарность за сообщеніе Записокъ Григорію Евгеніевичу Бразолю, къ которому они перешли по ближайшему родству его съ П. Д. Селецкимъ.—Ред.

Чернигова къ сестрѣ моей письмо, которымъ увѣдомляя, что онъ получилъ свое имѣніе, умножилъ его и можетъ доставить ей спокойное состояніе, возобновилъ искаше руки ея; сестрѣ было почти сорокъ лѣтъ, раздулся прежній огонь. Онъ пріѣхалъ немедленно въ Москву, женился на ней и повезъ въ свой край. Мы тамъ у нихъ были, видѣли ихъ житье, и сестра совершенно счастлива. Рѣдкій примѣръ вѣрности и благородства. Потомъ какъ мать моя скончалась, и я обязанъ былъ, по выданной сестрѣ рядной, выдѣлить ей часть изъ имѣнія, Селецкой, отъ лица жены своей, поступилъ оной въ пользу дочерей моихъ и, взявъ съ меня векселя, передалъ право полученія денегъ по онымъ тѣмъ дочерямъ моимъ. Какой родной и другъ нынѣшняго образованія поступилъ столь нѣжно и благодѣтельно! Я до гроба не забуду сихъ его одолженій, коими болѣе обязанъ правиламъ его, нежели родству, а потому-то онъ и превосходенъ въ глазахъ моихъ: ибо здѣсь побудительной причиной былъ не случай, не пристрастіе, по пословицѣ старинной: „свой своему по неволѣ другъ“, а характеръ, готовой на все благородное, возвышенное и доброе. Въ сіе число родила сестра сына: онъ одинъ у нихъ и есть. Дай Богъ, чтобы онъ былъ имъ въ радость!“

Третій сынъ Лаврентія Яковлевича, Яковъ, былъ женатъ на Шагаровой. Три дочери Лаврентія Яковлевича были замужемъ: первая за Милорадовичемъ, вторая за Кандыбой, третья за Иваненко. У Петра Лаврентьевича было три сына: Дмитрій, мой отецъ, женатый на Марьѣ Даниловнѣ Вукаловичевой, Андрей и Михаилъ—умерли холостыми.

У Василія Лаврентьевича былъ сынъ Михаилъ, у него три сына отъ двухъ браковъ: Михаилъ, Викторъ и Николай. У Якова Лаврентьевича было двѣ дочери: старшая за П. С. Джунковскимъ, младшая за Н. В. Синельниковымъ.

Состояніе наше было хорошее: за моими родителями числилось болѣе тысячи душъ. Я имѣлъ четырехъ сестеръ, но на мнѣ сосредоточивалась вся нѣжность материнской любви и отеческихъ заботъ. Меня держали однако довольно строго. Я безотчетно боялся отца и безпредѣльно любилъ мать. Была у меня еще бабушка, со стороны матери, добрѣйшая и почтенная старушка, проводившая все свое время въ мо-

литвѣ и постѣ. Она меня любила и баловала болѣе всѣхъ; къ ней я былъ очень привязанъ и чтилъ какъ святую. Дѣдовъ моихъ не помню; изъ разсказовъ матушки знаю, что Петръ Лаврентьевичъ пользовался большимъ почетомъ въ черниговской губерніи, былъ очень уменъ и образованъ, а дѣдушка Даніилъ Андреевичъ обладалъ рѣдкими качествами души, необыкновенною прямотою характера и замѣчательнымъ остроуміемъ. Мать моя всегда съ благоговѣніемъ отзывалась о своемъ отцѣ, называла его лучшимъ изъ людей, и никогда не могла вспомнить о немъ безъ слезъ.

Нрава я былъ добраго, но любилъ порѣзвиться и пошалѣть; ростомъ необыкновенно великъ, очень худъ и слабаго сложенія. Характеръ былъ у меня веселый; я былъ впрочемъ склоненъ къ мечтательности и нерѣдко задумчивость замѣняла шумную дѣтскую рѣзвость. Когда мнѣ исполнилось восемь лѣтъ, меня перевезли въ деревню; тамъ я прожилъ до одинадцати лѣтъ. Нравственнымъ и религіознымъ моимъ воспитаніемъ занималась матушка, она-же учила меня музыкѣ. Гувернеромъ былъ французъ, науки преподавалъ русскій учитель.

Отецъ мой заставлялъ меня ѣздить верхомъ. На воспитаніе мое вообще было обращено большое вниманіе, издержекъ не жалѣли, надзоръ за мною былъ бдительный. Но когда отецъ и матушка уѣзжали и я оставался съ бабушкой и наставниками, своеволіе брало верхъ надъ подчиненностью.

Изъ деревенской жизни мнѣ памятны два обстоятельства. Однажды, зимой, у незнакомой дамы, ѣхавшей въ Казань, сломался экипажъ у дома нашего, находящагося на большой почтовой дорогѣ, и пока его чинили, она пробыла у насъ цѣлый день. Путешественница, довольно молодая еще женщина, очень понравилась мнѣ, ласкала меня, много говорила объ отдаленныхъ странахъ, гдѣ живала, и съ которыми я былъ знакомъ только изъ географическихъ картъ, и предложила мнѣ, конечно шутя, уѣхать съ ней тайкомъ въ Казань; любовь къ путешествіямъ такъ сильно развита была во мнѣ, что, не смотря на безпредѣльную привязанность мою къ матери и бабушкѣ, я тотъ часъ согласился слѣдовать за незнакомкой. Въ сумерки, когда пришли доложить, что экипажъ путешественницы готовъ, я ушелъ въ свою комнату,

надѣлъ теплое платье, взялъ часть своихъ пожитковъ и отправился къ воротамъ ожидать похитительницу: подъѣхалъ ея возокъ, я въ него вошелъ съ поспѣшностью; но вмѣсто путешественницы въ возкѣ сидѣла моя мать...

Воспитанный женщиною и окруженный почти однѣми женщинами, я съ дѣтства особенно полюбилъ прекрасную половину человѣчества: изъ мужчинъ я зналъ коротко только гувернера и учителя, они давали мнѣ весьма посредственное понятіе о нашемъ полѣ, и поэтому я всегда чувствовалъ большое влеченіе къ женщинамъ вообще, а лѣтъ съ девяти къ одной въ особенности. То была прелестная генеральша Г..... Сѣсть поближе къ ней, поцѣловать ея ручку, услужить ей чѣмъ нибудь, было для меня истиннымъ наслажденіемъ. Но недолго оставался я вѣренъ своей первой привязанности: на одинадцатомъ году мнѣ понравилась г-жа Г..... Давно не видѣвши ее, въ одно прекрасное утро я ускакалъ къ ней въ деревню, верхомъ, за десять верстъ. Меня приняли очень ласково, но когда узнали, что я пріѣхалъ одинъ и безъ позволенія, то, не смотря на слезы и моленія, отправили обратно въ экипажѣ, въ сопровожденіи двухъ служителей. Со стыдомъ и оскорбленнымъ чувствомъ самолюбія возвратился я домой и пересталъ думать о г-жѣ Г..... До одинадцати лѣтъ я велъ себя довольно хорошо; очень любилъ моего наставника, умнаго, добраго и тихаго Антона Никитича, одного изъ лучшихъ воспитанниковъ кіевской духовной академіи и питалъ особое нерасположеніе къ гувернеру французу за его строгость и частыя жалобы на мое любимое занятіе гулять въ саду въ сырую погоду и подставлять голову во время дождя подъ водосточныя трубы. Строгость вообще дѣйствовала на меня довольно дурно: я становился еще непослушнѣе и упрямѣе, когда хотѣли поступать со мною круто; но всегда смирялся предъ кроткими словами моей матери. Занимался я прилежно, и въ одинадцать лѣтъ зналъ хорошо французскій и нѣмецкій языки, и пріобрѣлъ достаточныя свѣдѣнія въ тѣхъ предметахъ, которые преподавалъ мнѣ русскій учитель.

Ближайшимъ сосѣдомъ нашимъ и моимъ крестнымъ отцемъ былъ дальній родственникъ нашъ, графъ Александръ Петровичъ Завадовскій. Онъ меня очень любилъ, и я часто бывалъ у него въ Тепловкѣ; въ

праздники иногда меня отпускали къ нему на цѣлый день. Завадовскій былъ отличный стрѣлокъ; я имѣлъ страсть къ стрѣльбѣ, и какъ сынъ артиллериста, получалъ часто въ подарокъ пушки и пистолеты, но игрушками этими не довольствовался, и присутствуя при упражненіяхъ Завадовскаго въ стрѣльбѣ изъ пистолетовъ въ вдѣланные въ стѣну ножи, просилъ его выучить меня стрѣлять хорошо изъ его пистолетовъ. Графъ подарилъ мнѣ пару превосходныхъ небольшихъ кухенрейтеровъ и заставлялъ стрѣлять изъ нихъ. Я вскорѣ сдѣлалъ большіе успѣхи въ этомъ дѣлѣ и кончилъ тѣмъ, что на разстояніи двадцати шаговъ попадалъ въ цѣль и рѣзалъ пули объ остріе ножей. Завадовскій былъ въ восторгѣ и сталъ меня ласкать болѣе прежняго. Въ Тепловкѣ бывали ярмарки. Нерѣдко Завадовскій сажалъ меня въ свой шарабанъ, которымъ самъ правилъ, и мы отправлялись на ярмарку, около церкви. Въ шарабанѣ всегда лежало нѣсколько мѣшковъ съ серебряной монетой, и графъ доставлялъ мнѣ удовольствіе, заставляя бросать народу деньги: широкой рукой исполнялъ я это порученіе, и мы обыкновенно возвращались домой съ пустыми мѣшками. Зачастую Александръ Петровичъ приказывалъ своему груму покупать множество разныхъ *женскихъ* украшеній у ярмарочныхъ продавцевъ и заставлялъ меня дарить серьги, ожерелья, платочки и т. п. сельскимъ красавицамъ. Привычки щедрости крестнаго отца доставили мнѣ однажды случай проявить свою собственную: бабушка мнѣ ни въ чемъ не отказывала и предупреждала мои желанія; у ней въ комодѣ всегда былъ запасъ звонкой монеты,—выдвинетъ, бывало, ящикъ съ деньгами и позволяетъ мнѣ наполнить ими мои карманы. Въ одно прекрасное утро такимъ образомъ я взялъ у нее довольно много разной монеты и роздалъ все прислугѣ къ предстоявшей ярмаркѣ. Выдала меня ключница, и я получилъ порядочный нагоняй отъ матушки и отца за излишнюю щедрость, съ угрозой наказанія за рецедиву и отобранія денегъ, которыми надѣляла бабушка.

Ѣздилъ я съ графомъ Завадовскимъ и верхомъ, но верховая ѣзда мнѣ не давалась: никогда не могъ порядочно сидѣть на лошади, въ особенности на англійскомъ сѣдлѣ. Доставалось мнѣ часто отъ отца за неумѣніе держать себя хорошо на лошади. Александръ Петровичъ совѣтовалъ моему отцу заставлять меня дѣлать гимнастическія упражненія

и учиться фехтованію. При этомъ, помню, какъ онъ разсказывалъ исторію своей дуэли въ Италіи съ однимъ маркизомъ на шпагахъ, въ подтвержденіе необходимости умѣть владѣть этимъ *оружіемъ*. Графъ плохо владѣлъ шпагой, но не могъ отказаться отъ дуэли на шпагахъ, будучи слишкомъ хорошо извѣстнымъ стрѣлкомъ изъ пистолета. Маркизъ, отличный босцъ, поскользнулся и падая наткнулся на шпагу Завадовскаго. Исходъ дуэли былъ несчастный: маркизъ умеръ, какъ умеръ и Шереметевъ, вслѣдствіе дуэли на пистолетахъ съ Александромъ Петровичемъ. „Правду сказала Lenormand, присовокупилъ послѣ разсказа Завадовскій, она мнѣ предсказала долгую жизнь и смерть въ моей постели". Кстати о Шереметевѣ: не разъ говорилъ о немъ при мнѣ Завадовскій съ глубокимъ сожалѣніемъ. Дуэль состоялась изъ-за танцовщицы Истоминой. Секундантами были: Грибоѣдовъ со стороны графа и Якубовичъ со стороны Василія Александровича Шереметева: Шереметевъ стрѣлялъ первый, пуля скользнула по воротнику сюртука Завадовскаго. Завадовскій не имѣлъ намѣренія убить Шереметева и по просьбѣ Грибоѣдова готовился сдѣлать умышленный промахъ; но выведенный изъ терпѣнія Шереметевымъ, сказавшимъ, что если Завадовскій выстрѣлитъ на воздухъ, то рано или поздно онъ убьетъ Завадовскаго, Александръ Петровичъ потребовалъ Шереметева къ барьеру и ранилъ его въ животъ. Шереметевъ вскорѣ умеръ отъ этой раны. Завадовскій за дуэль былъ высланъ за границу, а Якубовичъ переведенъ въ армію и посланъ на Кавказъ, гдѣ встрѣтилъ Грибоѣдова, дрался съ нимъ на пистолетахъ и ранилъ Грибоѣдова въ кисть лѣвой руки.

Злая судьба, говаривалъ Завадовскій, сдѣлала меня два раза убійцей; печальная необходимость заставляла драться, но въ дѣлѣ чести уклоняться отъ дуэли нельзя, поэтому нужно пріучиться хорошо владѣть всякимъ оружіемъ, и въ правомъ дѣлѣ, какъ ни грустно, лучше сдѣлаться невольнымъ убійцей, чѣмъ быть убитымъ.

Не смотря на свои слабости и чисто англійскія причуды, графъ Александръ Петровичъ въ существѣ былъ добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ.

Грибоѣдовъ списалъ съ него своего князя Григорія.

«Чудакъ естественный! Насъ со смѣху моритъ,
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка».

(Горе отъ ума).

И дѣйствительно это была личность типичная въ высшей степени. Высокій, худощавый, съ выразительнымъ, нѣсколько рябоватымъ лицемъ, очень длинными руками и топкими ногами, съ рѣчью сквозь зубы, не всегда удобопонятною, въ эксцентрическихъ туалетахъ англійскаго покроя и съ манерами истаго британца, Александръ Петровичъ въ былое время былъ очень оригиналенъ и слылъ чудакомъ, но безспорно былъ уменъ и отлично образованъ.

Я привязался къ нему всѣмъ сердцемъ, вполнѣ подчинился его вліянію и сталъ усваивать его манеры. Подражаніе было на столько удачно, что приводило въ негодованіе моего отца. Вслѣдствіе моего отвѣта на замѣчаніе отца по этому предмету, что держу себя какъ Александръ Петровичъ, мнѣ было сказано, что запретятъ ѣздить въ Тепловку, если не исправлюсь.

Не смотря на это, я до того началъ проникаться англоманіей, что однажды на вопросъ моего дорогого Александра Петровича, чѣмъ хочешь быть? я отвѣтилъ: хочу быть лордомъ. Въ награду получилъ шотландскую шапочку съ бантомъ и лентами;—къ большому огорченію моему не только мнѣ запрещено было ее носить, но въ теченіи цѣлой недѣли меня ни разу не пустили къ Завадовскому.

Вскорѣ любезность моего крестнаго отца вознаградила меня за это лишеніе. Онъ пріѣхалъ къ намъ и упросилъ отца моего отпустить меня въ Драбовъ, къ брату Завадовскаго, графу Василію Петровичу. Посѣщеніе Драбова доставило мнѣ большое удовольствіе. Хотя Драбовъ не могъ сравниться съ Тепловкой ни по мѣстоположенію, ни по постройкамъ и садамъ, я былъ въ восторгѣ отъ молодой супруги хозяина, красавицы графини Елены Михайловны, рожденной Влодекъ. Не стану описывать ея наружность: нѣтъ возможности передать неуловимую прелесть ея лица, гибкость стана, грацію и симпатичность, которыми была проникнута вся ея особа; довольно сказать, что она была въ свое время извѣстною красавицей и ея гравированные портреты служили лучшимъ украшеніемъ кипсековъ. Идея красоты, чувство прекраснаго сильно развивались во мнѣ, и графиня на меня произвела глубокое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе не осталось не замѣченнымъ: меня ласкали, баловали въ Драбовѣ, и я уѣхалъ оттуда съ слезами на глазахъ, вполнѣ оча-

рованный Еленой Михайловной. Мужъ ея, графъ Василій Петровичъ былъ очень красивъ, привѣтливъ, но нравился мнѣ менѣе своего брата.

По возвращеніи домой, я сдѣлался задумчивымъ, постоянно мечталъ о графинѣ Завадовской, часто говорилъ о ней съ моей матушкой.

Дальнѣйшее пребываніе мое въ деревнѣ, не могло принести мнѣ никакой пользы и поэтому родители мои предположили отдать меня въ пансіонъ, въ одинъ изъ ближайшихъ губернскихъ городовъ.

II. Пансіонъ.

Въ Харьковѣ мать моя, осмотрѣвъ всѣ учебныя заведенія, рѣшилась помѣстить меня въ пансіонъ Р. Я былъ принятъ въ пансіонѣ воспитанниками, какъ обыкновенно принимаютъ новичковъ; надо мной сначала смѣялись, подвергали разнымъ испытаніямъ; но когда убѣдились, что я мало обращалъ вниманія на насмѣшки товарищей и что стоялъ выше многихъ по образованію, то меня оставили въ покоѣ. Иногда впрочемъ доставалось мнѣ за мою привязанность къ матери, о которой я никогда не могъ вспоминать равнодушно; но и тутъ оскорбляемое чувство говорило во мнѣ такъ сильно и краснорѣчиво, что вскорѣ отъучилъ я товарищей моихъ насмѣхаться надо мною и заставилъ ихъ уважать и въ другихъ чувство сыновней привязанности.

Содержателемъ нашего пансіона былъ почтенный шестидесяти лѣтній старикъ, итальянецъ по фамиліи, нѣмецъ по религіи, французъ по службѣ и воспитанію. Звали его Карломъ Ивановичемъ. Онъ служилъ въ Наполеоновской арміи капитаномъ инженеровъ. Всѣхъ воспитанниковъ своихъ онъ дѣлилъ на двѣ категоріи: добрыхъ и злыхъ. Первые назывались бѣлыми душами, вторые черными. Сверхъ этого существовало еще различіе въ пансіонерахъ по количеству платы за нихъ вносимой; тѣ, за которыхъ платили больше, пользовались особенными матеріальными выгодами и не подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ. Я попалъ прямо въ число бѣлыхъ душъ, а какъ за меня вносили больше обыкновенной платы, то въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлался любимымъ воспитанникомъ Карла Ивановича. Онъ до того полюбилъ меня, что поручилъ своей супругѣ Каролинѣ Ивановнѣ мое музыкальное

образованіе. Четыре раза въ недѣлю, являлся я къ ней брать уроки музыки на фортепьяно; она была очень довольна моимъ прилежаніемъ и способностями, и въ ознаменованіе своего благоволенія заставляла меня разъигрывать въ четыре руки разныя пьесы съ единственною ея дочерью Аделаидою Карловною, прехорошенькой дѣвочкой лѣтъ пятнадцати.

У насъ было три класса, и чрезъ полгода послѣ моего поступленія въ пансіонъ, меня перевели во второй, за отличные успѣхи. Все шло какъ нельзя лучше. Карлъ Ивановичъ въ письмахъ къ моей матери не могъ довольно нахвалиться мною, и я достигъ самой большой милости: мнѣ дозволялось лѣтомъ во всякое время ходить въ садъ Карла Ивановича и кушать тамъ фрукты. Этимъ преимуществомъ пользовались очень не многіе, но строжайше было запрещено уносить фрукты изъ сада для себя или для другихъ.

Первое паденіе мое совершилось, какъ и паденіе перваго человѣка, посредствомъ запрещеннаго плода. Любимцы Карла Ивановича, накушавшись вдоволь фруктовъ, возвращаясь изъ сада, около воротъ всегда были осматриваемы надзирателемъ или содержателемъ пансіона. Между товарищами былъ у меня одинъ пріятель, бѣдный по состоянію, не знатный происхожденіемъ и хотя бѣлый душею, но не пользовавшійся дозволеніемъ ходить въ садъ Карла Ивановича. Часто просилъ онъ меня принести ему грушу или яблоко и не рѣдко удавалось мнѣ исполнить его просьбу, положивъ фрукты подъ мышки; но въ одинъ вечеръ хитрость моя была открыта, мнѣ запретили ходить въ садъ, и Карлъ Ивановичъ пересталъ ласкать меня. Нашелъ я впрочемъ вознагражденіе въ Каролинѣ Ивановнѣ: послѣ каждаго урока она приказывала Аделаидѣ Карловнѣ подчивать меня разными лакомствами. Тронутый этимъ вниманіемъ, я болѣе и болѣе привязывался къ хорошенькой Адели, цѣловалъ ея ручки и необыкновенно скоро разучивалъ пьесы, которыя мы играли вмѣстѣ. Вскорѣ я замѣтилъ, что и Аделя находила удовольствіе въ моемъ обществѣ и что я ей нравился. Мы стали видѣться чаще, свиданья продолжались долѣе: мы любили другъ друга. Недолго впрочемъ наслаждались этимъ счастьемъ: однажды Карлъ Ивановичъ вошелъ неожиданно въ комнату, гдѣ я бралъ уроки музыки, и увидѣлъ, что вмѣсто игры на фортепьяно, я упражнялся

съ Аделаидой Карловной въ сладкихъ поцѣлуяхъ. Негодованію Карла Ивановича не было конца: онъ меня тотчасъ разжаловалъ въ черныя души и посадилъ въ карцеръ на три дня. Что сдѣлалось съ бѣдненькой Аделью, мнѣ было неизвѣстно и неизвѣстность эта увеличивала горечь моего положенія.

Когда я вышелъ изъ карцера, мнѣ наступилъ четырнадцатый годъ. Въ пансіонѣ все измѣнилось для меня: изъ любимцевъ я попалъ въ опальные, надзиратели и учителя стали обращаться со мною строго и не всегда вѣжливо; впрочемъ я нашелъ еще нѣкоторое утѣшеніе въ дружбѣ моихъ товарищей: въ немилости они стали любить меня болѣе, чѣмъ въ счастливыя времена. Я былъ однако увѣренъ, что невзгода скоро пройдетъ, что со временемъ меня опять возведутъ въ достоинство любимца, и поэтому никогда не участвовалъ въ шалостяхъ товарищей и продолжалъ учебныя занятія съ большимъ прилежаніемъ. Наступило время экзаменовъ: меня перевели въ третій классъ, съ награжденіемъ похвальнымъ листомъ, и отпустили на каникулы въ деревню. Мать моя была совершенно счастлива моими успѣхами въ наукахъ. Отецъ мой былъ произведенъ въ генералы, назначенъ начальникомъ артиллерійской дивизіи и квартировалъ недалеко отъ насъ. Мы видѣлись часто, онъ сталъ ласкать меня болѣе прежняго, чувство страха во мнѣ исчезло, и я привязался къ нему съ увлеченіемъ свойственнымъ юности.

Я росъ очень быстро, и въ слѣдствіе этого у меня развилась необыкновенная въ мои лѣта болѣзнь: сильная грудная боль и кровохарканіе. Родители мои были въ отчаяніи; но попеченія ихъ и искусство медика Шеффера, жившаго въ Прилукахъ, не далеко отъ нашей деревни, совершенно излечили меня.

Я выѣзжалъ къ сосѣдямъ и очень любилъ деревенскіе балы; на одномъ изъ нихъ, данномъ теткою моего отца г-жею В., я встрѣтилъ дѣвицу В., недавно вышедшую изъ института; она была прекрасна и такъ понравилась мнѣ, что въ самомъ разгарѣ бала я отправился въ садъ, чтобы сорвать пунцовую гвоздику и принести ей въ замѣнъ той, которую я вытащилъ изъ ея букета и спряталъ на память. На дворѣ было сыро и холодно. За мной послали, чтобы меня воротить, я убѣжалъ дальше и воротился чрезъ полчаса съ гвоздикой. Результатомъ

моей любезности была сильная горячка, продержавшая меня дней двадцать въ постели. Когда я выздоровѣлъ, мать моя прочла мнѣ длинное наставленіе о пылкости моего характера, объ огорченіяхъ ей нанесенныхъ моею болѣзнію, и я обѣщалъ быть впредь благоразумнѣе. Драгоцѣнная гвоздика была однако засушена и доставила мнѣ много пріятныхъ минутъ. И кто изъ васъ, читатель, не былъ счастливъ сладкимъ раздумьемъ, восторженной мечтой надъ цвѣткомъ пріобрѣтеннымъ отъ любимой особы?

Возвратясь въ пансіонъ, я сталъ заниматься науками по прежнему съ усердіемъ, но Карлъ Ивановичъ не любилъ меня и началъ дѣлать мнѣ разныя непріятности: не пускалъ иногда со двора, не смотря на добросовѣстныя мои занятія и хорошее поведеніе; ставилъ дурныя отмѣтки изъ фортификаціи, которую намъ преподавалъ въ старшемъ классѣ, и продолжалъ звать меня черной душой. Кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, пансіонеровъ отпускали въ городъ въ день ихъ рожденія и имянинъ. Чтобы вознаградить тѣ праздники, когда меня оставляли въ пансіонѣ безъ всякой причины, я нѣсколько разъ въ годъ праздновалъ свое рожденіе и имянины; это мнѣ удавалось потому, что память Карла Ивановича притупилась отъ старости, и онъ не помнилъ нашихъ именъ. Зрѣніе содержателя пансіона тоже значительно ослабѣло, и этотъ недугъ послужилъ мнѣ однажды какъ нельзя лучше. Сердце мое было тогда занято сестрою одного изъ моихъ товарищей; я былъ знакомъ съ ея родителями, и они довольно часто приглашали меня къ себѣ и возили въ театръ. Въ театрѣ давали по большей части драмы и трагедіи; любимой пьесой всѣхъ пансіонеровъ была: „Жизнь игрока“. Меня пригласили на одно изъ представленій этой пьесы, но Карлъ Ивановичъ не пустилъ. Внѣ себя отъ негодованія, я рѣшился его обмануть довольно оригинально. Въ частномъ женскомъ пансіонѣ оканчивала свои науки моя дальняя родственница, дѣвица С.; я вытребовалъ отъ нея полный женскій туалетъ, который мнѣ пришелся въ пору, упросилъ брата нравившейся мнѣ дѣвицы пріѣхать за мной въ каретѣ и назвать меня своей сестрой. Подъ именемъ этой дѣвицы, явился я къ Карлу Ивановичу съ просьбою отпустить въ театръ нѣсколькихъ пансіонеровъ, и меня въ томъ числѣ. Въ кабинетѣ Карла Ивановича

царствовалъ полумракъ: въ очкахъ и зеленомъ зонтикѣ, почтенный старикъ не узналъ меня, поцѣловалъ мою руку,—тогда подходили еще къ ручкѣ,—и снисходя къ убѣдительной просьбѣ хорошенькой дѣвицы, за которую меня принялъ, онъ отпустилъ насъ. Въ дамскомъ нарядѣ нельзя было явиться къ родителямъ моего товарища, я перемѣнилъ туалетъ и провелъ вечеръ очень весело. Шалость моя впрочемъ вскорѣ была открыта. Болѣе всего Карлъ Ивановичъ негодовалъ на то, что я осмѣлился дать ему поцѣловать мою руку. Меня посадили въ карцеръ на хлѣбъ, на воду; вышедши изъ карцера по истеченіи недѣли, я сдѣлался страшилищемъ Карла Ивановича и любимцемъ моихъ товарищей. Мнѣ наступилъ тогда пятнадцатый годъ.

Еслибы со мною обращались ласково, то я-бы опять возвратился къ добру, но разнаго рода притѣсненіямъ не было конца: необыкновенная строгость и что еще хуже—несправедливость возмутили меня: я сдѣлался зачинщикомъ всѣхъ шалостей и диктаторомъ товарищей. Весь классъ сталъ учить уроки только тѣхъ преподавателей, которые нравились мнѣ, поэтому фортификація и латинскій языкъ шли очень дурно. Вмѣсто крѣпостей, чертили башенки и рисовали домики съ огородами, а на вопросы учителя латинскаго языка не рѣдко весь классъ отвѣчалъ блеяніемъ, потому что у учителя были курчавые волосы и онъ очень походилъ на барана.

Всѣ шалости въ пансіонахъ, всѣ непріятности, дѣлаемыя учениками надзирателямъ и учителямъ, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы распространяться о нихъ, да всего и не вспомнишь. Запалъ мнѣ впрочемъ въ память побѣгъ, сдѣланный подъ моей командой изъ пансіона. Верстахъ въ семи отъ города была дача, принадлежавшая богатому помѣщику; на дачѣ этой давали балъ, на который насъ не пустили. Не долго думая, въ сумерки мы ускакали верхомъ на лошадяхъ знакомыхъ намъ уланскихъ офицеровъ изъ Чугуева, въ числѣ которыхъ былъ Жакъ д. Б., нашъ сосѣдъ по деревнѣ и большой мой пріятель, и потанцовавши вдоволь, воротились въ пансіонъ на разсвѣтѣ.

Карлъ Ивановичъ часто жаловался на меня матери моей, въ перепискѣ съ нею, но никогда не объяснялъ ей всѣхъ подробностей моихъ шалостей, боясь лишиться пансіонера, за котораго платили исправно.

Сближалось время окончанія годичнаго курса; оставаться болѣе въ пансіонѣ было безполезно: я отчетливо зналъ все, что тамъ преподавали въ послѣднемъ классѣ, исключая фортификаціи и латинскаго языка, и поэтому просилъ моихъ родителей не оставлять меня долѣе у Карла Ивановича. Наступили экзамены, я ихъ выдержалъ очень хорошо, игралъ на актѣ концертъ Гуммеля съ оркестромъ, и безъ всякаго сожалѣнія разстался съ Карломъ Ивановичемъ и его пансіономъ.

III. Высшее училище.

Отецъ мой вышелъ въ отставку въ 1835 году и поселился въ деревнѣ; онъ рѣшился везти меня въ Петербургъ и отдать въ одно изъ тамошнихъ учебныхъ заведеній. Мать моя сопровождала насъ; мы поѣхали на Москву и въ Москвѣ прожили нѣсколько недѣль. Я съ большимъ вниманіемъ осматривалъ достопримѣчательности древней столицы, и Москва понравилась мнѣ, какъ нельзя болѣе. Мы квартировали у родственника моего отца, А. А. Ригельмана, весьма умнаго и пріятнаго старика, женатаго на П. Г. Галаганъ. Единственный ихъ сынъ, Н. А. Ригельманъ, только что поступилъ тогда въ московскій университетъ по словесному факультету; при немъ находился еще гувернеръ. Я очень подружился съ молодымъ Ригельманомъ.

Въ Петербургъ мы пріѣхали поздней осенью; городъ этотъ съ перваго разу произвелъ на меня самое непріятное впечатлѣніе, въ которомъ я не могъ дать себѣ отчета. Прошло двѣ недѣли: я ни разу не видѣлъ солнца; густой туманъ, проникавшій меня своею сыростью, въ особенности былъ мнѣ ненавистенъ.

По долгомъ размышленіи, куда меня помѣстить для окончанія воспитанія, предположено было, что я поступлю во вновь открывавшееся высшее гражданское училище Зданіе этого училища еще не было совершенно готово, и по совѣту директора меня отдали къ одному изъ его родственниковъ, инженерному капитану, занимавшемуся приготовленіемъ молодыхъ людей къ поступленію въ разныя учебныя заведенія, для того чтобы приготовить меня къ экзамену. Инженерный капитанъ взялъ за это значительную плату и занимался мною очень мало. Эк-

заменъ впрочемъ я выдержалъ въ третій классъ открывшагося училища очень удовлетворительно изъ всѣхъ предметовъ; но изъ латинскаго языка получилъ такую дурную отмѣтку, что вмѣсто третьяго класса меня помѣстили во второй. Послѣ пріемнаго экзамена родители мои уѣхали: я остался у инженернаго капитана и прожилъ у него четыре мѣсяца до поступленія въ училище.

Людей занимающихся приготовленіемъ юношества въ учебныя заведенія очень много въ Петербургѣ, и занятіе это приноситъ большія выгоды. Впрочемъ очень не многіе изъ приготовителей исполняютъ свое дѣло добросовѣстно, а по большей части довольствуются полученіемъ значительной платы за пансіонеровъ и занимаются ими очень мало. Такъ было и со мною: капитанъ, послѣ экзамена въ училищѣ, не обращалъ на меня ни какого вниманія, за мной не было надзора, я пересталъ учиться, каждый вечеръ ѣздилъ въ театръ, велъ жизнь довольно разсѣянную и пріучился къ совершенкому своеволію.

Наступило время поступленія въ училище. Первые дни прошли довольно сносно: новость моего положенія занимала меня, но, всмотрѣвшись ближе въ подробности предстоявшей жизни, меня взяло раздумье. Вставать въ 6 часовъ утра, умываться въ общемъ мѣдномъ умывальникѣ, строиться въ ряды, чтобы итти къ молитвѣ, сидѣть въ классѣ на урокѣ, какъ въ клѣткѣ, не имѣя возможности дать свободы своимъ движеніямъ, писать и болѣе думать о томъ, чтобы не закапать скамейку чернилами, нежели о томъ, что пишешь, отправляться по командѣ на обѣдъ и выходить изъ за стола совершенно голоднымъ, не смѣть заниматься чѣмъ-бы то ни было въ рекреаціонной залѣ, когда приказано отдыхать и веселиться, итти стройными рядами въ спальню, раздѣваться и складывать по формѣ свое платье на табуретѣ, не имѣть возможности укрыться чѣмъ-нибудь теплымъ, кромѣ легкаго одѣяла, въ огромной комнатѣ со стѣпами подъ мраморъ и съ одинадцатью градусами тепла въ зимнее время, засыпать непремѣнно чрезъ четверть часа и спать не иначе, какъ на правомъ боку,—всему этому, какъ оно ни было для меня дико и непріятно, я подчинился съ стоическою твердостью. Но не выходить изъ училища въ будни, а только по праздникамъ, и то не иначе, какъ если за вами пришлютъ кого-нибудь съ

такъ называемымъ родственнымъ билетомъ, на которомъ означены фамилія воспитанника и адресъ родственника или знакомаго, берущаго воспитанника къ себѣ на домъ, ходить и ѣздить въ городѣ непремѣнно въ сопровожденіи лакея, бывать въ театрѣ только въ ложахъ и то всегда съ родными, никогда не заходить въ кондитерскія и не ѣздить на извощикахъ,—на это я никакъ не могъ согласиться, привыкнувъ во время пребыванія моего у инженернаго капитана не стѣсняться подобными мелочами. Товарищи меня полюбили за мой веселый, беззаботный характеръ, начальникамъ я не совсѣмъ нравился потому, что не всегда исполнялъ обязанности, возложенныя на воспитанниковъ.

За двѣ недѣли до поступленія моего въ училище, я познакомился у моихъ родственниковъ съ одной молодой еще дамой, которая произвела на меня сильное впечатлѣніе своею красотой и крѣпко заинтересовала своимъ положеніемъ. Ей было двадцать восемь лѣтъ, а супругу ея насчитывали за шестьдесятъ. Она была совершенная красавица, а мужъ уродливый старикъ. Она была жива и игрива по молодости и по природѣ, ее звали Лаурой, родомъ она была итальянка, а Иванъ Васильевичъ Б., за котораго она вышла замужъ, былъ флегматикъ самой непріятной наружности и, казалось, не имѣлъ большаго расположенія къ своей супругѣ. Полюбить эту очаровательную женщину со всѣмъ пыломъ и увлеченіемъ юноши было для меня дѣломъ одного мгновенія. Я вскорѣ совершенно предался этой страсти и выдумывалъ разные предлоги, чтобы чаще видѣть госпожу Б. Сначала я только пользовался позволеніемъ выходить изъ училища по праздникамъ; но родные мои иногда не присылали за мною, и, чтобы не проводить въ училищѣ тѣхъ счастливыхъ дней, въ которые я могъ видѣться съ Лаурой, я нанялъ особаго служителя, и его единственною обязанностью было являться съ родственнымъ билетомъ въ училище по праздникамъ и воскресеньямъ и объявлять воспитателямъ (такъ назывались у насъ надзиратели и гувернеры), что присланъ за мною отъ г. К., дальняго моего родственника, на имя котораго былъ написанъ училищный билетъ.

Привязанность моя къ Лаурѣ такъ быстро развилась, что жизнь въ училищѣ по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сдѣлалась для меня

невыносимой. Цѣлые дни проводилъ я въ мечтахъ о прелестной итальянкѣ, всю недѣлю жилъ надеждой видѣть ее въ воскресенье. Науками я занимался очень мало, или совсѣмъ не занимался, но этого не замѣчали мои наставники, потому что въ классѣ, въ который я поступилъ, читали предметы давно мнѣ знакомые. Въ музыкѣ я дѣлалъ замѣтные успѣхи; они обратили на меня вниманіе высокаго покровителя нашего училища. Кромѣ фортепьяно, я игралъ на віолончели, и игра на этомъ инструментѣ служила мнѣ большимъ развлеченіемъ и утѣшеніемъ въ моемъ положеніи. Попечитель нашего училища очень любилъ музыку и заставилъ меня и Сѣрова учиться на віолончели; учителемъ нашимъ былъ Кнехтъ. Изъ всѣхъ инструментовъ звуки віолончели болѣе другихъ походятъ на человѣческій голосъ и болѣе другихъ способны выражать чувства наши. Въ звукахъ этого инструмента такъ много пѣвучести, въ меланхолическомъ пѣніи его такъ много безотрадной тоски, что віолончель сильно дѣйствуетъ на душу, въ особенности, когда она настроена грустью...

Прошло четыре мѣсяца со дня поступленія моего въ училище, и знакомство мое съ Лаурой съ каждымъ праздникомъ дѣлалось короче, привязанность моя къ ней становилась сильнѣе. Меня принимали очень ласково: старикъ мужъ смотрѣлъ на меня, какъ на доброе дитя, развлекавшее иногда своими разсказами и любезностями его жену, а Лаура такъ привыкла ко мнѣ, что считала совершенно своимъ. Она очень любила музыку, пѣла превосходно и часто заставляла меня акомпанировать на фортепьяно или на віолончели. Привязанности моей она, казалось, не замѣчала, или лучше сказать не замѣчала въ ней увлеченія, съ которымъ я любилъ. Изъ веселаго и рѣзваго отрока я сдѣлался задумчивымъ, мечтательнымъ юношей, товарищи меня не узнавали; съ потерей веселости я потерялъ ихъ расположеніе, въ шалостяхъ ихъ никогда не участвовалъ, никому не повѣрялъ своей тайны, но изыскивалъ средства почаще выходить изъ училища.

Не такъ то легко было укрыться отъ бдительныхъ глазъ безчисленныхъ училищныхъ аргусовъ. Весьма многимъ изъ предписанныхъ правилъ я не могъ подчиняться и очень часто попадался въ отпуску нашимъ надзирателямъ на извощикѣ, или пѣшкомъ безъ лакея, или въ

театрѣ въ креслахъ, или въ кондитерской за чашкой кофе. Эти преступленія строго у насъ наказывались. На первыхъ порахъ я упрашивалъ надзирателей не доносить обо мнѣ директору, потомъ отдѣлывался отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ подарками, но, наконецъ, былъ подверженъ отвѣтственности, и нѣсколько праздниковъ сряду просидѣлъ въ училищѣ. Чтобы избавиться отъ этихъ непріятностей, я рѣшился не носить въ отпуску училищнаго мундира, заказалъ себѣ партикулярное платье и черный парикъ, измѣнявшій нѣсколько цвѣтъ моихъ волосъ, купилъ очки и досталъ помады тѣлеснаго цвѣта, которою закрашивалъ большое родимое пятно, находящееся у меня надъ лѣвымъ глазомъ. Переодѣтый такимъ образомъ, я безпрепятственно могъ ходить и ѣздить по городу и безнаказанно проводить дни отпуска, гдѣ и какъ хотѣлъ. Для того же, чтобы почаще отлучаться изъ училища, я придумалъ новое средство. Въ больницѣ были особыя комнаты для опасно больныхъ и для тѣхъ, у которыхъ была какая нибудь прилипчивая болѣзнь; иногда впрочемъ и обыкновеннымъ больнымъ отводили эти комнаты. Надзиратель больницы получалъ отъ меня постоянное вознагражденіе за разныя снисхожденія и часто отводилъ мнѣ особую комнату, изъ которой былъ выходъ по лѣстницѣ на дворъ. Директоръ имѣлъ привычку посѣщать больницу ежедневно нѣсколько разъ и вечеромъ приходилъ обыкновенно въ восемь часовъ; послѣ вечерняго посѣщенія директора, надзиратель по большей части или уходилъ со двора, или ложился спать, въ полной увѣренности, что больные спятъ. Я подкупилъ одного изъ фельдшеровъ и въ дни его дежурства, чрезъ день, послѣ восьми часовъ вечера отправлялся къ Лаурѣ или въ театръ и возвращался часамъ къ двѣнадцати.

Устроивъ такимъ образомъ свободные выходы изъ училища, чтобы пользоваться ими нѣсколько разъ въ недѣлю, я долженъ былъ часто сказываться больнымъ, и докторъ нашъ С. запретилъ, наконецъ, принимать меня въ больницу. Тогда я притворился больнымъ бѣлою горячкою, дозволилъ терзать себя всѣми средствами, употребляемыми къ излеченію этой болѣзни: глоталъ прописываемыя микстуры, съ стоическою твердостію выдержалъ два раза кровопускательныя банки и совершенно успѣлъ обмануть нашего доктора и другаго эскулапа, призваннаго для

консультаціи. Бѣлая горячка продолжалась полтора мѣсяца, и въ этотъ періодъ страсть моя развилась до крайнихъ предѣловъ; я видѣлъ Лауру почти каждый вечеръ и любилъ ее съ новымъ увлеченіемъ. Скрывать долѣе чувствъ моихъ я не могъ и высказалъ ихъ Лаурѣ. Она хотѣла обратить мое признаніе въ шутку, но я былъ такъ краснорѣчивъ, такъ настойчивъ, слова мои были такъ чистосердечны, привязанность моя такъ неподдѣльна, что нельзя было не выслушать меня серьезно. Въ отвѣтѣ Лауры, основанномъ не на чувствѣ оскорбленнаго достоинства, а на твердомъ сознаніи непоколебимости своего долга и всѣхъ его обязанностей, если и не было высказано полнаго сочувствія ко мнѣ, то я могъ однакоже замѣтить нѣкоторое участіе къ моему положенію, нѣсколько сострадапія. Этотъ проблескъ какого-то чувства, не враждебнаго мнѣ, желаніе Лауры вразумить меня и объяснить привязанность мою дѣтскимъ увлеченіемъ, ея совѣты оставаться въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ и не говорить ей болѣе о любви моей — самолюбіе мое перетолковало иначе: въ словахъ ея, казалось мнѣ, выразилось сожалѣніе не только ко мнѣ, но и сожалѣніе, хотя не ясно высказанное о положеніи ея самой; въ глазахъ-же ея, въ черныхъ, томныхъ и очаровательныхъ, я прочелъ болѣе, чѣмъ ожидалъ, и остался совершенно доволенъ моимъ объясненіемъ. Пламенное воображеніе мое рисовало въ будущности картины счастія, и инстинктъ говорилъ мнѣ, что грезы мои осуществятся. Изъ тихаго, робкаго чувства привязанность моя перешла въ такое сильное, восторженное увлеченіе, въ такую пылкую необузданную страсть, что въ порывахъ любви моей я часто спрашивалъ себя: дѣйствительно-ли притворяюсь больнымъ и не помѣшался-ли въ самомъ дѣлѣ?

Скоро прошло время пребыванія моего въ больницѣ; мой добрый геній, фельдшеръ, покровительствовавшій мнѣ, заболѣлъ и на мѣсто его назначили другаго, который о предложеніи моемъ выпускать меня по вечерамъ доложилъ директору; къ счастію это предложеніе приняли за новое доказательство болѣзненнаго моего состоянія; но выходить изъ больницы я уже не могъ и по необходимости долженъ былъ выздоровѣть въ непродолжительномъ времени. Какъ и прежде, я сталъ видѣться съ Лаурою только по праздникамъ и воскресеньямъ и продолжалъ ходить въ городъ въ партикулярномъ платьѣ.

Однажды, въ вечеру, Лауры не было дома, и я отправился въ большой театръ. Давали любимую мою оперу: „Роберта Дьявола“ Мейербера. Великолѣпная постановка этой оперы, занимательное либретто, однимъ словомъ все въ этомъ образцовомъ произведеніи вкуса, геніальности, музыкальной учености и счастливаго вдохновенія, производило на меня невыразимо пріятное впечатлѣніе. Я сидѣлъ въ креслахъ; кончился первый актъ, я окинулъ взоромъ всѣхъ моихъ сосѣдей и не замѣтилъ между ними ни одного знакомаго лица: подлѣ меня было пустое мѣсто. Въ началѣ втораго акта, это мѣсто занялъ г. Т., надзиратель нашего училища, одинъ изъ самыхъ лютыхъ враговъ моихъ, нѣмецъ родомъ, маленькій ростомъ, близорукій и очень непріятной наружности. Онъ начинаетъ всматриваться въ меня и, кажется, узнаетъ. Тогда между нами завязывается слѣдующій разговоръ:

— Послушайте, какъ вы смѣете ходить одни въ театръ и въ партикулярномъ платьѣ?

— Милостивый государь, не мѣшайте мнѣ слушать прекрасную музыку Мейербера.

— Я васъ серьезно спрашиваю, какъ вы смѣете быть здѣсь, и не въ мундирѣ.

— Вы со мной-ли говорите?

— Съ кѣмъ-же, какъ не съ вами?

— Въ такомъ случаѣ я васъ не понимаю.

— Вы меня не понимаете, такъ поймете сейчасъ: не угодно-ли вамъ сію минуту ѣхать со мною?

— Извините, не могу удовлетворить вашему желанію: я очень люблю музыку „Роберта“ и не намѣренъ уѣхать изъ театра до окончанія пьесы.

— Такъ вы еще не слушаете меня? Будетъ-же вамъ.

— Вы, милостивый государь, или не въ своемъ умѣ, или ошибаетесь и принимаете меня за другаго.

— Нѣтъ, С., я васъ знаю слишкомъ хорошо, чтобы принять за другаго.

— Я дѣйствительно С., но не понимаю, какое право даетъ вамъ эта фамилія говорить мнѣ грубости.

— Вы еще насмѣхаетесь надо мной, такъ погодите-же, завтра въ училищѣ я съ вами раздѣлаюсь.

— А! Вы быть можетъ изъ училища N?

— Вы въ этомъ сомнѣваетесь?

— И вѣроятно служите тамъ инспекторомъ или воспитателемъ?

— Вы, кажется, въ этомъ не совершенно увѣрены?

— Теперь я понимаю въ чемъ дѣло. Вы приняли меня за моего брата, который воспитывается въ училищѣ N.; ошибиться впрочемъ не трудно, мы очень похожи другъ на друга, но я нѣсколько старше брата, у него волосы свѣтлѣе моихъ, и у меня нѣтъ родимаго пятна надъ глазомъ, по которому брата моего тотчасъ можно узнать.

— Извините, я дѣйствительно принялъ васъ за вашего брата, но онъ такой повѣса ..... еще разъ прошу меня извинить.

Зная нѣсколько слабыя струны нашего Т., я въ разговорѣ такъ къ нему поддѣлался, что онъ былъ отъ меня въ восторгѣ; въ особенности понравилось ему мое сужденіе о музыкѣ вообще и о нѣмецкой въ особенности.

Передъ пятымъ актомъ я его просилъ передать моему брату нѣсколько денегъ, увѣривъ его, что не могу прійти скоро въ училище, по случаю предстоящей поѣздки на нѣсколько дней изъ Петербурга, и въ концѣ представленія уѣхалъ изъ театра.

Мы разстались большими пріятелями. На другой день Т., не отдавая мнѣ денегъ, полученныхъ имъ наканунѣ, а сказавъ, что сохранитъ ихъ для моихъ надобностей (имѣть деньги воспитанникамъ запрещалось), разсыпался въ похвалахъ моему брату, говорилъ, что онъ прекрасный молодой человѣкъ, очень солидный, имѣетъ много свѣдѣній, долженъ быть отличнымъ музыкантомъ, и совѣтовалъ мнѣ брать съ него во всемъ примѣръ.

Чрезъ нѣсколько дней я разсказалъ объ этомъ происшествіи одному изъ моихъ товарищей, взявъ съ него честное слово, что сохранитъ его въ тайнѣ. Вскорѣ въ училищѣ не было другаго разговора, какъ о похожденіи моемъ съ Т.

Надзоръ за мной сдѣлался строже, узнали, что приходилъ съ родственнымъ билетомъ нарочно нанятый для этого лакей, что у род-

ныхъ моихъ бываю очень рѣдко и что хожу въ городѣ въ партикулярномъ платьѣ. Это такія преступленія, за которыя не могло быть помилованія. Меня засадили на двѣ недѣли въ карцеръ и въ теченіи мѣсяца запретили выходить изъ училища.

Первые дни моего заключенія были для меня невыносимы. Постоянный мракъ, царствовавшій въ темницѣ, невозможность ни встать, ни ходить,—такъ былъ малъ нашъ карцеръ, лишеніе всѣхъ средствъ къ занятіямъ доводили меня до отчаянія, а мысль, что въ теченіи шести недѣль не буду видѣть Лауры, терзала меня болѣе всего. Казалось, не могло быть положенія болѣе затруднительнаго, и я узналъ тогда на опытѣ, какъ невыносимо одиночное темничное заключеніе.

Но и въ эти горькія минуты мой добрый геній не оставилъ меня. На этотъ разъ онъ явился въ видѣ карцернаго сторожа, который, послѣ трехдневнаго бдительнаго надзора, сжалился надо мною и за незначительную плату согласился давать мнѣ свободу по вечерамъ, послѣ девяти часовъ. Вскорѣ я свыкся съ моимъ положеніемъ, и когда меня выпустили изъ карцера, я очень жалѣлъ, что время заключенія продолжалось не долго. Изъ карцера я могъ уходить и видѣть Лауру, а изъ училища не было возможности исчезнуть незамѣченнымъ. По этому я употребилъ карцеръ, какъ средство для свиданій съ Лаурою, и началъ дѣлать множество разныхъ шалостей, въ училищахъ обыкновенно называемыхъ школьничествомъ, какъ напримѣръ: капалъ изъ пера чернило на лысую голову учителя нѣмецкаго языка, сдергивалъ парикъ съ профессора физики, подражалъ лаю собакъ, когда преподаватель англійскаго языка заставлялъ меня спрягать глаголы, и тому подобное. За всѣ эти продѣлки меня сажали въ карцеръ; но наказаніе это такъ часто повторялось и, казалось, было такъ недѣйствительно, что чѣмъ чаще меня сажали въ карцеръ, тѣмъ больше я шалилъ, и карцеръ былъ занятъ мною почти постоянно. Тогда директоръ, начинавшій, вѣроятно, подозрѣвать что-нибудь, приказалъ сажать меня вмѣсто карцера въ отдѣльную комнату при больницѣ, изъ которой не было уже никакой возможности уйти, ибо ключъ хранился у самаго лютаго врага моего Т., такъ удачно обманутаго мной въ театрѣ. Къ заключенію прибавили еще другое наказаніе—голодъ, и какъ я ни былъ терпѣливъ, но не могъ перенесть всѣхъ истязаній, которымъ меня подвергли.

Независимо отъ обязанности наказывать, у директора развилось ко мнѣ враждебное чувство, которое обратилось въ злое, недостойное мщеніе; онъ хотѣлъ выместить на мнѣ всѣ насмѣшки наши надъ нимъ и его семействомъ, составлявшимъ порядочное собраніе уродовъ, и всѣ непріятности, которыя воспитанники дѣлали надзирателямъ и учителямъ, въ полной увѣренноста, что я былъ главной пружиной всѣхъ безпорядковъ и шалостей.

Дальнѣйшее пребываніе въ училищѣ сдѣлалось для меня невозможнымъ. Я писалъ моему отцу и умолялъ его взять меня изъ училища. Краснорѣчивое письмо мое, продиктованное невыносимымъ страданіемъ отъ стѣсненія личности, было прочтено директоромъ, и когда онъ убѣдился, что я рѣшительно не хочу оставаться въ училищѣ, то воспользовался отсутствіемъ изъ Петербурга нашего попечителя и, сдѣлавшись главнымъ начальникомъ въ училищѣ, довелъ меня до крайнихъ предѣловъ ожесточенія. Наконецъ, въ классѣ при всѣхъ ученикахъ насказалъ мнѣ столько грубостей и употребилъ такія выраженія, которыхъ врожденная мнѣ гордость не могла снести. Я ему отвѣчалъ тѣмъ-же, въ слѣдствіе чего и былъ исключенъ изъ училища.

Однимъ изъ самыхъ радостныхъ дней въ моей жизни былъ день моего исключенія: я оставилъ училище, какъ оставляетъ узникъ свою темницу. Я жалѣлъ только о томъ, что нашего попечителя не было тогда въ Петербургѣ, и я не могъ объяснить ему моего поведенія. Мнѣ не хотѣлось оставить въ памяти высокаго покровителя нашего дурнаго воспоминанія обо мнѣ. Онъ всегда былъ такъ ласковъ ко мнѣ, принималъ такое участіе въ моемъ положеніи, что каждый разъ, когда директоръ докладывалъ о моихъ шалостяхъ, онъ призывалъ меня къ себѣ и съ истинно родительскою любовью увѣщевалъ меня и просилъ исправиться; не смотря на неизмѣримое разстояніе между нами, я иногда готовъ былъ высказать ему все и признаться въ моей любви; онъ былъ еще молодъ, онъ, быть можетъ, понялъ-бы меня, и тогда жизнь моя получила-бы совсѣмъ другое направленіе. Но смѣлости мнѣ не доставало, врожденная застѣнчивость и ложный стыдъ заграждали мнѣ уста.

Сколько разъ добрый, незабвенный покровитель, во время пребыванія моего въ училищѣ, писалъ я тебѣ, и въ письмахъ моихъ громко

говорило чувство неподдѣльнаго раскаянія въ проступкахъ молодости, искренней преданности тебѣ и разумнаго пониманія началъ добра! Ты любилъ ихъ, эти признанія отроческой откровенности, эти очерки минутныхъ заблужденій, въ противоположность которымъ перо мое рисовало картины нравственнаго совершенства. Ты сочувствовалъ душѣ моей, увлеченной пылкой привязанностью, ты угадалъ, что не скверенъ по природѣ я. Да воздастъ тебѣ Господь за твои отеческія попеченія, и да наградитъ тебя въ дѣтяхъ твоихъ!

По исключеніи изъ училища, меня взялъ къ себѣ господинъ К., женатый на моей родственницѣ. Онъ былъ еще молодъ, велъ жизнь очень разсѣянную и не обращалъ на меня почти никакого вниманія; но счелъ однакоже нужнымъ снабдить меня гувернеромъ англичаниномъ. Я не любилъ К. и не могъ быть съ нимъ откровененъ; гувернеръ-же пришелся мнѣ по сердцу, и мы жили съ нимъ дружно; онъ никогда не мѣшался въ мои дѣла, провожалъ меня со двора и потомъ давалъ полную свободу; домой мы возвращались всегда вмѣстѣ въ условленное время, и всѣ были убѣждены, что мы въ теченіи дня не разлучались.

Во время послѣдняго моего заточенія въ училищѣ, мужъ Лауры скончался, оставивъ ей довольно значительное состояніе. Я не видѣлъ ея въ первые дни ея вдовства, но мы встрѣтились вскорѣ, свободные оба: она отъ узъ супружескихъ, я отъ ига училищнаго; и сколько разъ благословлялъ я судьбу за то, что она дала мнѣ возможность располагать собою и видѣть Лауру каждый день. Изъ всѣхъ ея родныхъ у ней осталась одна тетка, поселившаяся у Лауры послѣ смерти ея мужа. Тетка эта сдѣлалась истиннымъ моимъ другомъ. День со дня посѣщенія мои становились продолжительнѣе. Я ей не говорилъ о моихъ чувствахъ, но взоры наши краснорѣчиво высказывали то, о чемъ языкъ изъ приличія молчалъ еще.

Я дѣлалъ тысячи плановъ одинъ несбыточнѣе другаго, строилъ такіе великолѣпные замки, какіе можетъ создать пятнадцатилѣтнее восторженное воображеніе. Но въ этихъ очертаніяхъ счастливой будущности мысль моя часто останавливалась на моихъ родителяхъ, я думалъ объ огорченіи, сдѣланномъ имъ исключеніемъ изъ училища, о неудовольствіи на меня отца моего. Онъ не писалъ мнѣ ни слова, и я чувство-

валъ, что гнѣвъ его долженъ быть великъ и справедливъ. Безотчетный страхъ, который я питалъ къ нему въ дни дѣтства, пробуждался вновь и испуганное воображеніе не рѣдко доводило меня до отчаянія. Не долго впрочемъ продолжалось горькое раздумье: чувство сожалѣнія о нанесенныхъ родителямъ непріятностяхъ и идея неопредѣленнаго страха подавлялись безпредѣльною привязанностью къ Лаурѣ. Не могло быть продолжительной борьбы между чувствами сыновней любви и послушанія и страстью моей къ Лаурѣ. Лаура всегда бывала побѣдительницею. Наконецъ я рѣшился, если отецъ поступитъ со мной круто, оставить его навсегда, удалиться изъ Петербурга и уѣхать съ Лаурой за границу.

Прошло шесть недѣль траура Лауры, я говорилъ ей о моихъ чувствахъ и сообщилъ мое намѣреніе; въ словахъ моихъ было столько страстнаго увлеченія, во мнѣ такъ краснорѣчиво говорила привязанность моя, что невольно и Лаура высказала болѣе, чѣмъ я ожидалъ. Она впрочемъ значительно укротила пылъ моего восторга, объявивъ, что никогда не приметъ моихъ предложеній, если они не будутъ согласны съ волею моихъ родителей.

Какъ ни пріятно было мнѣ слышать выраженіе сочувствія Лауры, но рѣшимость ея не слѣдовать влеченію сердца, а во всемъ согласоваться съ волею отца моего, уничтожила все очарованіе. Сомнѣніе въ искренности Лауры мучило меня: подчиниться волѣ моего отца, по моему убѣжденію, значило разстаться съ Лаурой навсегда. И такъ не радость вынесъ я изъ этого объясненія, а безотрадную тоску, неопредѣленное сомнѣніе, неувѣренность въ возможности осуществленія моихъ мечтаній. Это состояніе между страхомъ и надеждой продолжалось до пріѣзда моего отца.

Первое свиданіе съ нимъ рѣшило вопросъ о моей будущности. Онъ обошелся со мною очень кротко, не смотря на то, что былъ крайне огорченъ изгнаніемъ изъ училища: въ немъ сильно страдало чувство оскорбленнаго самолюбія, ему грустно было отказаться отъ любимой идеи видѣть во мнѣ достойнаго наслѣдника своего имени, не хотѣлось ему сознаться и въ обманутой надеждѣ на совершенство нравственнаго моего воспитанія. Директоръ описалъ меня самыми черными

красками, что впрочемъ послужило мнѣ въ большую пользу. Удостовѣрясь изъ разговоровъ со мною, что я вовсе не имѣю дурныхъ правилъ, и что причиной большей части моихъ шалостей было стѣсненіе личности, отецъ мой вскорѣ совершенно успокоился на счетъ моего нравственнаго направленія. Не смѣлъ впрочемъ я ему признаться въ моей привязанности къ Лаурѣ; зная его серьезный харахтеръ, какъ было сказать ему, что я люблю и что меня любятъ? Я страшился не за себя, а за Лауру,—мнѣ дорого было ея доброе имя.

Я любилъ науки, и мысль о свободной учебной дѣятельности всегда привѣтливо улыбалась мнѣ; я увѣрилъ моего отца, хотѣвшаго было сначала отдать меня въ военную службу, что я готовъ учиться и горю нетерпѣніемъ почерпнуть нужныя для образованнаго человѣка свѣдѣнія, но съ условіемъ не ограничивать моей свободы ненавистными училищными формами, которыя введены у насъ нѣмецкими преподавателями и надзирателями и которымъ славянская моя природа не могла никакъ подчиниться. Дѣйствительно, жаждалъ я обогатить себя полезными познаніями, но желалъ пріобрѣсть ихъ по собственному побужденію и по внутреннему сознанію ихъ необходимости, безъ всякаго принужденія и стѣсненія. Поэтому рѣшено было, что я окончу мои науки въ университетѣ.

Увлеченный желаніемъ учиться, я изъявилъ согласіе на поступленіе въ университетъ, въ полной увѣренности, что меня оставятъ въ Петербургѣ; но каково было мое положеніе, когда отецъ объявилъ твердую волю, чтобы я поступилъ въ одинъ изъ губернскихъ университетовъ. Мысль, что, оставляя Петербургъ, я разстанусь съ Лаурой, быть можетъ, навсегда,—мучила, терзала меня; цѣлый день провелъ я въ тревожномъ состояніи и рѣшился не уѣзжать изъ Петербурга. Въ вечеру получилъ письмо отъ моей матери, въ которомъ она убѣдительно просила меня пріѣхать къ ней. Чувство безпредѣльной привязанности къ матери, предстоявшая возможность повѣрить ей тайну моего сердца заставили перемѣнить мое намѣреніе, и поѣздка въ деревню для свиданья съ матерью представлялась мнѣ лучшимъ средствомъ къ осуществленію моихъ желаній со временемъ. Недовѣрчивость однако поселяла во мнѣ новыя сомнѣнія въ искренности Лауры; я рѣшился въ тотъ-же

вечеръ объясниться съ ней окончательно. Я ей сказалъ, что уѣзжаю на дняхъ на югъ, что не говорилъ отцу ни слова о моей привязанности, зная его правила и характеръ и будучи убѣжденъ, что онъ приметъ это за глупое увлеченіе, сказалъ еще, что и привязанности ея я не совсѣмъ довѣряю, что не вѣрится мнѣ, чтобъ она искренно меня любила, а если дѣйствительно любитъ, то послѣдуетъ за мною туда, куда влечетъ меня судьба.

Нѣтъ словъ описать мой восторгъ, когда я услышалъ изъ устъ Лауры обѣщаніе найти меня, гдѣ-бы я ни былъ: то было упоеніе, доходившее до изступленія въ избыткѣ счастія; ощущенія подобнаго рода въ жизни человѣка очень рѣдки; они слишкомъ сильно потрясаютъ духовную его сторону и не могутъ повторяться часто. Мы положили съѣхаться не позже двухъ мѣсяцовъ въ Кіевѣ, гдѣ я предположилъ поступить во вновь открытый университетъ.

И такъ отъѣздъ мой изъ Петербурга сдѣлался для меня однимъ изъ пріятнѣйшихъ событій въ моей жизни. Я оставлялъ этотъ городъ съ надеждой на счастливую аркадскую будущность съ Лаурой. Не знаю впрочемъ, отчего не вѣрилось мнѣ, что я искренно любимъ ею: демонъ сомнѣнія часто тревожилъ меня, мысль, что Лаура меня любитъ, представлялась мнѣ такимъ несбыточнымъ бредомъ, такою мечтою недосягаемаго счастія, что я не смѣлъ предаваться ей вполнѣ. Эта недовѣрчивость имѣла единственнымъ основаніемъ избытокъ счастія и нисколько не была сродна моему характеру. Напротивъ я былъ слишкомъ довѣрчивъ, я вѣрилъ еще въ возможную непогрѣшимость человѣческой природы; добродѣтель, справедливость, истина не были для меня словами пустыми; обѣщать и не дѣлать, занять и не заплатить въ срокъ, быть въ состояніи помочь и не оказать помощи—я считалъ невозможнымъ. Благодаря правиламъ строгой нравственности, поселенной во мнѣ матерью и природнымъ началамъ добра, начертаннымъ Создателемъ въ сердцѣ моемъ, я былъ нравственно цѣломудренъ, я былъ наивно добродѣтеленъ и не только не дозволялъ себѣ думать о возможности отступленій и уклоненій отъ идеи правды, но не допускалъ ихъ и въ другихъ.

По пріѣздѣ нашемъ въ деревню, свиданіе мое съ матерью и ба-

бушкой было очень трогательно; онѣ не видѣли меня около двухъ лѣтъ, и не зная еще, достоинъ-ли я ихъ ласкъ, приняли меня съ любовью.

Я не разувѣрялъ отца моего въ предполагаемой имъ причинѣ моихъ шалостей въ училищѣ, но предъ матерью не могъ скрыть истины и разсказалъ ей все, не изъ тщеславія, что успѣлъ пріобрѣсть взаимность очаровательной женщины, не изъ одной необходимости высказать ей всю полноту моихъ чувствъ и вызвать въ ней сочувствіе къ моему положенію, а изъ желанія представить также достаточное извиненіе моимъ поступкамъ и предстать предъ нравственнымъ совершенствомъ моей матери не совсѣмъ недостойнымъ имени ея сыномъ. Откровенность моя послужила еще къ большему сближенію между нами. Страсть мою къ Лаурѣ мать моя считала пылкимъ увлеченіемъ юности и не осуждала меня за это; но говорила, что не слѣдуетъ давать большую свободу своимъ чувствамъ, что нужно умѣрять по возможности пылъ моего сердца, и изъявила желаніе, чтобы я поступилъ въ кіевскій университетъ для окончанія наукъ.

Какъ рѣзко начертались въ памяти моей слова твои, незабвенная виновница дней моихъ, несравненная мать, моя совершеннѣйшая изъ женщинъ! Помню я и буду всегда помнить то, что ты сказала, благословляя меня на новое поприще: больше разсудка и меньше сердца другъ мой, и ты будешь счастливъ.

IV. Университетъ.

У Днѣпра, на высокихъ горахъ живописно раскинутъ древній Кіевъ. Когда подъѣзжаешь къ этому городу, глазамъ представляется великолѣпное зрѣлище: предъ вами широкая, величественная рѣка, за нею прямо, на большой возвышенности печерская лавра, съ несмѣтнымъ множествомъ золотыхъ куполовъ, посреди которыхъ горделиво возвышается высокая башня колокольни; вся мѣстность, принадлежащая лаврѣ, обнесена каменной оградой и украшена роскошными садами, гдѣ между столѣтними деревами виднѣются крытые переходы изъ ближнихъ въ дальнія пещеры. Направо по горамъ ряды величественныхъ итальянскихъ тополей; изъ-за нихъ выглядываютъ городскія зданія и бесѣдки

царскаго сада, далѣе на горизонтѣ красуется единственная въ своемъ родѣ по архитектурной красотѣ своей церковь Андрея Первозваннаго; здѣсь картина оканчивается Подоломъ, новымъ городомъ, симметрически расположеннымъ на берегу рѣки; пристань усѣяна барками и разными судами. Налѣво крутые берега Днѣпра, изрытые оврагами, одѣтые дико ростущими кустарниками; вдали на утесѣ Выдубицкій монастырь,—мирная, убогая обитель и кладбище.

Чудно хорошъ святой градъ, когда подъѣзжаешь къ нему изъ-за Днѣпра, и трудно описать впечатлѣніе, которое производитъ видъ его на русскаго путешественника, впервые посѣщающаго эту древнюю колыбель вѣры православной. Чувства благоговѣнія къ святынѣ, уваженія къ старинѣ, тѣснятся въ груди и приводятъ въ совершенный восторгъ.

Я пріѣхалъ въ Кіевъ съ отцомъ моимъ, и по указанію попечителя кіевскаго округа, меня помѣстили къ директору 1-й гимназіи для приготовленія къ пріемному экзамену въ университетъ.

Директоръ былъ человѣкъ умный и просвѣщенный и зналъ, какъ нужно обходиться съ шестнадцатилѣтнимъ юношей: онъ предоставилъ мнѣ полную свободу располагать временемъ и развилъ во мнѣ охоту къ занятіямъ серьезнымъ: я учился съ успѣхомъ и въ четыре мѣсяца совершенно приготовился къ поступленію въ университетъ. Въ Петербургѣ я многое позабылъ изъ того, что зналъ еще въ пансіонѣ; оставивъ высшее училище и проживъ безъ занятій нѣсколько мѣсяцевъ, я удержалъ въ памяти очень немногое изъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ въ училищѣ, и четырехмѣсячное приготовленіе къ университету едва-ли было бы достаточно, еслибы я не употребилъ всевозможнаго старанія къ побѣжденію учебныхъ трудностей и пріобрѣтенію необходимыхъ познаній. Болѣе всего я занялся латинскимъ языкомъ; на первомъ курсѣ предстояло слушать „Римское Право“, и на пріемномъ экзаменѣ обращали особенное вниманіе на латынь.

Меня очень полюбили и ласкали въ домѣ нашихъ родныхъ П. Я. и Н. Гр. Лукашевичей. Они жили въ городѣ зимой, а лѣто проводили на прелестной дачѣ „Кинь-грусть“, купленной у Бѣгичева. Названіе „Кинь-грусти“ было дано императрицей Екатериной II въ 1787

году. Съ 1838 года дядя и тетушка Лукашевичи стали жить круглый годъ въ „Кинь-грусти“, гдѣ выстроили помѣстительный домъ и поселили нѣсколько семействъ крестьянъ. Не смотря на болѣзненное состояніе Платона Яковлевича, страдавшаго подагрой, и преклонныя лѣта Надежды Григорьевны, у нихъ было весело. Превосходно отдѣланный садъ, обиліе цвѣтовъ и фруктовъ, обширный прудъ, домашній оркестръ, хорошій столъ, радушіе и любезность стариковъ привлекали постоянно на дачу многочисленныхъ посѣтителей.

Лаура писала мнѣ часто, но не могла въ скорости пріѣхать въ Кіевъ: ее удерживали въ Петербургѣ разныя дѣла. Воспоминаніе о ней и надежда на скорое свиданіе поддерживали во мнѣ ученую дѣятельность.

Въ августѣ 1837 года я выдержалъ очень удовлетворительно экзаменъ и поступилъ въ число студентовъ университета св. Владиміра, по юридическому факультету.

Отецъ мой былъ доволенъ мною и навѣстилъ меня. Мы провели нѣсколько дней вмѣстѣ. Когда онъ уѣзжалъ, я сопутствовалъ ему до моста; это было вечеромъ, когда полный румяный мѣсяцъ величественно всходилъ на кіевскомъ горизонтѣ изъ за Днѣпра; мгновенно налетѣло облако и образовало на мѣдномъ дискѣ луны синій крестъ. Невольно перекрестился я и сказалъ отцу: „взгляните на крестообразное явленіе на лунѣ, это хорошее предзнаменованіе для меня“.

— Дай Богъ, отвѣчалъ отецъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ поступленія моего въ университетъ, пріѣхала въ Кіевъ Лаура; она окончила съ успѣхомъ свои дѣла и была совершенно свободна. Нѣтъ возможности описать мое счастіе и дать о немъ надлежащее понятіе Я любилъ, какъ любятъ въ лѣта первой молодости, когда безсознательное чувство взаимнаго влеченія не встрѣчаетъ въ изліяніи своемъ никакихъ препятствій и мелочныхъ разсчетовъ и не стѣсняется общественными условіями. Мы принадлежали другъ другу безусловно и существовали только для себя, не имѣя почти знакомыхъ. Большую часть времени я проводилъ въ университетѣ, а остальное посвящалъ Лаурѣ; жизнь наша текла тихо, спокойно: никто не зналъ о пребываніи Лауры въ Кіевѣ. Съ товарищами-студентами я мало былъ знакомъ и встрѣчался съ ними только на лекціяхъ,

всѣ думали, что я предался вполнѣ наукамъ, и никогда не спрашивали, что я дѣлаю и отчего нигдѣ не бываю. Въ первые мѣсяцы поступленія моего въ университетъ, многіе профессора относились ко мнѣ съ недовѣрчивостью; въ особенности не благоволилъ ко мнѣ М. А. Максимовичъ, читавшій исторію Русской Литературы; его научное изложеніе въ теченіе полугода „Слова о Полку Игоря“ и малорусскихъ пѣсень выводило насъ изъ терпѣнія. Но Неволинъ и Мацкевичъ были ко мнѣ расположены. Я не пропускалъ ни одной лекціи, записывая ихъ аккуратно, и готовился постоянно на репетиціи, каждое воскресеніе и въ дни большихъ праздниковъ бывалъ въ университетской церкви въ первой гимназіи, читывалъ Апостола, пѣвалъ на клиросѣ и съ точностью исполнялъ всѣ обязанности, возложенныя на студентовъ, чѣмъ и заслужилъ полное довѣріе профессоровъ и университетскаго начальства.

Такъ прошелъ первый годъ. Наступили экзамены; я ихъ выдержалъ очень хорошо и перешелъ во второй курсъ съ отличіемъ, не смотря на очень дурную отмѣтку изъ французскаго языка, поставленную мнѣ Максимовичемъ. Изъ своего предмета онъ не могъ не поставить мнѣ полныхъ балловъ, потому что на экзаменѣ присутствовали многіе профессора, и я превосходно зналъ исторію Русской Словесности, но на экзаменѣ изъ французскаго языка, на который лекторъ не явился по болѣзни, Максимовичъ, совсѣмъ почти незнавшій французскаго языка, экзаменовалъ въ качествѣ декана словеснаго факультета, и озлобившись моими дѣльными возраженіями и нѣсколько насмѣшливымъ тономъ, поставилъ мнѣ единицу. Брадке, со вниманіемъ слѣдившій за успѣхами студентовъ въ наукахъ, не мало былъ удивленъ такой отмѣткой, но я былъ къ ней совершенно равнодушенъ, получивъ изъ всѣхъ предметовъ юридическаго курса и главныхъ вспомогательныхъ полные шары (4) и право на переходъ съ отличіемъ, условленный въ общемъ выводѣ тремя съ половиной.

Есть люди, которые отъ нечего дѣлать чрезвычайно любятъ заниматься чужими дѣлами и, встрѣчая затрудненія въ удовлетвореніи своей любознательности, употребляютъ всѣ средства, чтобы узнать что нибудь о своихъ знакомыхъ. Между моими товарищами былъ студентъ К., очень любившій выѣзжать, развозить городскія новости и украшать

ихъ разными вымыслами. Для него я былъ загадкой, надъ которой онъ усердно трудился. Узнавъ, что я дѣлю время между университетомъ и Лаурою, онъ распустилъ очень невыгодные слухи обо мнѣ и о Лаурѣ въ особенности. Слухи эти дошли до меня: я защищалъ Лауру со всѣмъ пыломъ молодости, не знающей границъ негодованію за оскорбленіе любимой женщины, и предъ многими студентами обличалъ К. во лжи, наговорилъ ему множество непріятностей и вызвалъ на дуэль. Но К. на вызовъ не явился и въ день назначенный для дуэли уѣхалъ на каникулы въ деревню. Я былъ въ отчаяніи: чувство неудовлетвореннаго мщенія кипѣло во мнѣ; презрѣніе къ безчестному поступку К. не могло заглушить жажды мести, желанія омыть кровью оскорбленіе нанесенное Лаурѣ.

Исторія моя съ К. сдѣлалась гласною; къ счастію, Лаура ничего о ней не знала.

Во время каникулъ я съѣздилъ на недѣлю домой. Бабушка была уже очень слаба, иногда забывалась, но по прежнему очень любила и ласкала меня и щедро надѣляла деньгами; бывало, откроетъ ящикъ бюро, гдѣ хранились деньги, и говоритъ: бери, мой милый, сколько хочешь. Изъ врожденной деликатности, случалось, не возьмешь много, — непремѣнно добавитъ нѣсколько десятковъ полуимперіаловъ, или положитъ въ карманъ пачку ассигнацій, и скажетъ: „мнѣ не надо, а тебѣ пригодятся“. 15-го августа 1838 года бабушка тихо скончалась. Горестна была для меня потеря этой добродѣтельной, праведной женщины, и я очень сожалѣлъ, что не былъ въ деревнѣ во время ея кончины.

Съ пріѣзда въ Кіевъ, Лаура чувствовала себя не хорошо: частая боль въ груди, постоянный кашель и едва замѣтная, но продолжительная лихорадка изнуряли ее; наступавшая осень еще болѣе разстроила ея здоровье. Медики рѣшили единогласно, что Лаурѣ необходимо провести зиму въ тенломъ климатѣ, и какъ ни тяжело было намъ разстаться, но дѣлать было нечего: Лаура выписала изъ Петербурга свою тетку и съ нею отправилась въ Италію.

Съ отъѣздомъ Лауры, К. сталъ мнѣ еще ненавистнѣе: я обвинялъ его въ безразсудной болтовнѣ, въ недостаткѣ чувства чести и съ нетер-

пѣніемъ ждалъ его возвращенія, въ надеждѣ излить на него всю горечь моего положенія. Съ наслажденіемъ думалъ я о той минутѣ, когда пуля пострѣлитъ врага, или шпага вонзится въ грудь его, и изыскивалъ средства, чтобы отмстить ему; эта жажда мести не была уже минутной вспышкой раздраженнаго чувства, слѣдствіемъ внезапнаго гнѣва, а обдуманнымъ желаніемъ зла, необузданнымъ стремленіемъ наказать К.

Надъ Крещатикомъ, на одной изъ плоскихъ возвышенностей, которыми оканчивается дворцовая часть Кіева, стояло древнее, деревянное, полуразрушенное зданіе; тамъ въ старыя времена была масонская ложа, потомъ въ зданіи этомъ помѣщался театръ, наконецъ оно пришло въ совершенную ветхость и служило убѣжищемъ летучимъ мышамъ; зловѣщій крикъ послѣднихъ нерѣдко вечернею порой пугалъ прохожихъ и наводилъ на нихъ уныніе. Вся мѣстность, окаймленная итальянскими тополями, поросла дикими, сорными травами, сквозь нихъ съ трудомъ можно было пробраться къ маленькому мысу, оканчивавшему собою плоскую возвышенность. Съ мыса открывался великолѣпный видъ на старый Кіевъ, съ его древними церквами, и на широкій величественный Днѣпръ, терявшійся у Вышгорода въ лазурной дали небосклона.

Рѣдко ходили сюда любоваться прекрасными видами... Существовало повѣрье, что мѣсто это нехорошее, что разрушенное зданіе—заколдованный домъ, обитаемый выходцами съ того свѣта.

Послѣ отъѣзда Лауры, въ свободное отъ занятій время, часто посѣщалъ я окретности Кіева, замѣчательныя по своему мѣстоположенію. Прогулки пѣшкомъ, склонность къ мечтательности и уединенію, созерцаніе чудной природы утоляли иногда печаль разлуки. Но бывали минуты, когда безотрадная тоска грызла меня, и я тогда чувствовалъ необходимость уйти подальше отъ людей; однажды въ самомъ грустномъ расположеніи я отправился къ описанной мѣстности.

Миновались жаркіе дни знойнаго лѣта, вѣяло осенней прохладой, широкая улица, ведущая къ спуску на Крещатикъ, была усыпана пожелтѣвшими листьями, сильный сѣверный вѣтеръ сметалъ съ земли кучи пыли и вертѣлъ ихъ въ воздухѣ громадными столбами; выгорѣвшія отъ жгучаго солнца земляныя насыпи представляли видъ печальный,

остовы деревьевъ, кое-гдѣ сохранившіе остатки зелени, грустно рисовались на сѣромъ небосклонѣ, покрытонъ облаками; накрапывалъ мелкій дождь, подъ ногами шелестѣлъ опавшій листъ; вечерѣло.

Вой вѣтра и зловѣщій крикъ филина были мнѣ по сердцу, и я быстрыми шагами приближался къ развалинамъ. Вдругъ явилось предо мной существо, служившее лучшимъ дополненіемъ дикой обстановкѣ, среди которой я находился: то былъ дряхлый, худой старикъ, едва таскавшій ноги. Онъ представлялъ собою ходячую развалину, олицетворялъ глубокую осень человѣческой жизни и находился въ большой гармоніи съ разрушавшимся отъ ветхости зданіемъ и умиравшей по времени года природой. Лице его, покрытое морщинами, было правильно и красиво; изъ подъ черныхъ съ просѣдью бровей сверкали большіе сѣрые глаза, полные жизни и выраженія; орлиный носъ гордо высился надъ маленькимъ ртомъ, лице оканчивалось острымъ подбородкомъ.

Старикъ такъ пристально на меня смотрѣлъ, въ его взглядѣ было такъ много магнетическаго притяженія, что я невольно приблизился къ нему и вступилъ съ нимъ въ разговоры. Въ словахъ его было столько ума, столько убѣдительнаго краснорѣчія, что я вполнѣ увлекся его бесѣдой и безпрекословно подчинился его обаятельному вліянію. Съ первыхъ словъ онъ угадалъ состояніе моего духа и между нами мгновенно установились самыя пріязненныя отношенія; я чувствовалъ какое-то неодолимое тяготѣніе его воли надо мной и находился въ состояніи субъекта подверженнаго сильному дѣйствію магнетизма. Съ откровенностью, свойственною молодости, вкратцѣ разсказалъ я ему исторію моей привязанности къ Лаурѣ и причину временной нашей разлуки. Когда разсказъ коснулся ссоры съ К., жажда мести такъ сильно заговорила во мнѣ, что старикъ остановилъ меня.

„Помни, молодой человѣкъ, сказалъ онъ, слова молитвы Божественнаго нашего Учителя: *и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* Не забывай одного изъ главныхъ основаній ученія Христова: „не дѣлай другимъ того, чего не желаешь, чтобы тебѣ дѣлали“; тебя обидѣли—прости и не желай зла врагу твоему. Но если, увлеченный злобой и желаніемъ мести, забывъ, что ты христіанинъ, станешь слѣдовать закону Мойсея: око за око, зубъ, то примѣни

этотъ законъ къ себѣ и знай, что не только одни дѣйствія приводятъ въ исполненіе нашу волю: часто слово, иногда мысль, стремленіе духа, осуществляютъ злыя намѣренія наши. Тѣмъ не менѣе они не остаются безнаказанными и ветхозавѣтный законъ тяготѣетъ всею тяжестью своею надъ удовлетвореннымъ мстителемъ. Положимъ, желаніе твое исполнится и врагъ твой будетъ наказанъ, но согласишься-ли ты въ свою очередь перенесть заслуженное жаждой мести наказаніе и по закону возмездія подвергнуться неизбѣжному его дѣйствію? Я былъ молодъ, какъ ты, я увлекался и давалъ свободу моимъ чувствамъ, я ненавидѣлъ и мстилъ, и правосудіе неба карало меня: каждый разъ за удовлетвореннымъ чувствомъ зла, казавшимся мнѣ вполнѣ справедливымъ, слѣдовало наказаніе; око за око, зубъ за зубъ: умиралъ-ли мой противникъ, я терялъ кого-нибудь изъ наиболѣе близкихъ моему сердцу; постигало-ли несчастіе врага моего, въ непродолжительномъ времени судьба подвергала меня горькому испытанію. Претерпѣвъ всѣ возможныя превратности въ жизни, потерявъ все, что было мнѣ дорого на землѣ, незлобенъ я сталъ, но поздно... преждевременное несчастіе убѣлило главу мою, предо мной отверзста могила.

Какъ фантастическое явленіе, исчезъ старикъ; ночная тьма черной пеленой покрыла небосклонъ, бушевалъ сильнѣе вѣтеръ, тоскливѣе и громче раздавался крикъ филина въ ушахъ моихъ. Не помню, какъ добрался я домой. Слова старика врѣзались въ мою память, и я долго не могъ ихъ забыть. Страннымъ и непонятнымъ казалось мнѣ многое изъ его рѣчей, не могъ я въ особенности объяснить себѣ возможности сдѣлать зло кому-бы то ни было однимъ желаніемъ, однимъ стремленіемъ духа, когда часто и дѣйствія наши бываютъ неуспѣшны. Невольно сдѣлалъ я посылку къ себѣ: поспѣшный отъѣздъ К., не принятая дуэль, неудовлетворенное чувство справедливаго негодованія, болѣзнь Лауры, разлука съ нею, все вмѣстѣ взятое въ высшей степени тревожило и волновало меня; отходя ко сну, я остановился на мысли, которую воображеніе облекло въ непреодолимое, непреклонное желаніе мести. Какъ было-бы хорошо, думалъ я, еслибы одной силою моего желанія, однимъ дѣйствіемъ мысли могъ-бы я отомстить К.

Не прошло двухъ недѣль послѣ свиданія моего съ старикомъ,

какъ получено было извѣстіе, что К. утонулъ, переѣзжая въ лодкѣ небольшую рѣку.

На другой день послѣ полученія извѣстія о смерти К., мнѣ принесли письмо изъ-за границы. Адресъ былъ написанъ рукою тетки. Въ письмѣ заключалось извѣстіе о смерти Лауры; она скончалась въ Тріестѣ отъ чахотки. Страшно отозвались въ душѣ моей слова старика: око за око, зубъ за зубъ.

Смерть Лауры сразила меня: нѣсколько дней бродилъ я безъ мысли, безъ сознанія, по окрестностямъ Кіева; приходилъ нѣсколько разъ къ мѣсту, гдѣ встрѣтилъ старика, но не находилъ его тамъ; наконецъ, подъ бременемъ тяжкаго горя, истощились мои духовныя и физическія силы, я слегъ и оправился не раньше шести недѣль отъ сильной нервной горячки. Мать моя была со мною во все время болѣзни и уѣхала въ деревню, когда опасность миновала и не было сомнѣнія въ скоромъ выздоровленіи.

Теплое чувство вѣры, развитое во мнѣ съ дѣтства доброй моей матерью, привело меня къ молитвѣ, я молился и молитва облегчила мои страданія.

Университетскія лекціи молодыхъ, недавно возвратившихся изъ Германіи профессоровъ развивали во мнѣ любовь къ наукамъ, я посвятилъ себя серьезнымъ занятіямъ, и ученость сдѣлалась для меня цѣлью моего существованія. Я трудился добросовѣстно, время шло быстро, положеніе мое становилось сноснымъ.

Независимо отъ курса юридическихъ наукъ, я изучалъ римскихъ и греческихъ классиковъ, пригласилъ поселиться у меня лектора итальянскаго языка г. Бертони, весьма умнаго и образованнаго человѣка, чтобы выучиться по италіански и въ подлинникѣ читать Данте, Беккерію, Филонжіери.

Попечитель кіевскаго учебнаго округа Е. Ф фонъ-Брадке, пользовавшійся особенною любовью и высокимъ уваженіемъ всѣхъ студентовъ, былъ ко мнѣ хорошо расположенъ и приглашалъ на вечера, по воскресеньямъ. У него собирались старшія воспитанницы частныхъ женскихъ пансіоновъ, студенты и профессора. Танцовали, и проводили время очень пріятно. Молодость вела себя въ высшей степени прилично: увле-

ченія и симпатіи, ствойственныя юношамъ, ограничивались лишнимъ вальсомъ, мазуркою. Я былъ сдержанъ, молчаливъ, и не разъ Е. Ф. Брадке спрашивалъ меня, почему не принимаю участія въ общей веселости. Уклончивые отвѣты не помогали, нужно было веселиться и показаться веселымъ по мѣрѣ возможности. Въ домѣ Брадке жила дѣвица Елена А....., весьма не дурная собою, умная, любезная, живая. Она обратила свое вниманіе на меня, и благодаря ей, я сталъ другимъ человѣкомъ. Елена А. обладала необыкновеннымъ талантомъ разсмѣшить, развеселить, оживить, и я незамѣтно вполнѣ подчинился ея вліянію: сталъ разговорчивѣе, развязнѣе и веселѣе; между нами установилась самая искренная дружба.

Въ числѣ чиновниковъ генералъ-губернатора находился въ Кіевѣ Н. Э. П. Онъ былъ женатъ на сосѣдкѣ нашей по полтавскому имѣнію В—ой; жена его была красавицей въ полномъ смыслѣ этого слова. Высокая, стройная блондинка, съ роскошными плечами и великолѣпными свѣтлокаштановыми волосами; довольно неправильныя черты лица, голубые безъ выраженія глаза, нѣсколько большой ротъ, украшенный жемчужными зубами, казалось, не представляли всѣхъ условій безупречной красоты, но общее впечатлѣніе было поразительно. Мужъ ея былъ очень малъ ростомъ, некрасивъ, но уменъ. Жили они бѣдно и помѣщались въ крошечной квартиркѣ, въ старомъ деревянномъ домикѣ, на спускѣ къ Крещатику по Александровской улицѣ. Я былъ у нихъ однажды съ визитомъ, тѣмъ знакомство и кончилось. Отецъ мой поручилъ мнѣ передать П. разные документы для взысканія должныхъ ему денегъ однимъ лицемъ, проживавшимъ постоянно въ Кіевѣ. П. взялся за дѣло и обѣщалъ въ непродолжительномъ времени доставить мнѣ деньги. Прошло мѣсяца три, я поѣхалъ къ П. и вмѣсто денегъ получилъ для доставленія отцу росписку должника, въ которой признавался долгъ и обязанность уплатить, когда средства позволятъ, съ условіемъ, что отецъ мой не можетъ преслѣдовать личность должника и обезпечивать уплату личнымъ его задержаніемъ, а имѣетъ право взыскивать съ его имущества, если таковое гдѣ либо откроется. Какъ я ни былъ неопытенъ въ дѣлахъ подобнаго рода, но этотъ способъ взысканія крайне меня удивилъ; я просилъ П. возвратить отданные ему документы, въ числѣ которыхъ было и заемное письмо; но получилъ отвѣтъ, что документы за

истеченіемъ давности уничтожены и замѣнены роспис憂. Само собой разумѣется, что по ней никогда ничего нельзя было получить.

Во второмъ курсѣ особенно интересны были лекціи: государственнаго благоустройства профессора Богородскаго и психологіи Новицкаго; лекціи гражданскихъ законовъ Орнатскаго мало насъ интересовали по сухости изложенія. Требованіе профессора выучивать на память всѣ статьи свода законовъ въ особенности было намъ непріятно, да въ сущности и мало приносило пользы.

Весною 1839 года надъ университетомъ разразилась сильная гроза. Еще въ 1837 году, осенью, во время посѣщенія Кіева государемъ, три студента изъ поляковъ наклеили на зданіи университета пасквиль въ стихахъ. По непріязненнымъ отношеніямъ генералъ-губернатора къ попечителю учебнаго округа, человѣку умному, образованному и энергичному, дѣлу этому придали особенную важность, и государь, посѣтивъ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ, гдѣ были собраны всѣ студенты университета, высказалъ такъ много негодованія и былъ въ такомъ раздраженномъ состояніи, что поразилъ всѣхъ своимъ гнѣвомъ.

Въ сборной залѣ на лѣво отъ входа стояли студенты, на право профессоры. Государь, войдя въ залъ, не поздоровался ни съ кѣмъ, сталъ по срединѣ и обращаясь къ студентамъ, отрывистымъ голосомъ сказалъ: „вы учитесь хорошо, но это недостаточно: одна наука не приведетъ къ хорошимъ результатамъ, мнѣ нужны вѣрные сыны престола, мнѣ нужна безпредѣльная преданность, безсознательная покорность и безпрекословное повиновеніе; знайте, что я строго буду слѣдить за вами и горе тому, кто нравственнымъ или политическимъ своимъ направленіемъ не будетъ соотвѣтствовать моимъ предначертаніямъ, горе тому, повторяю, кто дерзнетъ увлечься, подобно товарищамъ вашимъ, я его упрячу туда, куда воронъ костей не заноситъ“.

За тѣмъ его величество, переведя духъ, изволилъ спросить, сколько студентовъ на лице, и пошелъ осматривать насъ, глядя каждому въ глаза. На бѣду, въ первомъ ряду взглядъ его остановился на одномъ косоглазомъ студентѣ, и тутъ произошла слѣдующая сцена.

— *Государь*. Смотри мнѣ прямо въ глаза.

Студентъ молча смотритъ.

— *Государь*. Ты не смотришь на меня, ты не можешь смотрѣть мнѣ въ глаза?

Студентъ молчитъ.

— *Государь*. Какъ твоя фамилія?

— *Студентъ*. Хоньскій.

— *Государь*. Откуда?

— *Студентъ*. Изъ Миньска.

— *Государь*. Видно, что не русскій, полякъ, совѣсть нечиста, не можешь смотрѣть прямо въ глаза русскому царю.

Приведенныя мною выше слова его величества были ничто въ сравненіи съ тѣмъ потокомъ негодованія и раздражительности, которыя излились изъ устъ государя, разсерженнаго косоглазіемъ Хопскаго. Въ другое время, быть можетъ, попечитель и осмѣлился-бы доложить его величеству, что студентъ косъ и не можетъ смотрѣть прямо, но въ то время государь былъ такъ раздраженъ, что всѣ окружавшіе его тряслись отъ страху, какъ осиновый листъ, и ни у кого не достало смѣлости объяснить государю причину, по которой Хонскій, не смотря на все желаніе, не могъ смотрѣть ему прямо въ глаза.

Кончивъ свою рѣчь студентамъ, по истинѣ рѣчь Юпитера громовержца, государь обратился къ профессорамъ и погрозивъ имъ пальцемъ, сказалъ: „а вы у меня смотрите, наука наукой; но если не будете обращать вниманія на развитіе нравственныхъ началъ въ студентахъ и политическаго направленія, согласнаго съ моими мыслями, я раздѣлаюсь съ вами по своему“. Профессоры низко поклонились, государь вышелъ. Студенты виновные въ распространеніи между товарищами и выставкѣ на зданіи, гдѣ помѣщался университетъ, возмутительныхъ стихотвореній: Буяльскій, Богдановичъ и Рушковскій, всѣ католики и уроженцы западныхъ губерній, были исключены изъ университета и строго наказаны: первые два по выдержаніи въ крѣпости посланы солдатами на Кавказъ. По высочайшему повелѣнію въ Кіевъ былъ присланъ министръ народнаго просвѣщенія. Посѣтивъ лекціи, онъ остался совершенно доволенъ ученою дѣятельностью университета, и вмѣстѣ съ тѣмъ были введены разныя дисциплинарныя правила, стѣснявшія студентовъ.

Для осужденныхъ за пасквиль студентовъ, студентъ Гордонъ, жившій въ институтѣ, собиралъ по подпискѣ деньги между товарищами и собравъ

значительную сумму, послалъ въ декабрѣ 1837 года съ сторожемъ тысячу рублей при запискѣ къ содержавшимся въ крѣпости товарищамъ. Плацъ-маіоръ Гайворонскій перехватилъ записку и донесъ объ этомъ генералъ-губернатору. Генералъ-губернаторъ пригласилъ къ себѣ попечителя и рѣшено было арестовать Гордона. За Гордономъ послали помощника инспектора студентовъ Шишкина, съ приказаніемъ немедленно привести Гордона къ генералъ-губератору. Когда помощникъ инспектора объявилъ Гордону, что его требуетъ генералъ-губернаторъ, Гордонъ догадался, въ чемъ дѣло, и отвѣтилъ Шишкину, что тотъ часъ за нимъ послѣдуетъ; а между тѣмъ, захвативъ остававшіяся у него отъ подписки деньги, ушелъ по черной лѣстницѣ и исчезъ навсегда. Шишкинъ ждетъ Гордона, не дождется. Наконецъ убѣдившись, что Гордонъ его провелъ, Шишкинъ побѣжалъ къ генералъ-губернатору и за Гордономъ разослали во всѣ концы города полицейскихъ и университетскихъ служителей. Поздо вечеромъ тогo дня одинъ изъ педелей настигъ на Лютеранской улицѣ Гордона, но Гордонъ выстрѣлилъ въ педеля изъ пистолета и успѣлъ уйти; педель не былъ раненъ, но потерялъ слѣдъ, и спустя только пять мѣсяцевъ послѣ этого происшествія, изъ письма распечатаннаго почтовой цензурой, узнали, что Гордонъ благополучно прибылъ въ Парижъ, и предъ отъѣздомъ за границу, подъ чужимъ именемъ, съ фальшивымъ паспортомъ, скрывался около двухъ мѣсяцевъ въ окрестностяхъ Кіева, былъ болѣнъ и лѣчился на хуторѣ Дерпера у извѣстныхъ медиковъ.

Побѣгъ Гордона возбудилъ подозрѣніе въ участіи нѣсколькихъ лицъ въ этомъ дѣлѣ; стали слѣдить за молодыми людьми, но до весны 1838 года ничего не открыли. Въ то время назначенъ былъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ; при немъ разыгралась печальная драма заговора Конарскаго, охватившаго собою всѣ занадныя губорніи. Гордонъ, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ однимъ изъ главныхъ сообщниковъ Конарскаго.

Польскій эмигрантъ Конарскій прибылъ въ Россію изъ Парижа и учредилъ тайное общество съ цѣлью возстановить польскую національность; пропаганда его распространилась быстро въ литовскихъ губерніяхъ и оттуда перешла въ Кіевъ. Болѣе двадцати студентовъ уни-

верситета св. Владиміра принимали дѣятельное участіе въ заговорѣ. Дѣло кончилось закрытіемъ университета 17 марта 1839 года, ссылкой въ каторжную работу трехъ главныхъ дѣятелей пропаганды въ Кіевѣ и казнію Конарскаго въ Вильнѣ.

Весьма непріятно было наше положеніе во время предшествовавшее закрытію университета: лекціи продолжались, но часто были прерываемы появленіемъ жандармовъ для арестованія студентовъ. Въ городѣ было тихо и спокойно, но усиленные патрули и смутное ожиданіе исхода дѣла о заговорѣ наводили на всѣхъ страшное уныніе.

13 марта всѣмъ студентамъ приказано было на другой день собраться въ пять часовъ утра въ домѣ казеннокоштныхъ студентовъ для представленія новому попечителю князю С. И. Давыдову, назначенному на мѣсто Е. Ф. фонъ-Брадке.

Я проѣзжалъ въ вечеру по улицѣ идущей вдоль большой крѣпостной экспланады и замѣтилъ, что на экспланадѣ устраивали какіе-то подмостки, рабочіе были окружены солдатами; я остановился и хотѣлъ спросить, для чего работаютъ такъ поздно, но караульный офицеръ громко закричалъ мнѣ, чтобъ я не подходилъ. Въ пять часовъ утра мы собрались въ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ и здѣсь узнали, что въ шесть часовъ три главныхъ заговорщика: Боровскій, бывшій содержатель частнаго мужскаго пансіона въ Кіевѣ, и помѣщики: Депре и Михальскій, послѣдній дряхлый старикъ, должны быть повѣшены на крѣпостной экспланадѣ.

Въ залѣ, гдѣ собралось болѣе двухсотъ студентовъ, было тихо, какъ въ могилѣ, всѣ стояли какъ приговоренные на смерть, никто не зналъ кого повѣсятъ, и каждый изъ насъ могъ думать, что поведутъ на казнь кого нибудь изъ товарищей,—съ такой тайной производился судъ надъ ними.

Наконецъ ударилъ роковой часъ и намъ сообщили, что государь императоръ соизволилъ даровать жизнь преступникамъ, замѣнивъ смертную казнь ссылкой въ каторжную работу. На экспланадѣ въ то время совершенъ былъ обрядъ политической казни: приговоренныхъ въ тележкахъ привезли къ висѣлицѣ, взвели на подмостки, прочли приговоръ, сломали надъ головами шпаги, покрыли бѣлыми саванами, объявили о

помиловаиіи и повезли обратно въ крѣпость. Въ восемь часовъ явился попечитель и прочелъ высочайшее повелѣніе о закрытіи университета. Въ смутномъ молчаніи разошлись мы; 17 марта прекратились лекціи.

Изъ арестованныхъ студентовъ оказались виновными 21; по высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе приговора военнаго суда, они исключены изъ университета; изъ нихъ 5 отданы въ солдаты въ кавказскій корпусъ безъ выслуги, съ лишеніемъ дворянства (Сосновскій, Зродловскій, Петрашкевичъ, Виннгизкій и Милевскій), 5 также отданы въ солдаты до отличной выслуги, безъ лишенія дворянства (Шимановскій, Черный (русскій), Любовицкій, Осѣцимскій и Юрковскій), 8 назпачены въ военную службу па правахъ вольноопредѣляющихся, съ тѣмъ, чтобы по производствѣ въ офицеры прослужили въ военной службѣ не менѣе десяти лѣтъ (Августиновичъ, Стржельницкій, Бочковскій, Завадскій, Корсакъ, Немира, Порчинскій и Высѣкерскій), 3 переведены въ казанскій университетъ, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи курса были обращены на службу въ продолженіи десяти лѣтъ въ великороссійскія губерніи (Стройновскій, Цилли и Бржозовскій).

Всѣмъ студентамъ университета, не подвергавшимся слѣдствію, предоставлено было поступить въ другіе университеты безъ новаго испытанія и съ зачетомъ времени безпорочно проведеннаго въ кіевскомъ университетѣ; тѣмъ изъ числа студентовъ 2-го, 3-го и 4-го курсовъ, кои не пожелаютъ, или по какимъ либо обстоятельствамъ не въ состояніи будутъ перейти въ другіе университеты, дозволено вступить въ гражданскую службу, съ чинами 14-го и 12-го классовъ.

До 1839 года рѣзкаго разрыва между студентами разныхъ націй не было. Студенты сближались и раздѣлялись не столько по религіи и народности, сколько по воспитанію, факультетамъ и положенію въ обществѣ. Рознь въ политическихъ убѣжденіяхъ никогда не высказывалась, да политикой мы и не занимались. Православіе всегда стояло въ Кіевѣ выше католицизма, въ особенности при такихъ представителяхъ и дѣятеляхъ его, какими были преосвященные: Евгеній, Филаретъ и Иннокентій и профессоръ богословія И. М. Скворцовъ. Впрочемъ нѣкотораго рода отчужденіе проявлялось между студентами уроженцами лѣваго и праваго берега Днѣпра. Малороссіяне, въ особенности пол-

тавцы и черниговцы, рѣдко сближались съ поляками. Между ними бывали иногда столкновенія, кончавшіяся по большей части посредничествомъ благоразумныхъ и развитыхъ товарищей, въ которомъ всегда почти добродушный юморъ малоросса бралъ верхъ надъ увлеченіемъ и заносчивостію поляка.

Кіевское общество состояло изъ русскихъ и польскихъ семействъ, привлеченныхъ въ Кіевъ графомъ Левашовымъ, который заботился о развитіи общественной жизни и добромъ согласіи между двумя національностями. Изъ русскихъ извѣстны были своимъ гостепріимствомъ дома: князя Кудашева, Голубцова, А. В. Васильчикова, П. Я. Лукашевича и Ф. Г. Иваненко; изъ польскихъ-графовъ Тышкевича и Ильинскаго, Проскуры, Шимановскаго и другихъ. Во время контрактовъ съѣзжались въ Кіевъ почти всѣ помѣщики юго-западнаго края съ своими семействами; многіе жители Заднѣпровья жили здѣсь открыто и весело; пріѣзжіе вели большую игру и разъѣзжались обыкновенно на первой недѣлѣ великаго поста. Въ общественныхъ отношеніяъ не было различія между русскими и поляками, многія русскія семейства находились въ тѣсной дружбѣ съ польскими, о преобладаніи той или другой національности не было вопроса, театральныя представленія давались на французскомъ языкѣ труппою актеровъ, выписанною графомъ Левашовымъ изъ Парижа, спектакли любителей шли также по большей части по французски. На контракты обыкновенно пріѣзжали знаменитые артисты: Липинскій, Ромборгъ, Леопольдъ Мейеръ, Паста Месъ-Мази; концерты давались въ контрактовой залѣ и привлекали многочисленную, блестящую публику. Тамъ-же бывали общественные балы. Каждый годъ контракты открывались утромъ: молебствіемъ съ процессіей, а вечеромъ: большимъ баломъ отъ дворянства въ честь генералъ-губернатора.

Жизнь въ Кіевѣ была дешева, роскоши въ убранствѣ домовъ и въ экипажахъ не существовало. Дамы одѣвались просто, но со вкусомъ; на большихъ только балахъ въ исходѣ сезона появлялись богатые туалеты, драгоцѣнные камни; красавицъ было много, достаточно упомянуть о дѣвицахъ: Муравьевой, Астромовой, Гинцъ и Швейковской, о дамахъ: Писаревой, графиняхъ Ильинской, Ржевуской и Понятовской.

Студенты составляли принадлежность всѣхъ собраній; изъ ихъ

было много хорошихъ танцоровъ и любезныхъ кавалеровъ. Меня всюду приглашали, но я былъ рѣдкимъ гостемъ на большихъ балахъ.

Съ закрытіемъ университета я долженъ былъ оставить Кіевъ и отправиться кончать курсъ въ другой городъ. Мать моя желала, чтобы я поступилъ въ харьковскій университетъ, ближайшій къ мѣсту ея пребыванія, и я поѣхалъ въ Харьковъ, чтобы познакомиться съ тамошними учеными.

Ученая дѣятельность Харькова не понравилась мнѣ; составъ юридическаго факультета былъ тамъ далеко не такъ хорошъ, какъ въ Кіевѣ; я рѣшился послѣ каникулъ ѣхать въ Дерптъ. Въ Харьковѣ мнѣ было пріятно увидѣться съ Карломъ Ивановичемъ Р..., онъ по прежнему продолжалъ содержать свой пансіонъ, не смотря на преклонныя лѣта, дочь его Аделанда Карловна вышла замужъ за профессора, я былъ у нея и мы отъ души смѣялись, вспоминая наши музыкальныя упражненія.

Лѣто я провелъ въ деревнѣ, занимаясь серіознымъ-чтеніемъ, повтореніемъ пройденныхъ лекцій и музыкой, а въ концѣ іюля, когда располагалъ уже ѣхать въ Дерптъ, получилъ изъ Кіева извѣстіе, что университетъ св. Владиміра вновь открывается для студентовъ православнаго исповѣданія. Намъ разрѣшено было держать экзаменъ въ слѣдующій курсъ. Я поспѣшилъ воротиться въ Кіевъ и перешелъ въ третій курсъ съ отличіемъ.

Бывшимъ до закрытія университета студентамъ католикамъ дозволено было кончить науки въ другихъ университетахъ, а профессоры изъ поляковъ были переведены въ Москву и Харьковъ. Нашъ юридическій факультетъ лишился двухъ полезныхъ дѣятелей: Мицкевича, брата извѣстнаго поэта, преподававшаго римское право на латинскомъ языкѣ и Даниловича, профессора уголовныхъ законовъ; но университетъ очистился отъ ненавистнаго намъ, со времени заговора Конарскаго, польскаго элемента.

1839-й и 40-й годы были посвящены усиленнымъ университетскимъ занятіямъ; на третьемъ курсѣ юридическаго факультета осталось къ началу учебнаго года всего тринадцать студентовъ; четвертаго курса не было вовсе по недостатку слушателей, и ученая дѣятельность моло-

дыхъ профессоровъ была сосредоточена на насъ. Независимо отъ лекцій мы часто собирались у извѣстнаго ученому міру Неволина, профессора энциклопедіи законовѣдѣнія и государственныхъ учрежденій, бывшаго тогда ректоромъ, и у Богородскаго, профессора уголовныхъ законовъ. Совѣты ихъ, выборъ чтенія, ученые разговоры и диспуты о предметахъ нашего факультета развивали насъ и заставляли работать серіозно и внѣ университета; диссертаціи по разнымъ отраслямъ юридическихъ наукъ, которыя мы писали по собственному побужденію и читали у этихъ профессоровъ, пріучали насъ къ самостоятельному труду и служили полезной подготовкой къ дальнѣйшей ученой дѣятельности.

Шелъ тогда вопросъ объ уничтоженіи въ Малороссіи дѣйствія Литовскаго Статута. Отецъ мой былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и поручилъ мнѣ составить записку о несвоевременности устарѣвшаго законодательства Статута и о замѣнѣ его, по иниціативѣ дворянства, Сводомъ законовъ. Довольно пространная записка была мною написана и послана отцу, препроводившему ее генералъ-губернатору. Въ запискѣ, доказывая необходимость отмѣны Статута, я находилъ полезнымъ сохранить статьи, относящіяся къ наслѣдству по закону, и порядокъ взысканія по долговымъ обязательствамъ, обезпечивавшій правильнѣе кредиторовъ, изъ коихъ первый по времени имѣлъ право на полное взысканіе капитала, процентовъ и рекамбій, за тѣмъ наступала очередь второго, третьяго и т. д., тогда какъ Сводъ Законовъ отдаетъ преимущество формѣ обязательствъ и при равноправности ихъ, уплата распредѣляется поровну между всѣми заимодавцами, безъ различія времени совершенія актовъ. Записку эту, по отсылкѣ оной, въ копіи читалъ я на вечернемъ собраніи студентовъ у Неволина и Богородскаго, жившихъ тогда вмѣстѣ во 2-й гимназіи, и она была одобрена; но профессоръ Орнатскій, узнавъ изъ разговоровъ сущность записки, вознегодовалъ на меня за то, что я осмѣлился послать мнѣніе о такомъ важномъ вопросѣ, не спросясь его и не посовѣтовавшись съ нимъ, и давать преимущество нѣкоторымъ статьямъ Статута предъ Сводомъ Законовъ. Я ему объяснилъ, что наслѣдство по Статуту имѣетъ историческое значеніе, выработанное жизнію народа, и вошло въ нравы и обычаи жителей Малороссіи, а порядокъ взысканій справедливо ограждаетъ право первыхъ заи-

модавцевъ и не допускаетъ должниковъ до возможности обременять ихъ собственность фиктивными долгами, хотя и облеченными въ законную форму.

Занятія наши вообще шли превосходно; но молодому университету не счастивилось въ другихъ отношеніяхъ. Съ 1839 года были введены новыя дисциплинарныя правила; правила эти, несвоевременыя и въ существѣ совершенно безполезныя, значительно стѣсняли разумную свободу, которою мы пользовались доселѣ. Вся административная дѣятельность университета была обращена на водвореніе внѣшняго порядка между студентами и па улучшеніе ихъ наружнаго вида: стригли, брили, одѣвали по формѣ и старались придать всѣмъ приличную и по возможности однообразную наружность.

Поводомъ къ усиленнымъ занятіямъ университетскаго начальства по части студенческой наружности послужило послѣднее въ бытность мою въ университетѣ посѣщеніе государя. Въ томъ-же зданіи казенно-коштныхъ студентовъ насъ выстроили стройными рядами, строго осмотрѣли нашу одежду и приличнѣйшихъ по виду поставили въ первый рядъ. Государь вошелъ и довольно ласково поздоровался съ нами, мы ему прокричали очень удовлетворительно: „здравія желаемъ, ваше императорское величество!“ Государь прошелъ по рядамъ, видимо остался доволенъ нашею наружностію и отправился осматривать дортуары. Въ это время одинъ изъ студентовъ задней шеренги, кривоногій и весьма непривлекательной наружности, сталъ въ первый рядъ, чтобы ближе видѣть государя, въ полной увѣренности, что смотръ оконченъ. Но государь, возвратясь изъ дортуаровъ, сталъ насъ осматривать вновь и съ негодованіемъ остановился на кривоногомъ студентѣ.

— Какъ твоя фамилія? спросилъ государь.

— П., отвѣчалъ отрывисто студентъ.

— Откуда?

— Изъ Чернигова, еще отрывистѣе отвѣчалъ П.

— Болванъ! грозно сказалъ императоръ и обратившись къ сопровождавшему его наслѣднику престола, прибавилъ: какіе не отесанные, не умѣютъ отвѣчать.

Выступленіе П. въ первую шеренгу имѣло важныя послѣдствія: для осмотра университета былъ вновь присланъ министръ народнаго просвѣщенія, который прожилъ въ Кіевѣ болѣе недѣли, посѣщалъ лекціи и репетиціи и

остался совершенно доволенъ учебною дѣятельностью университета. Къ Уварову водили студента П., какъ замѣчательную личность, обратившую на себя особенное вниманіе государя. Вскорѣ послѣ отъѣзда министра, въ вѣдѣніе попечителя отпустили 5 тысячъ рублей ассигнаціями, съ тѣмъ, чтобы онъ давалъ для студентовъ танцовальные вечера, назначили въ университетъ учителей: танцованія, фехтованія и верховой ѣзды.

Въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ университетской жизни со мной не произошло ничего особеннаго. Пріѣзжалъ однажды въ Кіевъ мой отецъ и представилъ меня Д. Г. Бибикову, съ которымъ былъ знакомъ еще съ компаніи 1812 г. Подъ Бородинымъ Дмитрію Гавриловичу оторвало ядромъ лѣвую руку, отецъ мой былъ контуженъ. Бибиковъ обласкалъ меня и распрашивалъ объ университетскихъ занятіяхъ, говорилъ о дисциплинѣ и спросилъ: не было-ли бы для васъ пріятнѣе, если-бы вамъ дали военную форму? Я отвѣтилъ, что если-бы насъ заставили носить военную форму, мы-бы подчинились безпрекословно такому распоряженію, но не думаю, чтобы это было особенно для насъ пріятно. Бибиковъ нахмурился, тѣмъ представленіе и кончилось. Но онъ постоянно былъ ко мнѣ внимателенъ и благосклоненъ, представилъ своей супругѣ и приглашалъ на балы. Къ нему я всегда ѣздилъ. Студенты впрочемъ почти не посѣщали общества, посвятивъ себя исключительно серіознымъ занятіямъ. Въ свободное время я часто отправлялся въ „Кинь-Грусть“, помогалъ тетушкѣ Лукашевичъ въ устройствѣ сада, читалъ дядѣ газеты, въ знойные дни удалялся въ тѣнистыя рощи окрестныхъ хуторовъ, по вечерамъ слушалъ музыку доморощеннаго, но весьма недурнаго оркестра. На каникулы и Рождественскіе праздники я ѣздилъ въ деревню и проводилъ тамъ время очень пріятно. Тогда живали въ деревняхъ очень весело, съѣзжались часто и танцовали по нѣсколько дней съ ряду. На одномъ изъ деревенскихъ баловъ я встрѣтилъ дѣвицу И., дальную мою родственницу; она мнѣ очень понравилась, я ей тоже, и нѣсколько мазурокъ скрѣпили еще болѣе нашу взаимную привязанность. Легко увлекающійся пылкостью моихъ чувствъ, я готовъ былъ просить ея руки, но мать моя уговорила меня не жениться на кузинѣ. Впрочемъ и предложеніе мое врядъ-ли было-бы принято отцомъ кузины, такъ какъ я былъ еще очень молодъ

и не окончилъ курса, и еще болѣе потому, что для кузины готовилась другая партія. Чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ ее отдали замужъ за пожилаго и нисколько не нравившагося ей помѣщика. Чрезъ нѣсколько лѣтъ несчастнаго замужества бѣдная кузина скончалась отъ грудной болѣзни, оставивъ двухъ дочерей.

Независимо отъ занятій юридическими науками, я много читалъ и занимался иностранной литературой. Въ то время Викторъ Гюго былъ въ ходу и романтическая школа имѣла большое вліяніе на наше литературное воспитаніе. Мы часто игривали между собой, съ участіемъ нѣкоторыхъ дамъ, драмы Гюго, трагедіи Шекспира и другія произведенія замѣчательныхъ писателей. Я жилъ тогда въ домѣ принадлежащемъ никольскому монастырю, квартира моя состояла изъ огромной залы и трехъ небольшихъ комнатъ. Меня избрали директоромъ домашняго театра и я часто исполнялъ трагическія роли. Наши представленія сопровождались иногда веселыми пирушками, совершенно приличными, въ присутствіи дамъ. Бывали впрочемъ иногда и маленькія оргіи, на которыхъ появлялись: Тисбе, Катарина Брогадини, Маріонъ де-Лормъ и другія героини Гюго. У меня была Эсмеральда, чистой крови и рѣдкой красоты. Эта цыганка до того привязалась было ко мнѣ, что покинула свой таборъ.

Между нами, какъ истыми буршами, въ большомъ ходу было фехтованье. Училъ насъ драться на рапирахъ плѣпенный въ двѣнадцатомъ году французъ Базанкуръ; въ этомъ упражненіи я сдѣлалъ большіе успѣхи, и не разъ изъ состязанія съ учителемъ выходилъ побѣдителемъ. Вмѣсто шпагъ никуда негодныхъ, присвоенныхъ студенческой формѣ, мы завели длинныя шпаги, съ отпущенными клинками, и никогда съ ними не разставались, исключая лекцій. Часто ходили на охоту; въ стрѣльбѣ никто не могъ со мной соперничать, пистолетомъ владѣлъ я превосходно, изъ ружья также промаховъ не давалъ.

Весною 1841 года я кончилъ курсъ въ университетѣ, выдержалъ съ большимъ успѣхомъ послѣдній экзаменъ изо всѣхъ предметовъ юридическаго факультета и получилъ право на степень кандидата.

Экзаменъ мы сдавали за всѣ четыре года изъ юридическихъ наукъ и Богословія. На первомъ курсѣ намъ читалъ Неволинъ Энциклопедію законовѣденія по своимъ запискамъ. Ко времени нашего окончательнаго

испытанія была имъ напечатана его Энциклопедія въ двухъ объемистыхъ томахъ, несравненно пространнѣе записокъ. Неволинъ объявилъ, что хочетъ, чтобы мы отвѣчали не по запискамъ, а по книгамъ имъ изданнымъ, и мы охотно подчинились требованію любимаго профессора; но трудъ былъ не малый, пришлось вновь переучивать энциклопедію на память; къ счастію мнѣ достался вопросъ о философіи права Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, въ которомъ развитіе и пониманіе брало верхъ надъ памятью, и моимъ отвѣтомъ Неволинъ остался совершенно доволенъ. По Римскому праву не обошлось безъ затрудненій: мы слушали Мицкевича, послѣ него читалъ этотъ предметъ студентамъ другихъ курсовъ Ѳедотовъ-Чеховскій и требовалъ, чтобы мы отвѣчали по его запискамъ. Было предоставлено экзаменоваться по запискамъ того или другого. Я стоялъ за Мицкевича, получилъ вопросъ: „О правѣ владѣнія независимомъ отъ права собственности“ и не смотря на желаніе Ѳедотова сбить меня, вышелъ изъ ученой борьбы побѣдителемъ, что было впрочемъ и не трудно, и заслуга моя не велика.

Ученыя занятія были мнѣ по сердцу и я располагалъ посвятить себя совершенно наукѣ.

Усиленная дѣятельность во время экзаменовъ требовала впрочемъ отдохновенія; послѣ прощальнаго пира, даннаго мною товарищамъ, я отправился немедленно въ деревню. Отецъ и мать были въ восторгѣ отъ моихъ успѣховъ въ университетѣ, тѣмъ болѣе, что независимо отъ права на ученую степень, ректоръ университета и лучшій профессоръ юридическаго факультета, К. А. Неволинъ написалъ отцу моему самый лестный отзывъ обо мнѣ и совѣтовалъ ему содѣйствовать моему намѣренію посвятить себя дальнѣйшимъ занятіямъ науками и избрать для службы ученое поприще. Иначе смотрѣлъ на будущую мою карьеру отецъ мой. Ему хотѣлось предоставить мнѣ болѣе широкое поприще, по его понятіямъ о жизни и заслугахъ болѣе соотвѣтствующее моему положенію въ свѣтѣ. Профессоръ, монахъ и женщина, говорилъ онъ, имѣютъ почти одно и тоже значеніе въ обществѣ, значеніе, по его убѣжденію, весьма незавидное. Впрочемъ мнѣ разрѣшено было ѣхать за границу съ ученой цѣлью. До поѣздки за границу, я отправился на лѣтніе мѣсяцы въ Одессу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе) [1]).

V. Одесса и адъюнктъ-профессорство.

Знаете-ли вы Одессу,—эту маленькую, хорошенькую Одессу, которая такъ удобно и живописно расположена на берегу Чернаго моря; этотъ богатый порто-франко съ его безчисленными магазинами, блистающими лучшими произведеніями запада и востока, съ его красивыми зданіями, съ его прелестными окрестностями? Много прекраснаго найдете вы въ этомъ городѣ, одномъ изъ лучшихъ въ Россіи. Своею красотою васъ Одесса особенно поразитъ, когда вы узнаете, что лѣтъ пятьдесятъ едва прошло съ того времени, какъ она начала свое существованіе. Прошло едва полвѣка, и вотъ ова уже выросла, возмужала и украсилась, какъ-бы по мановенію жезла въ рукѣ волшебника. Взгляните на здѣшній бульваръ, устроенный на голой скалѣ у моря, украшенный великолѣпными домами, громадной лѣстницей изъ бѣлаго камня, ведущей къ морю, памятникомъ герцогу Ришелье, положившему основаніе Одессѣ, и длинною нитью бѣлыхъ пахучихъ акацій—онъ необыкновенно хорошъ; ничего и нигдѣ не увидите подобнаго въ этомъ родѣ. Посмотрите, какъ очарователенъ видъ съ него на безконечное

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1884 г., февр. кн., стр. 246—296.

море, вдалекѣ сливающееся съ синевою неба, и ближе—на гавань усѣянную множествомъ кораблей, изпещренныхъ флагами всѣхъ націй. Съ какимъ наслажденіемъ сидишь здѣсь вечеромъ, въ тихую погоду, и любуешься этою картиной; особенно хороша она, когда освѣщаютъ ее послѣдніе лучи заходящаго солнца, или въ бурное время, когда море бушуетъ, когда волны разбиваются о крутую скалу бульвара и потомъ опять набѣгаютъ съ новою силою, какъ-бы желая увлечь ее за собой, но гордая, величавая она стоитъ незыблемо, презирая усилія могучаго соперника. Какъ красива театральная площадь близъ бульвара и зданія ее окружающія: театръ, гдѣ обыкновенно даютъ итальянскія оперы, на лѣво отъ театра длинное зданіе Palais Royales; здѣсь помѣщаются прекрасныя лавки, лучшія рестораціи и кондитерскія, изъ которыхъ такъ хорошъ Café Каруты. Противъ театра прекрасный домъ англійскаго клуба, направо огромный Hôtel Richelieu, противъ этого отеля находится Casino, клубъ для негоціантовъ; этими двумя зданіями начинается лучшая въ Одессѣ улица Ришельевская, она богата магазинами содержащими въ себѣ самыя модныя произведенія французской и англійской промышленности, параллельно ей идетъ отъ биржи, зданія очень краснваго, Итальянская улица; ихъ пересѣкаютъ Дерибасовская и Греческая, гдѣ найдете въ изобиліи всевозможныя произведенія Италіи, Турціи и Греціи. И посмотрите, какъ всѣ эти улицы чисты, хорошо вымощены и освѣщены. Есть у насъ города, конечно, и красивѣе и богаче Одессы, но независимо отъ интереса, какой представляетъ она своею наружностью, она нравится еще и въ другомъ отношеніи,—въ отношеніи дѣятельности: во всякое время года найдете вы Одессу одушевленною, вездѣ много жизни и движенія, и когда ни пріѣзжайте сюда, лѣтомъ-ли, зимою, всегда проведете время весело и пріятно: зимою небольшое, но отборное общество жителей одесскихъ, а лѣтомъ, когда всѣ разъѣзжаются на дачи или въ Крымъ, Одесса наполняется пріѣзжими. Много бываетъ иностранцевъ, много пріѣзжаетъ сюда помѣщиковъ изъ новороссійскаго края, западныхъ губерній и Малороссіи. Иные ѣдутъ пользоваться морскимъ купаньемъ, другіе минеральными искусственными водами, а нѣкоторые просто для того только, чтобъ запастись иностранными товарами, которые здѣсь такъ хороши

и дешевы; любители музыки ѣдутъ сюда съ цѣлью услышать итальянскую оперу, представленія которой не прерываются цѣлый годъ; труппа составлена изъ очень хорошихъ артистовъ, иногда встрѣчаются здѣсь и первоклассные европейскіе таланты. Говоря вообще, въ Одессѣ очень много самыхъ разнообразныхъ удовольствій, и всякій, кто тамъ побываетъ, очарованный, съ наслажденіемъ вспоминаетъ объ этомъ хорошенькомъ уголкѣ Европы, гдѣ вы встрѣтите образчики почти всѣхъ народовъ.

Этотъ городъ произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе. Послѣ привычки къ тихой, довольно скучной жизни въ Кіевѣ, къ пустыннымъ неоживленнымъ его улицамъ, къ условіямъ строгой подчиненности и формальности, которыя проявлялись въ описываемую мной эпоху не только въ самой наружности города, носившаго отпечатокъ казеннаго характера, но и въ общественныхъ отношеніяхъ большой части его жителей,—Одесса шумной дѣятельностью ея разнороднаго населенія, затѣйливой архитектурой зданій, великолѣпнымъ видомъ на море, отсутствіемъ военной и полицейской дисциплины и свободой образа жизни не могла не имѣть на меня обаятельнаго вліянія. Множество богатыхъ магазиновъ съ самыми разнообразными предметами иностранной производительности, по цѣнамъ крайне умѣреннымъ, огромныя гостинницы съ роскошнымъ помѣщеніемъ и всѣми удобствами, превосходный столъ, доступный людямъ съ самыми ограниченными средствами, купанье въ морѣ—были для меня такою пріятною новостью, что я въ теченіи двухъ недѣль велъ беззаботную, уличную жизнь провинціальнаго зѣваки.

Однажды сошелся я за обѣдомъ у знаменитаго въ то время ресторатора Оттона, воспѣтаго Пушкинымъ, съ нѣсколькими профессорами ришельевскаго лицея; къ намъ присоединился К. А. Неволинъ, проводившій каникулы въ Одессѣ. Разговоръ шелъ о наукѣ, о лицеѣ, о вакантныхъ кафедрахъ. Оказалось, что кафедра русскаго законовѣдѣнія не была занята въ лицеѣ въ теченіи полугода. Неволинъ предложилъ меня лицейскимъ профессорамъ, присовокупивъ, что лучшаго выбора сдѣлать не можетъ. Меня стали просить принять кафедру законовѣдѣнія, но на этотъ разъ разговоры наши кончились ничѣмъ: я не рѣшался принять лестное для меня предложеніе.

Отецъ мой служилъ еще въ компанію 1812-го и послѣдующихъ годовъ и участвовалъ почти во всѣхъ значительныхъ сраженіяхъ славной эпохи; онъ былъ хорошо знакомъ съ графомъ М. С. Воронцовымъ, тогдашнимъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, и снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ.

Чрезъ день послѣ встрѣчи съ профессорами я отправился къ генералъ-губернатору. Графъ принялъ меня очень ласково и представилъ пріѣхавшему къ нему во время моего посѣщенія попечителю одесскаго учебнаго округа Княжевичу. Я счелъ долгомъ на другой день побывать у Княжевича. Княжевичъ наговорилъ мнѣ множество любезностей, сказалъ, что получилъ обо мнѣ самыя лучшія свѣдѣнія отъ бывшаго моего профессора Неволина, и зная желаніе мое посвятить себя ученому поприщу, просилъ принять вакантную кафедру русскаго законовѣдѣнія въ ришельевскомъ лицеѣ. Я выпросилъ у него нѣсколько дней на размышленіе и возвратился къ нему вскорѣ съ утвердительнымъ отвѣтомъ.

Мнѣ едва наступилъ двадцать первый годъ. Задавая себѣ вопросъ: принять или не принять предложеніе попечителя, я сознавалъ, что лекціи въ лицеѣ возьмутъ у меня много времени, дадутъ возможность болѣе усвоить и уяснить пріобрѣтенныя познанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекутъ отъ новыхъ занятій и затруднятъ, при скудности ученыхъ пособій въ Одессѣ, приготовленіе къ экзамену на степень магистра. Впрочемъ возможность сдѣлаться профессоромъ въ двадцать лѣтъ и сѣсть на кафедру прямо изъ студетческой скамьи взяла перевѣсъ надъ другими соображеніями, я согласился принять кафедру и поспѣшилъ въ Кіевъ, чтобы написать кандидатскую дисертацію.

Для дисертаціи я избралъ область уголовнаго права и написалъ историческое разсужденіе о политической смерти. Диссертація моя была единогласно одобрена профессорами и вскорѣ я былъ утвержденъ въ ученой степени кандидата.

Въ августѣ я получилъ приглашеніе ѣхать немедленно въ Одессу для чтенія лекцій. Мнѣ предстояла еще поѣздка въ деревню, чтобы успокоить отца на счетъ поступленія моего, по значенію въ обществѣ, въ число монаховъ и женщинъ. Добрая мать моя помогла мнѣ въ этомъ и

очень обрадовалась первымъ моимъ шагомъ на поприщѣ гражданской дѣятельности, но сожалѣла, что пребываніе въ Одессѣ удалитъ меня отъ нея и лишитъ возможности видѣть меня часто; я ее успокоивалъ тѣмъ, что пребываніе въ Одессѣ не продлится долго и что не позже года я пріѣду въ деревню.

Въ первыхъ числахъ сентября прибылъ я въ Одессу. Недѣли двѣ употребилъ на знакомство съ лицейскими профессорами, лицами принадлежавшими къ учебному вѣдомству, частью одесскаго общества, и на устройство квартиры, нанятой мною въ домѣ 3***, на бульварѣ. Затѣмъ занялся приготовленіемъ къ чтенію лекцій. Въ юридическомъ факультетѣ ришельевскаго лицея полагалось всего три профессора; по кафедрѣ мнѣ доставшейся я долженъ былъ читать студентамъ 1-го курса основные законы имперіи и государственныя учрежденія, во 2-мъ курсѣ гражданскіе и межевые, въ 3-мъ уголовное право; въ недѣлю я имѣлъ девять полутора часовыхъ лекцій. Любимымъ моимъ предметомъ было уголовное право и я обратилъ особенное вниманіе на составленіе лекцій по этой части моей профессуры, тѣмъ болѣе, что уголовное право приходилось читать студентамъ третьяго курса, достаточно развитымъ и подготовленнымъ, а по возрасту по большей части гораздо старше меня. До прибытія моего въ Одессу, имъ временно читалъ уголовное право одинъ изъ моихъ новыхъ товарищей по службѣ и успѣлъ познакомить ихъ вкратцѣ съ теоріями уголовнаго права. Для вступительной моей лекціи, служившей продолженіемъ преподаванія, я тщательно обработалъ критическій взглядъ на теоріи уголовнаго права. На лекцію пожаловали всѣ ученые, находившіеся въ Одессѣ, и много постороннихъ лицъ. Лекція вышла блестящая и въ высшей степени занимательная по своему содержанію: несостоятельность философскихъ системъ въ примѣненіи къ практикѣ была мною доказана съ неотразимою логическою послѣдовательностью.

Довольно застѣнчивый по природѣ, не вполнѣ увѣренный въ своихъ профессорскихъ способностяхъ, я долженъ былъ сдѣлать большое надъ собою усиліе, чтобы въ присутствіи мало знакомой, взыскательной публики прочесть тономъ истаго профессора длинную лекцію.

Взойдя на кафедру, я чувствовалъ себя неловко, лекцію началъ

дрожащимъ отъ волненія голосомъ, но послѣ вступительныхъ словъ ободрился и продолжалъ съ увѣренностью, не лишенною достоинства.

Успѣхъ превзошелъ мои ожиданія. Похваламъ и поздравленіямъ не было конца; вступительная моя лекція особенно понравилась извѣстному въ ученомъ мірѣ профессору Нордману, но наблюдательный взоръ мой не могъ не замѣтить смущенія и выраженія подавленной злобы на лицѣ одного изъ двухъ профессоровъ юридическаго факультета, читавшаго временно мой предметъ въ третьемъ курсѣ. Пожилой магистръ Х-го университета, не слѣдившій за развитіемъ науки и преподававшій по старымъ руководствамъ, съ рутинной неподвижностью, часть юридическихъ лекцій въ теченій 12 лѣтъ, не могъ простить мнѣ новаго взгляда на науку, сдѣлавшую огромные успѣхи въ послѣднее время, и смѣлости, съ которою я дерзнулъ опровергнуть старыя убѣжденія криминалистовъ, бывшихъ для него неприкосновеннымъ авторитетомъ. Общее сочувствіе къ молодому преподавателю, посвятившему себя наукѣ только для науки и не нуждавшемуся въ мѣстѣ для своего существованія, еще болѣе раздражило стараго рутиниста.

Первое время пребыванія моего въ Одессѣ было исключительно посвящено лекціямъ, я составилъ программы, по которымъ въ теченіи учебнаго года долженъ былъ пройти всѣ предметы моего преподаванія. Свободнаго времени имѣлъ очень мало и не располагалъ знакомиться съ обществомъ, чтобы не имѣть развлеченій, которыя могли бы вредить подготовкѣ лекцій и отвлечь меня отъ занятій къ предположенному чрезъ годъ въ Кіевѣ магистерскому экзамену.

Къ октябрю возвратился изъ Крыма графъ Воронцовъ съ семействомъ; въ числѣ моихъ слушателей 3-го курса былъ и сынъ его Семенъ Михаиловичъ. Однажды онъ мнѣ передалъ приглашеніе графа на обѣдъ. Я не могъ отказаться; былъ представленъ графинѣ Воронцовой, ея дочери и нѣкоторымъ дамамъ высшаго общества. На другой день долженъ былъ сдѣлать имъ визиты, былъ принятъ весьма благосклонно и получилъ приглашеніе продолжать знакомство. Въ короткое время я познакомился почти со всѣмъ одесскимъ обществомъ—блестящимъ, довольно многочисленнымъ и гостепріимнымъ. Я говорилъ хорошо по французски, по нѣмецки и по итальянски, былъ порядочнымъ танцоромъ, весьма от-

четливо игралъ на фортепьяно и віолончели, имѣлъ замѣчательный талантъ къ музыкальнымъ импровизаціямъ и пѣлъ не дурно. Баритонъ былъ уменя не большой, но священный огонь молодости, а подъ часъ и страсти, придавалъ моему голосу много выраженія.

Въ Одессѣ была очень хорошая итальянская опера, музыку вообще любили и занимались ею, но отдавали преимущество итальянской. Я предпочиталъ нѣмецкую, исполнялъ на фортепьяно по большей части пьесы Мендельсона, Бетховена и Моцарта, игралъ на віолончели произведенія Ромберга, Куммера, Доцауера и Серве и пѣлъ почти исключительно Шуберта и русскіе романсы. Музыка моя производила большой эффектъ, какъ новость.

Противъ желанія, я вскорѣ сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ: въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ я сталъ твердой ногой на новой для меня почвѣ, слылъ однимъ изъ лучшихъ преподавателей лицея, считался безукоризненнымъ джентльменомъ въ обществѣ.

Признаюсь откровенно: блестящее мое положеніе вскружило мнѣ голову; не ожиданный успѣхъ поставилъ меня на высоту, о которой я не мечталъ, но какъ ни было опасно это положеніе для молодаго человѣка, начинавшаго жить, оно имѣло ту хорошую сторону, что неувѣренность въ себѣ и врожденная застѣнчивость исчезли у меня мало по малу. Дни проводилъ я въ добросовѣстныхъ ученыхъ занятіяхъ, увеличившихся порученіемъ преподаванія римскаго права, по случаю отъѣзда профессора этого предмета, а вечера, до поздней ночи, въ увлекательномъ обществѣ красивыхъ и любезныхъ одесскихъ дамъ. Нравы были не суровы, отношенія дружески свободныя; я сталъ жить широко и безъ разчета тратилъ мою молодость.

Въ числѣ лицъ, постояно проводившихъ зиму въ Одессѣ, былъ Г. Б., очень образованный, необыкновенно толстый человѣкъ, среднихъ лѣтъ, некрасивой наружности. Онъ былъ женатъ на молдованкѣ княжескаго рода, имѣлъ огромное состояніе; ближайшій сосѣдъ по занимаемой мною квартирѣ, большой любитель музыки и отличный музыкантъ, онъ заискивалъ моего знакомства, и я вскорѣ сталъ ежедневнымъ посѣтителемъ его великолѣпнаго дома. Часто разыгривали мы квартеты, еще чаще приходилось мнѣ импровизировать на заданныя темы. Су-

пруга его была красивая женщина не первой молодости: лѣтъ тридцати, средняго роста, худощава, съ большими черными выразительными глазами, нерѣдко удостоивавшими меня пламеннымъ, жгучимъ взглядомъ.

Безъ особеннаго увлеченія сошелся я съ этой женщиной. По богатству и происхожденію она играла не послѣднюю роль въ обществѣ, но изящному вкусу и хорошему образованію имѣла въ немъ большее вліяніе; она привязалась ко мнѣ съ пылкостью своей южной натуры, съ страстью, на которую способны однѣ женщины зрѣлыхъ лѣтъ. Отношенія мои къ ней льстили моему самолюбію, но вскорѣ я убѣдился, что во мнѣ, кромѣ влеченія очень обыкновеннаго въ молодомъ человѣкѣ къ красивой женщинѣ, не было другаго чувства.

Госпожа Б. отличалась необыкновенною ревностью и связь съ этой женщиной начинала тяготить меня. По врожденной деликатности я не имѣлъ силы воли прервать съ нею мои сношенія мгновенно; положеніе мое становилось впрочемъ невыносимымъ: она совершенно овладѣла мною, распоряжалась какъ своею собственностью и со дня на день становилась неотвязчивѣе и несноснѣе.

Наконецъ терпѣніе мое истощилось, я прервалъ мои сношенія съ г-жею Б. и съ большою твердостью нерепесъ взрывъ негодованія, потоки упрековъ и слезъ. Мужъ, и какъ всѣ мужья, ничего не подозрѣвалъ и былъ не мало удивленъ, что не встрѣчалъ меня въ теченіи нѣсколькихъ дней въ своемъ домѣ. Я сказался больнымъ и недѣли чрезъ двѣ появился снова у Б., какъ ни въ чемъ не бывало.

Зима прошла быстро въ занятіяхъ и ежедневныхъ развлеченіяхъ. Между прочимъ, я часто посѣщалъ мастерскую Лангле, портнаго на меня шившаго: у него была прехорошенькая жена, типъ провансальской француженки, я за нею ухаживалъ, а съ мужемъ упражнялся въ фехтованьи на рапирахъ. Не смотря на то, что Лангле былъ лѣвша, онъ владѣлъ превосходно шпагой и выучилъ меня многимъ пріемамъ, которые не были еще мнѣ извѣстны. Я былъ очень любезенъ съ великосвѣтскими дамами вообще, но, проученный г-жею Б., не входилъ въ близкія къ нимъ отношенія, не смотря на возможность пристроить себя. Въ блестящемъ одесскомъ обществѣ было много красавицъ не жестокосердыхъ и обычай перешедшій изъ Италіи имѣть cavaliere servante,

такъ усвоился въ Одессѣ, что сталъ характеристическою чертою тамошнихъ нравовъ.

Не могу пройти молчаніемъ замѣчательныхъ личностей этого сезона. Въ ноябрѣ 1841 года, на одесскомъ театрѣ давали новую оперу „Эдинбургская темница“. Хорошенькая зала этого театра, отдѣланная просто, но со вкусомъ, въ этотъ вечеръ была полна, такъ полна, какъ обыкновенно бываетъ она во время представленія новыхъ оперъ или дебюта лучшихъ артистовъ. Ложи перваго яруса зимою всегда абонированы одесскою знатью, въ ложахъ другихъ ярусовъ помѣщаются пріѣзжіе, семейства негоціантовъ и лицъ не принадлежащихъ къ высшему кругу; кресла заняты многочисленной и блестящею молодежью; партеръ набитъ мелкими чиновниками и приказчиками, которыхъ здѣсь такъ много. Зала была похожа на прекрасный цвѣтникъ, усѣянный роскошными цвѣтами; кое гдѣ, правда, проявлялись растенія нѣсколько и обыкновенныя, но они почти не были замѣтны въ блестящей массѣ цѣлаго. И въ самомъ дѣлѣ никогда Одесса не была богата такимъ множествомъ прекрасныхъ лицъ, какъ въ зиму 1841 года; чтобы убѣдиться въ справедливости этого, стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на ложи перваго яруса. Взгляните на одну изъ нихъ первую на лѣвой сторонѣ отъ сцены, — вы увидите тамъ молодую женщину очаровательной наружности — это княгиня К. Какъ чудно хороша она, какъ интересно ея блѣдно-матовое миніатюрное лицо, окаймленное черными какъ смоль волосами! Видали-ль вы что нибудь лучше, восхитительнѣе княгини? За нею князь К., олицетворенное ничтожество; нужно разъ увидѣть князя, чтобъ составить себѣ объ немъ вѣрное понятіе навсегда: никогда не видѣлъ я лица, которое-бы такъ отчетливо изображало глупость, какъ лице князя; посмотрѣвъ на него, вы скажете: этотъ человѣкъ глупъ и не ошибетесь, никогда наружность не была такимъ вѣрнымъ отблескомъ внутренняго, интелектуальнаго. Далѣе ложа К. По красотѣ безспорно первое мѣсто занимала г-жа К. Блондинка средняго роста не выразимо пріятнаго лица съ голубыми глазами. Мужъ ревности необычайной. Никогда не отходилъ онъ отъ жены, постоянно сопровождалъ всюду, въ танцахъ всегда становился за ея стуломъ и утромъ во время посѣщеній никогда не уходилъ изъ гостиной. Часто

молодые люди подшучивали надъ нимъ. Сговаривались отправиться съ визитомъ къ К. Одинъ изъ молодыхъ людей, когда въ гостинной хозяевъ не бывало никого, подъ предлогомъ поговорить о дѣлѣ уводилъ мужа въ кабинетъ и задерживалъ его тамъ, какъ можно долѣе. Въ это время одинъ за другимъ являлись къ г-жѣ К. посѣтители и мужъ подвергался невыносимой нравственной пыткѣ. Потомъ ложа князя Г. Взглянувъ на княгиню, вамъ невольно представится Эсмеральда изъ Notre Dame de Paris. Княгиня не была молода, воздушна и эфирна, какъ цыганка, созданная Гюго, но имѣла прелестное смуглое лице, черные волосы, огненные, жгучіе глаза, сверкающіе молніями. Особенный, нѣсколько даже странный туалетъ княгини, дѣлалъ это сравненіе еще болѣе вѣрнымъ. Было въ ея одѣяніи много необыкновеннаго, но всего болѣе поражалъ головной уборъ, блиставшій множествомъ золотыхъ булавокъ и другихъ металлическихъ украшеній. Хороша, очаровательна была княгиня и взоры многихъ были обращены къ ней. Въ эту минуту на лицѣ князя можно было прочесть особенное удовольствіе; онъ гордился вниманіемъ оказываемымъ его супругѣ и всегда довольный всѣмъ и всѣми, а собою въ особенности, казалось, онъ выросъ въ этотъ вечеръ. Подлѣ ложи князя Г., ложа Ч. Здѣсь нельзя не замѣтить молодой дѣвушки, сидящей облокотившись на перила ложи: ее нельзя назвать красавицей, но неправильное лице ея, подернутое тихою грустью, невыразимо интересно. Съ правой стороны ложа г-жи Щ. Величественная осанка, правильныя черты лица, типъ библейской красоты производили на зрителя обаятельное впечатлѣніе; г-жа Щ. была идоломъ, которому поклонялись всѣ.

Далѣе г-жа С., роскошная блондинка, принадлежащая къ одной изъ извѣстныхъ фамилій Малороссіи. Потомъ г. П., гречанка античныхъ формъ, замѣчательной пластической красоты. За нею Г. С. миловидная молоденькая дама, съ волосами пепельнаго цвѣта и большими черными глазами. Наконецъ дѣвица К. стройная какъ пальма; роскошные каштановые волосы окаймляли обворожительно интересное лице, которому особенное выраженіе придавали небольшіе огненные каріе глаза.

Роскошь меблировки и мужскихъ туалетовъ могла сравниться съ роскошью главныхъ столицъ Европы. Чисто русское гостепріимство и

хлѣбосольство соединялось съ непринужденностью свойственною иностранцамъ.

Въ концѣ сезона у графа Воронцова было два костюмированныхъ бала, въ которыхъ я принималъ участіе. Балы эти были великолѣпны: на первомъ появился кадриль изъ 16 паръ въ костюмахъ Калабрійскихъ разбойниковъ, другой изъ 12-ти въ албанскихъ; отдѣльныя группы изъ Notre Dame de Paris: Эсмеральда, Клодъ Фроло Казимодо и Фебюсъ, изъ Робертъ-дьявола: Бертранъ Робертъ и Алиса, изъ Эрнани: Донна Соль, Карлъ V, Эрнани и Рюи Гомецъ. На второмъ кадрили Шотландцевъ, Венеціанцевъ, пародія на сцену изъ Эсмеральды, изъ Фауста группа: Мефистофеля, Фауста и Гретхенъ, изъ Донъ-Жуана: Командоръ, Дона Анна, Лепорелло и Донъ-Жуанъ.

Въ постъ занимались много классической музыкой; самыя замѣчательные вечера были у г. Б. два раза въ недѣлю: по вторникамъ исполняли квартеты и соло на разныхъ инструментахъ, по субботамъ симфоніи и церковную музыку.

Наступилъ май. Явилось желаніе устроить большой пикникъ на хуторѣ Рено. Вся блестящая молодежь Одессы приняла въ немъ участіе: по подпискѣ составилась довольно крупная сумма и весенній загородный праздникъ достойнымъ образомъ увѣнчалъ зимній сезонъ удовольствій. Я былъ однимъ изъ главныхъ распорядителей этого праздника.

Внизу большой лѣстницы, ведущей отъ бульвара къ морю, была устроена палатка, въ которой приглашенные собрались къ 12 часамъ утра; послѣ легкаго завтрака сѣли въ шлюпки, украшенныя разноцвѣтными флагами и управляемыя гребцами въ костюмахъ венеціанскихъ гондольеровъ; впереди флотиліи шелъ баркасъ съ музыкой и хоромъ итальянскихъ пѣвцовъ. Часть общества, не желавшая ѣхать моремъ, отправилась въ экипажахъ сухимъ путемъ. На хуторѣ, на высокой возвышенности, украшенной мачтами съ флагами, была устроена батарея, съ которой произведены залпы при прибытіи флотиліи къ берегу.

До обѣда время было посвящено гулянью на хуторѣ, приведенномъ въ порядокъ къ празднику; въ пятомъ часу на галлереѣ, окружа-

ющей обширный домъ, былъ поданъ великолѣпный обѣдъ, приготовленный Оттономъ; послѣ обѣда опять гулянье, въ 8 часовъ начались танцы въ большой залѣ, убранной со вкусомъ гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ и освѣщенной à giorno, въ десять былъ сожженъ фейерверкъ. Танцы продолжались до 5 часовъ утра; не танцующіе провели большую часть вечера въ саду, иллюминованномъ разноцвѣтными фонариками и отъ времени до времени освѣщаемомъ бенгальскими огнями. Праздникъ кончился ужиномъ съ безчисленнымъ множествомъ тостовъ.

Въ концѣ зимы я сошелся съ замѣчательными личностями: съ лордомъ Альвенслеемъ, старымъ подагрикомъ и холостякомъ, который очень меня полюбилъ,—онъ былъ человѣкъ весьма образованный и умный и пэръ соединенныхъ королевствъ Великобританіи; съ г. И. весьма умнымъ, краснорѣчивымъ господиномъ, прожившимъ довольно большое состояніе и съ г. С., дѣльнымъ и очень пріятнымъ человѣкомъ. И. и С. только и думали, какъ-бы провести время пріятнѣе, почти каждый день мы собирались вмѣстѣ по вечерамъ; за частую дѣлали весною экскурсіи въ окрестности города въ экипажахъ, нерѣдко и моремъ на яхтѣ, принадлежавшей г. К. Послѣдній былъ эпикуреецъ и самодуръ: онъ проѣлъ и пропилъ значительное состояніе, курилъ опіумъ и забавлялся тѣмъ, что отравлялъ своихъ друзей разными возбуди тельными средствами. Я избѣгалъ знакомства съ этимъ господи номъ; случай насъ свелъ, но отношенія наши были всегда болѣе чѣмъ холодны.

Къ послѣднему времени моего пребыванія въ Одессѣ относится знакомство мое съ молодой женщиной, своего рода знаменитостью, извѣстной подъ именемъ графини С. Все, что ни было въ Одессѣ изъ молодежи и лицъ солидныхъ лѣтъ, все было знакомо съ графиней. Она каждый вечеръ бывала дома и у ней всегда можно было встрѣтить многочисленное общество женщинъ, носившихъ въ то время названіе лоретокъ. Графиня Теофила С. была замѣчательна своею наружностью и характеромъ.

Представьте себѣ женщину 22-хъ лѣтъ, роста выше средняго, съ таліей шестнадцатилѣтней пансіонерки, съ руками и ногами необыкновенно маленькими, съ бюстомъ Веперы Медичійской, съ густыми чер-

ными какъ смоль волосами, падавшими толстыми косами до земли, съ огромными темнокарыми глазами, свѣтившимися умомъ и страстнымъ выраженіемъ; дугообразныя черныя брови, маленькій ротикъ съ топкими коралловыми губками, украшенный двойнымъ рядомъ жемчужинъ; прибавьте къ этому врожденную непринужденную грацію и вы будете имѣть приблизительное понятіе о красотѣ Теофилы; единственнымъ ея недостаткомъ было небольшое, едва замѣтное бѣльмо на лѣвомъ глазѣ.

Характеръ Теофила имѣла веселый, беззаботный и отличанась необыкновенною въ ея положеніи добросовѣстностью и честностью, сердца была добраго, но своенравна, вспыльчива и очень разборчива. Не всякій могъ пользоваться ея расположеніемъ, бывали люди и знатные и богатые, которые ухаживали за нею безъ успѣха.

Родомъ фанаріотка, она была привезена въ Одессу ребенкомъ. Графъ С. купилъ ее у матери, далъ порядочное образованіе и сдѣлалъ своей любовницей. Умирая онъ оставилъ Теофилѣ порядочный домъ и небольшой капиталъ.

Графъ С. скончался до прибытія моего въ Одессу. Я былъ знакомъ съ нимъ еще въ Кіевѣ, куда онъ часто пріѣзжалъ во время контрактовъ; у него было большое имѣніе въ кіевской губерніи, переданное сестрѣ графа въ замужествѣ за графомъ А. А. Б. Графъ С. оставилъ по себѣ память Донъ-Жуана, рыцаря безъ страха и упрека и большаго барина. Съ рѣдкой красотой онъ соединялъ умъ, любезность, веселость и многіе таланты: былъ одаренъ необыкновенной физической силой, отлично ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ, фехтовалъ, былъ замѣчательнымъ музыкантомъ и ловкимъ танцоромъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня Теофилой, было не въ ея пользу. Я питалъ особенное отвращеніе къ женщинамъ слишкомъ легкихъ нравовъ; свобода въ обращеніи, обстановка, среди которой я познакомился съ этой куртизанкой высшаго полета, оттолкнула меня отъ нея. Послѣ перваго посѣщенія, сдѣланнаго изъ любопытства, я не бывалъ больше у Теофилы.

Изъ квартиры моей на бульварѣ, въ которой житья мнѣ не было отъ сварливой и несносной хозяйки дома, я перешелъ въ Новороссій-

скую гостинницу Маттео, отличнаго повара, по преданію, бывшаго пирата.

Однажды вечеромъ, возвратясь изъ загородной прогулки, я собирался лечь спать,—отворяются двери моей гостинной и къ не малому моему удивленію я вижу предъ собой Теофилу.

Я принялъ ее вѣжливо, но очень сухо. Представьте себѣ мое удивленіе, когда она объявила, что пріѣхала развлечь меня отъ скуки, которая, по отзывамъ моихъ пріятелей, съ нѣкотораго времени меня одолѣла, что она отослала свой экипажъ и увѣрена, что я не заставлю ее возвращаться домой въ поздній часъ ночи.

Какъ не озадачила меня такая безцеремонность, дѣлать было нечего: нужно было подчиниться оригинальному капризу своенравной женщины, тѣмъ болѣе, что она была очаровательно хороша.

Теофила совершенно плѣнила меня своимъ умомъ, неподдѣльною веселостью, безкорыстною привязанностью и формами, достойными рѣзца Праксителя.

Наступило время экзаменовъ въ лицеѣ. Студенты меня любили, занимались хорошо моими предметами и выдержали экзаменъ превосходно.

Вслѣдствіе наговоровъ моего товарища по профессурѣ, что я въ моихъ лекціяхъ провожу идеи слишкомъ новыя и чрезъ-чуръ либеральныя попечитель присутствовалъ на всѣхъ экзаменахъ изъ предметовъ мной пройденныхъ и не зналъ, какъ выразить мнѣ свою благодарность за успѣхи студентовъ; онъ въ особенности остался доволенъ уголовнымъ правомъ и обширными свѣдѣніями, сообщенными мною студентамъ о философіи права законодательствъ европейскихъ государствъ и американскихъ штатовъ.

Несмотря на столь удовлетворительный исходъ моей ученой дѣятельности, я заявилъ намѣреніе прекратить на будущій учебный годъ мои лекціи въ лицеѣ, убѣдясь въ невозможности, при большихъ занятіяхъ и разсѣянной жизни, приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ магистерскому экзамену.

Попечитель уговаривалъ меня не оставлять службы въ лицеѣ и предлагалъ воспользоваться каникулами и отпускомъ въ первые осенніе

мѣсяцы, чтобы ѣхать держать экзаменъ въ Кіевѣ. Я не далъ ему положительнаго обѣщанія исполнить его желаніе и въ іюнѣ отправился въ деревню.

Теофила такъ привязалась ко мнѣ, что изъявила желаніе проводить меня до Вознесенска.

За нѣсколько дней до моего отъѣзда, пріѣхали изъ Кавказа въ Одессу и поселились въ новороссійской гостинницѣ князь О., богатый молодой грузинъ, генералъ нашей службы, и поручикъ Ф., извѣстный повѣса, изгнанный изъ Петербурга, гдѣ воспитывался съ очень высоко поставленными личностями, и посланный на Кавказъ изъ гвардіи въ армію прапорщикомъ за какія-то шалости.

Эти господа познакомились со мною и очень меня полюбили, заставляли со дня на день откладывать мой отъѣздъ, дали нѣсколько прощальныхъ обѣдовъ и наконецъ до того надоѣли, что я не зналъ, какъ отъ нихъ отдѣлаться. Князь О. долженъ былъ остаться въ Одессѣ, а Ф. вызвался сопутствовать мнѣ до Вознесенска. Въ Вознесенскѣ та-же исторія; у Ф. нашлось много знакомыхъ и товарищей по службѣ между квартировавшими тамъ кавалеристами, задержали меня цѣлую недѣлю и устроили великолѣпные проводы.

Въ Вознесенскѣ простился я и съ Теофилой. Мнѣ жаль было съ нею разстаться: я ее любилъ за искренную ко мнѣ привязанность и рѣдкое безкорыстіе. Никогда въ Одессѣ не соглашалась она принять отъ меня цѣннаго подарка; разставаясь, я счелъ долгомъ предложить ей довольно крупную сумму. Теофила не приняла денегъ, вспылила, разсердилась, а потомъ расплакалась какъ дитя, укоряя меня въ неделикатности и неумѣньи отличить искренную привязанность отъ продажной податливости. Мнѣ стало совѣстно, не могъ я простить себѣ неумышленнаго оскорбленія любящей женщины, и долго, долго не могъ забыть ее.

Въ Кіевѣ нашелъ нѣсколькихъ товарищей по университету, провелъ съ ними весело три дня, посѣтилъ Кинь-грусть, гдѣ былъ принятъ очень радушно и прибылъ въ деревню гораздо позже назначеннаго срока.

Тамъ меня ожидали радости семейной жизни и любящее сердце матери.

Къ родителямъ моимъ доходили обо мнѣ преувеличенные слухи,—о разсѣянной жизни въ Одессѣ, увлеченіяхъ и неразсчетливости. Средствъ, которыя мнѣ давали, было дѣйствительно недостаточно: я задолжалъ, немедленно уплотили мои долги и согласились съ моимъ желаніемъ не возвращаться въ Одессу, а ѣхать за границу, отдохнувъ въ теченіи лѣта въ деревнѣ. Отдыхъ мнѣ былъ необходимъ: я усталъ и физически и нравственно. Объ Одессѣ я впрочемъ не жалѣлъ; зимній сезонъ, проведенный въ ней, пронесся какъ ураганъ, впечатлительная натура моя не вынесла изъ него ничего, кромѣ удовлетвореннаго самолюбія и сердечной пустоты; иногда только взгрустнется бывало, когда вспомнишь Теофилу съ ея заплаканными при прощаньи глазами.

Тихая деревенская жизнь, ароматическій степной воздухъ, превосходный садъ, откровенныя дружескія бесѣды съ умной и доброй моей матерью имѣли благотворное на меня вліяніе: я отдохнулъ, но не спѣшилъ отъѣздомъ за границу. Въ августѣ только собрался въ дальній путь и напутствуемый благословеніями, добрыми пожеланіями и совѣтами отправился въ Петербургъ, чтобы получить командировку съ ученой цѣлью за границу, на моемъ иждивеніи, или-же отставку.

По дорогѣ я заѣхалъ къ двоюродной сестрѣ моего отца г-жѣ С., замѣчательной своимъ умомъ, но не получившей почти никакого образованія; она представляла типъ помѣщицы давно прошедшихъ временъ. Отличная хозяйка въ обширномъ смыслѣ этого слова, необыкновенно строгая съ прислугой и крестьянами, въ высшей степени разсчетливая, она вела превосходно свои дѣла и нажила громадное состояніе: овдовѣвъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ замужества, посвятила себя заботамъ о единственной дочери, которая воспитывалась въ одно время со мною въ Х., и вышла замужъ за К. Новобрачные поселились въ Петербургѣ, у нихъ гостилъ я послѣ выхода изъ училища. Тетушка С. просила меня остановиться въ Петербургѣ въ квартирѣ ея дочери.

Въ Москвѣ я остался нѣсколько дней, чтобы познакомиться съ достопримѣчательностями первопрестольной столицы. Въ гостинницѣ Шевалдышева встрѣтился съ молодымъ Альвенслеемъ, который мнѣ очень

обрадовался и взялъ съ меня слово посѣтить его въ Англіи, въ замкѣ около Лондона. Москва мнѣ понравилась, въ ней прожилъ я очень пріятно недѣлю, нашелъ нѣсколькихъ знакомыхъ и родныхъ. Былъ очень радушно принятъ княземъ Д., женатымъ на дальней моей родственницѣ, замѣчательной своей красотой. Я съ ними вскорѣ породнился ближе: старшая сестра моя вышла замужъ за В., брата княгини. Въ петровскомъ паркѣ Д. имѣли великолѣпную дачу и жили открыто, у нихъ я познакомился съ московскою знатью.

Въ Петербургѣ, въ обширной и превосходно убранной квартирѣ кузины, на Гороховой, въ домѣ Таля, я расположился весьма удобно. Кузина была за границей, а мужъ ея уѣхалъ въ Сибирь, получивъ назначеніе на одно изъ важныхъ въ краѣ мѣстъ. Многочисленная прислуга и отличный поваръ оставались дома.

Я вскорѣ отыскалъ своихъ товарищей по училищу и проводилъ съ ними время въ дружеской бесѣдѣ. Они только-что кончили курсъ и поступили на службу. Вѣсть о моихъ успѣхахъ въ университетѣ и преподаваніи въ лицеѣ дошла до нихъ гораздо прежде моего пріѣзда въ Петербургъ. Какъ во всемъ дурномъ, такъ и въ хорошемъ не бываетъ безъ преувеличенія. По исключеніи изъ училища меня считали погибшимъ, послѣ занятія кафедры на меня смотрѣли какъ на ученаго профессора, какъ на авторитетъ въ наукѣ и обращались со мной съ подобающимъ уваженіемъ. Неудивительно со стороны товарищей: изъ разговоровъ со мной они убѣдились, что университетское образованіе вообще стояло несравненно выше училищнаго. Самый способъ занятій въ университетѣ давалъ возможность относиться къ наукѣ серьезнѣе, чѣмъ въ училищѣ, которое въ первое время его существованія было школою въ тѣсномъ смыслѣ: задавали уроки, спрашивали и, при удовлетворительныхъ отвѣтахъ, ставили удовлетворительныя отмѣтки. На экзаменахъ придерживались текста руководствъ, по большей части устарѣвшихъ. Память играла большую роль; на осмысленное усвоеніе предмета, на умственное развитіе учащихся не обращали должнаго вниманія. О преподаваніи и говорить нечего. Общее всестороннее образованіе брало много времени въ ущербъ спеціальнымъ предметамъ, которые проходили довольно поверхностно. И преподаватели были не тѣ, что въ универси-

тетѣ, а если и приглашались университетскіе профессора, то они въ училищѣ совершенно иначе читали свои лекціи. Между тѣмъ служебныя преимущества училища были выше университетскихъ. Кромѣ товарищей были еще лица, которыя превозносили мою ученость; одинъ господинъ, довольно высоко поставленный въ ученомъ мірѣ, простеръ свою любезность до того, что хвалилъ мою диссертацію и увѣрялъ, что читалъ ее съ большимъ вниманіемъ, тогда какъ она никогда не была напечатана.

Я поѣхалъ къ Е. Ф. фонъ-Брадке онъ принялъ меня весьма ласково и передалъ мнѣ разговоръ съ директоромъ училища П. обо мнѣ. По увольненіи отъ должности попечителя, Егоръ Федоровичъ отправился въ Петербургъ и при свиданьи съ П. сказалъ ему, что однимъ изъ лучшихъ студентовъ кіевскаго университета былъ бывшій воспитанникъ училища; директоръ спросилъ фамилію, и когда Брадке назвалъ меня, П. не хотѣлъ вѣрить и объявилъ, что я большой повѣса и плохой ученикъ, исключенный за шалости, а хорошій студентъ вѣроятно мой однофамилецъ. Когда Брадке описалъ мою наружность, сомнѣнія въ тождественности быть не могло; но П. увѣрялъ, что я достаточно хитеръ, чтобы скрывать свои пороки, что никогда не кончу курса и не сдѣлаюсь порядочнымъ человѣкомъ. Поѣзжай, сдѣлай одолженіе къ П., присовокупилъ Брадке и убѣди, что онъ непростительно ошибался на твой счетъ.

Къ П. я не поѣхалъ, степень кандидата и кафедра въ лицеѣ смыли съ меня пятно изгнанія изъ училища, но не могъ я забыть несправедливости и преслѣдованій директора.

Отецъ мой далъ мнѣ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ своимъ сослуживцамъ по гвардіи, нѣкоторые занимали важныя должности, изъ нихъ съ особенною привѣтливостью я былъ принятъ графомъ Кушелевымъ, директоромъ артиллерійскаго департамента, на прелестной дачѣ по Петергофской дорогѣ, и генералъ-адъютантомъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, недавно возвратившимся изъ Берлина, куда сопровождалъ прусскаго короля при обратномъ его путешествіи изъ Петербурга.

Министръ народнаго просвѣщенія Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, жившій въ то время на дачѣ, принялъ меня сначала очень благосклон-

но. Я сообщилъ ему мое предположеніе ѣхать за границу, чтобы въ германскихъ университетахъ заняться наукой, и просилъ командировки на три года безъ всякаго пособія отъ казны. Министръ сказалъ, что можетъ разрѣшить командировку съ ученою цѣлью безъ содержанія, но съ сохраненіемъ правъ службы, только на три семестра и съ тѣмъ, чтобы я подчинился всѣмъ условіямъ, установленнымъ для командировокъ отъ правительства. Я не согласился и выразилъ желаніе быть уволеннымъ немедленно отъ службы.

Рѣшительный тонъ мой не понравился Уварову, и онъ довольно сухо сказалъ мнѣ: вы профессоръ законовѣдѣнія, а не знаете, что съ просьбою объ отставкѣ нужно обратиться по начальству.

Сколько мнѣ помнится, возразилъ я, увольненіе зависитъ отъ лица, которое опредѣляетъ къ должности. Такъ какъ я имѣлъ честь быть утвержденнымъ въ должности адъюнкта вашимъ превосходительствомъ, по представленію одесскаго попечителя, то и увольненіе отъ этой должности зависитъ, полагаю, отъ васъ; позвольте просить принять мое прошеніе объ отставкѣ и, по полученіи свѣдѣній изъ Одессы о неимѣніи препятствій, сдѣлать распоряженіе о моемъ увольненіи.

Извольте обратиться въ департаментъ, холодно и съ сдержаннымъ неудовольствіемъ проговорилъ сквозь зубы Уваровъ, взялъ прошеніе и осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы.

На другой день я отправился въ департаментъ, при мнѣ написали запросъ попечителю и обѣщали выдать отставку немедленно по полученіи отвѣта.

Въ Петербургъ пріѣхалъ графъ Воронцовъ, я былъ у него нѣсколько разъ и никогда не забуду его ласковаго со мною обращенія и добрыхъ ко мнѣ отношеній. Узнавъ, что я выхожу въ отставку и ѣду за границу, онъ предложилъ мнѣ дать рекомендательныя письма и пригласилъ, если когда нибудь вздумаю оставить учебное вѣдомство, продолжать службу у него.

Я поблагодарилъ графа и отвѣтилъ, что воспользуюсь его благосклоннымъ вниманіемъ и безъ всякаго сомнѣнія не стану искать другой службы, какъ у него, если обстоятельства заставятъ измѣнить ученому поприщу.

Не смѣю совѣтовать, но полагаю, что вамъ нуженъ болѣе обширный кругъ дѣятельности, и поэтому не говорю вамъ: прощайте, а досвиданья,—сказалъ въ заключеніе графъ Михаилъ Семеновичъ, съ обычною ему любезностью, пожимая мнѣ дружески руку.

На другой день онъ присланъ мнѣ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ во Францію и Англію. Князь Лобановъ далъ мнѣ также нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ нашимъ посланникамъ въ Германіи

На прощанье я созвалъ своихъ училищныхъ товарищей въ великолѣпную квартиру кузины и далъ имъ блестящій вечеръ.

Въ ожиданіи отставки я часто ѣздилъ на острова за городъ и посѣтилъ замѣчательныя окрестности Петербурга.

Однажды предъ вечеромъ, по возвращеніи изъ Гатчины, сидѣлъ я дома съ однимъ изъ училищныхъ товарищей; были сумерки, свѣчей еще не подавали и въ комнатѣ царствовалъ полумракъ. Отворяется дверь моего кабинета, ведущая въ корридоръ, входитъ дама подъ вуалемъ, очень прилично одѣтая и останавливается въ нерѣшимости, идти ли впередъ или возратиться.

Я всталъ и вѣжливо спросилъ, что ей угодно. Дама не удостоила меня отвѣтомъ и исчезла, какъ привидѣніе. Мы продолжали разговоръ, чрезъ полчаса пришелъ лакей доложить, что кузина моя возвратилась изъ-за границы и проситъ пожаловать къ ней.

Кузина очень мнѣ обрадовась и объявила, что остается въ Петербургѣ сутки и ѣдетъ въ Сибирь къ мужу. Узнавъ за границею о его назначеніи, она хотѣла сдѣлать ему сюрпризъ своимъ пріѣздомъ и прошла по черной лѣстницѣ въ кабинетъ, въ полной увѣренности, что застанетъ тамъ своего мужа и обрадуетъ внезапнымъ появленіемъ.

Не мало удивилъ меня неожиданный пріѣздъ кузины и рѣшимость ея ѣхать догонять мужа, съ которымъ, какъ говорили, она разсталась навсегда.

Г К., единственная наслѣдница огромнаго состоянія, воспитывалась сначала дома, а потомъ въ харьковскомъ пансіонѣ. На воспитаніе ея ничего не жалѣли, она училась хорошо и получила по-

рядочное свѣтское образованіе, но излишняя угодливость воспитательницъ и невниманіе ихъ къ нравственному развитію молодой дѣвицы, при всей добротѣ ея сердца, сдѣлали ее женщиной своенравной, характера невозможнаго. Шестнадцати лѣтъ она вышла замужъ за человѣка безъ души, который женился изъ разсчета. По уму и образованію онъ могъ-бы имѣть благодѣтельное на нее вліяніе, еслибы хотѣлъ и съумѣлъ заняться ею серьезно, но вмѣсто добрыхъ дружескихъ совѣтовъ началъ трунить, насмѣхаться надъ нею, оскорблялъ и раздражалъ безъ нужды, и въ короткое время до того развилъ въ ней дурные инстинкты, что кузина дѣйствительно сдѣлалась въ семейномъ быту женщиной сварливой, капризной и невыносимой, а въ обществѣ довольно странной и смѣшной.

Находясь еще въ училищѣ, бывалъ я у нихъ иногда въ праздники, по выходѣ изъ училища прожилъ болѣе двухъ мѣсяцевъ и вынесъ о нихъ грустное воспоминаніе.

Поссорятся бывало изъ за пустяковъ и часто ссора принимаетъ громадные размѣры; отъ словъ переходятъ къ дѣйствіямъ: письменныя принадлежности, украшенія каминовъ, горшки съ цвѣтами—все это летитъ, разбивается и напоситъ иногда чувствительный вредъ ссорящимся; да и зрителямъ бывало небезопасно; не забуду никогда, какъ однажды бронзовый подсвѣчникъ рикошетомъ попалъ мнѣ въ плечо и больно ушибъ.

Поѣдутъ въ театръ, дорогой повздорятъ, и чтобы лишить жену удовольствія, К. разорветъ бывало ея наколку или испортитъ прическу. Но не всегда его поступки съ женой оставались ненаказанными. Въ одинъ прекрасный вечеръ, подъѣзжая къ знакомымъ, у которыхъ былъ балъ, кузина уничтожила прическу своего супруга, и К. долженъ былъ отказаться отъ бала, такъ какъ въ то время мужчины носили прически, требовавшія услугъ парикмахера. Въ другой разъ мщеніе кузины этимъ не ограничилось: она исцарапала лице мужа, и бѣдный К. двѣ недѣли не могъ выходить изъ дому.

К—вы нѣсколько разъ разъѣзжались, мирились; въ послѣдній разъ, казалось, разошлись навсегда. Но привязанность-ли въ мужу, или странный, ничѣмъ необъяснимый капризъ женщины заставилъ ку-

зину возвратится изъ Франціи въ Петербургъ и догонять мужа на пути въ Сибирь. Она дѣйствительно уѣхала на другой день.

Чрезъ недѣлю получивъ давно ожидаемую отставку и безсрочный паспортъ за границу, я отправился моремъ въ Любекъ съ послѣднимъ отходившимъ въ октябрѣ изъ Кронштадта пароходомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе) [1]).

VI. Поѣздка за границу.

Кратковременный переѣздъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ моремъ на небольшомъ пароходѣ былъ очень непріятенъ, морская болѣзнь мгновенно свалила меня съ ногъ. Въ Кронштадтѣ мы переѣхали на большой пароходъ „Владиміръ", простояли часовъ пять въ гавани, и я нѣсколько было оправился отъ морской болѣзни.

Переѣздъ изъ Кронштадта до Любека совершался обыкновенно въ трое сутокъ, но по позднему времени года и бурному состоянію моря, мы употребили семь сутокъ на это путешествіе, самое непріятное въ моей жизни.

Отчалили; не успѣлъ я расположиться въ общей каютѣ 1-го класса, вмѣщавшей въ себѣ довольно много путешественниковъ и путешественницъ, какъ морская болѣзнь возобновилась и заставила меня искать убѣжища въ койкѣ. Мнѣ совѣтовали выпить рюмку рому, по-

[1]) См. „Кіевская Старина", 1884 г., март. кн., стр. 443—464.

больше ѣсть: ничто не помогало, я изнемогъ, не могъ равнодушно смотрѣть на съѣстное, и все время путешествія находился почти въ безчувственномъ состояніи. Пробовалъ выходить на палубу: грустный видъ сѣраго свинцоваго неба, порывистый холодный вѣтеръ; мокрый снѣгъ, смѣнявшійся проливнымъ дождемъ, невыносимая качка и постоянное сотрясеніе парохода отъ дѣйствія машины, заставляли меня вскорѣ возвращаться въ койку, гдѣ по крайней мѣрѣ было тепло. Прибавимъ къ этому безсонницу, двѣ сильныя бури во время нашего плаванія, какъ-бы сквозь сонъ слышавшіеся крики дѣтей, стоны и вопли матерей, отрывистую команду капитана, постоянную бѣготню матросовъ, весьма серьезную опасность крушенія, и картина тогдашняго моего положенія будетъ полна; она часто возобновляется въ моей памяти. Сколько разъ раскаявался я, что рѣшился ѣхать моремъ, сколько разъ въ ожиданіи неминуемой, казалось, гибели, предавалъ духъ мой Богу, и не рѣдко, сознавая всю неотвратимость угрожавшей опасности, становился равнодушнымъ ко всѣмъ случайностямъ; въ эти тяжкія минуты смутно представлялся мнѣ образъ матери моей, и изъ глубины души вызывалъ сожалѣніе, но иногда озарялъ и проблескомъ надежды.

На пятый день намъ объявили, что колеса повреждены и мы не можемъ идти скоро; къ счастью бури не возобновлялись и мы кое-какъ доѣхали на восьмой день до Травемюнде, небольшаго селенія на берегу недалеко отъ Любека.

Деревушка эта показалась мнѣ издали чѣмъ-то особенно привлекательнымъ: изумрудная зелень ея пастбищъ ласкала взоръ, своеобразная архитектура домиковъ и сельской колокольни нравились новизной, материкъ, къ которому стремились мы съ такимъ нетерпѣніемъ, казался мнѣ обѣтованною землею.

Причалили; и на твердой почвѣ я почувствовалъ себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ: всѣ симптомы морской болѣзни исчезли, я поздоровѣлъ и какъ-бы обновился. Первымъ движеніемъ моего сердца было принести благодареніе Провидѣнію за счастливый исходъ путешествія.

Въ Любекѣ, куда мы отправились въ дилижансѣ черезъ часъ послѣ прибытія въ Травемюнде, я пробылъ три дня. Осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности города и отдохнувъ отъ непріятнаго переѣзда

моремъ, я направился въ Гамбургъ, куда и прибылъ въ первыхъ числахъ ноября, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ пожара, опустошившаго большую часть города.

Не смотря на бѣдствіе, постигшее Гамбургъ въ недавнее время, тамъ веселились, жизнь кипѣла, торговля шла своимъ чередомъ и кромѣ обгорѣвшихъ развалинъ да временныхъ деревянныхъ балагановъ, устроенныхъ на улицахъ и площадяхъ, ничто не напоминало о страшномъ пожарѣ 1842 года. Необыкновенная для русскаго путешественника дешевизна, доступность развлеченій и удовольствій, полная свобода дѣйствій произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе; я остался въ Гамбургѣ десять дней и провелъ ихъ очень весело.

Въ вечеру, наканунѣ отъѣзда въ Берлинъ, отправился я въ почтамтъ, чтобы взять билетъ на мѣсто въ почтовой каретѣ. Подходитъ ко мнѣ въ почтамтѣ какой-то господинъ, весьма пріятной наружности, прилично одѣтый, и спрашиваетъ: „вы ѣдете завтра утромъ въ Берлинъ?“ На утвердительный мой отвѣтъ, говоритъ: и я также. „Простите нескромный вопросъ: я иностранецъ, французъ, Алларъ, никого здѣсь не знаю, беру мѣсто до Берлина, но до отъѣзда, назначеннаго въ 9 часовъ,—въ 7 часовъ утра долженъ драться на дуэли съ однимъ англичаниномъ; ваша наружность внушаетъ мнѣ довѣріе и я покорнѣйше-бы васъ просилъ быть моимъ секундантомъ“.

Это предложеніе показалось мнѣ очень оригинальнымъ, симпатичная наружность незнакомца говорила въ его пользу. Не долго думая, я назвалъ себя, спросилъ о причинѣ дуэли, и узнавъ, что дѣло чести, изъ за женщины, согласился.

Взяли билеты и отправились въ гостинницу, гдѣ я квартировалъ; тамъ мы провели весь вечеръ и Алларъ разсказалъ мнѣ нѣкоторые эпизоды изъ своей жизни, а также подробности дѣла о дуэли.

Аллару, на видъ, можно было дать лѣтъ сорокъ; ему было не болѣе тридцати трехъ; ростъ средній, сложеніе крѣпкое, мускулистое, худощавъ, тонкія черты лица, особенно красиваго въ профиль, темно-русые волосы и такая-же борода, подстриженная и тщательно разчесанная, небольшіе каріе глаза, выразительные, живые,—вотъ наружность моего новаго знакомаго. Онъ былъ роднымъ племянникомъ извѣстнаго

Наполеоновскаго генерала Аллара, поселившагося въ 1815 году въ Лагорѣ и командовавшаго тамъ войсками. Генералъ умеръ бездѣтнымъ въ 1838 году, оставивъ значительное состояніе племяннику, воспитывавшемуся у него и отданному съ ранняго дѣтства родителями въ полное распоряженіе дяди. Племянникъ былъ очень образованъ, говорилъ превосходно, зналъ хорошо англійскій, нѣмецкій, итальянскій, испанскій и нѣкоторые восточные языки, много путешествовалъ въ южной Азіи, Африкѣ и Америкѣ и послѣ смерти дяди переѣхалъ въ Европу. Объѣздивъ всѣ страны Европы, онъ послѣднее время поселился въ Англіи, познакомился въ окрестностяхъ Лондона съ однимъ значительнымъ фабрикантомъ, увезъ его жену въ Гамбургъ, и здѣсь, настигнутый мужемъ, долженъ былъ драться съ нимъ въ день нашего отъѣзда.

Алларъ былъ очень симпатиченъ, краткую исторію свою и знакомства съ англичанкой онъ мнѣ разсказалъ просто, безъ прикрасъ и увлеченій, свойственныхъ французамъ, и я нисколько не раскаявался въ данномъ ему согласіи быть его секундантомъ.

Мы разстались довольно поздно, условившись на другой день въ шесть часовъ утра сойтись въ отелѣ, гдѣ квартировалъ Алларъ, и оттуда отправиться за городъ на мѣсто, назначенное для дуэли.

Въ шесть часовъ я былъ уже у Аллара. Вещи его были уложены, онъ передалъ мнѣ письмо къ одному изъ своихъ друзей во Франціи и просилъ переслать его въ случаѣ несчастнаго для него исхода дуэли. Я предложилъ ему мои услуги, если будетъ раненъ; онъ съ благодарностію принялъ мое предложеніе.

Отправились въ крытомъ экипажѣ, и Алларъ дорогой сказалъ, что, по требованію оскорбленнаго мужа, онъ будетъ съ нимъ драться на шпагахъ до первой серьезной раны, и что англичанинъ привезетъ съ собой доктора.

Мы пріѣхали первые, но минутъ чрезъ десять явился англичанинъ съ секундантомъ и докторомъ.

Наружность оскорбленнаго мужа была въ высшей степени некрасива: высокій, полный, краснолицый и рыжій; звали его мистеръ Нормемби. Послѣ обычнаго другъ другу представленія, секундантъ англи-

чанина, весьма порядочный человѣкъ, принесъ двѣ шпаги и предложилъ выборъ Аллару.

Бойцы, снявъ верхнее платье, стали въ позицію. Англичанинъ наступалъ съ большой энергіей; съ перваго пріема можно было видѣть, что онъ мастерски владѣетъ шпагой, но раздраженіе, свойственное оскорбленному супругу, лишало его должной сдержанности; Алларъ защищался недурно и парировалъ удачно; сохранивъ все свое хладнокровіе и утомивъ англичанина, онъ перешелъ въ наступленіе и вскорѣ вонзилъ свою шпагу въ грудь противника. Мы всѣ бросились къ несчастному мужу и докторъ, осмотрѣвъ рану, объявилъ, что хотя она и не смертельна, но очень опасна. Англичанинъ лишился чувствъ, его бережно положили въ карету и повезли въ нанятый имъ домъ, недалеко отъ Гамбурга.

Я отправился къ нему съ Аллaромъ. Тамъ мы нашли супругу мистера Нормемби. Она поразила меня своею красотою. Это былъ типъ блондинки чисто англійской крови. Узнавъ, что мужъ дерется съ Аллaромъ, мистрисъ издали слѣдила за ходомъ дуэли и увидавъ, что мужа увезли раненаго, поспѣшила къ нему. Объявила Аллару, что между ними все кончено, и она остается ухаживать за мужемъ и постарается заслужить его прощеніе.

Все это произошло такъ быстро, что мы успѣли прибыть въ почтамтъ во время, сдать багажъ и занять свои мѣста. На третій день мы были уже въ Берлинѣ.

Дорогой я больше познакомился съ Аллaромъ. Онъ мнѣ былъ очень благодаренъ за оказанную ему услугу; оба мы были нрава веселаго, скоро подружились и рѣшили поселиться въ Берлинѣ въ одной квартирѣ. Алларъ располагалъ пробыть тамъ зиму, а я до мая—университетскій семестръ. Онъ мнѣ говорилъ, что не очень сожалѣетъ о мистрисъ Нормемби, привязанность ея начинала его тяготить; что-же касается дуэли, то это была не первая и вѣроятно не послѣдняя въ его жизни; владѣлъ онъ шпагой хорошо и стрѣлялъ изъ пистолета еще лучше.

VII. Берлинъ.

Немедленно по пріѣздѣ пріискали очень удобную квартиру въ меблированныхъ комнатахъ госпожи Гриппентрокъ, на Фридрихштрассе, надалеко отъ Унтеръ-денъ-Линденъ. У насъ были во второмъ этажѣ общая гостинная, весьма прилично меблированная, и двѣ спальни. На другой день я записался слушателемъ въ университетѣ, взялъ на прокатъ рояль и условился съ извѣстнымъ Морксомъ на счетъ уроковъ гармоніи, а съ Таубертомъ переговорилъ объ урокахъ на фортепьяно.

Вскорѣ я убѣдился, что въ Берлинскомъ университетѣ по юридическому факультету я пріобрѣту немного новыхъ познаній. Знаменитыхъ профессоровъ Ганса и Савиньи не было въ университетѣ; первый скончался, а вторый съ назначеніемъ министромъ юстиціи не читалъ лекцій. Новые-же профессора, мало извѣстные, не могли по всей справедливости сравниться съ Неволинымъ и Богородскимъ. Но преслѣдуя предположенную цѣль, я постоянно посѣщалъ университетъ, бывалъ на лекціяхъ Неандера, знаменитаго теолога, Мишелэ, читавшаго исторію философіи, послѣдователя Гегеля и противника Шеллинга; изложеніе превосходное, но я не вполнѣ раздѣлялъ убѣжденія Мишелэ; несмотря на то, что лекціи Неволина и Богородскаго были также проникнуты гегелизмомъ, я склонялся скорѣе на сторону Шеллинга, примирителя философіи съ религіей; записался также на лекціи въ высшей степени занимательныя Риттера, извѣстнаго профессора географіи.

Морксъ тоже былъ мнѣ не по сердцу: его сухое изложеніе теоріи музыки, лишенное всякаго поэтическаго характера и артистическаго увлеченія, его холодная математичность цифръ и безпощадная послѣдовательность въ гармоніи часто выводила меня изъ терпѣнія. Еще студентомъ, и позже въ Одессѣ, я поверхностно занимался генералъ-басомъ, въ импровизаціяхъ модулировалъ довольно удачно, написалъ и напечаталъ нѣсколько піесъ для фортепьяно, что давало мнѣ право считать себя на столько свѣдущимъ, чтобы не начинать съ гармонической азбуки; не такъ смотрѣлъ Морксъ: началъ съ интерваллovъ, остановился на терціяхъ и квинтахъ и на пятой только урокъ перешелъ къ аккордамъ. На нихъ продержалъ меня два мѣсяца, и не позволилъ идти далѣе, пока я не постигъ всей премудрости квартъ-

сексты, уменьшенной септимы и увеличенной ноны, не изучилъ отчетливо аккордной цифровки и не сталъ читать по ней, какъ по нотамъ. Модуляція не заняла много времени: въ ней я былъ довольно опытенъ, но долженъ былъ подчиниться неуклонной систематичности Моркса, которая впрочемъ открыла мнѣ новый міръ сочетанія звуковъ и познакомила съ болѣе правильными способами перехода изъ тона въ тонъ.

Окончивъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ музыкальную грамматику (генералъ-басъ) и написавъ нѣсколько небольшихъ пьесъ для фортепьяно на бумагѣ, безъ помощи инструмента, я представилъ ихъ на судъ моего взыскательнаго профессора. Онъ остался доволенъ правильностью композиціи вообще, нашелъ двѣ ошибки въ нисходящихъ квинтахъ и замѣтилъ, что даю слишкомъ много значенія мелодіи и не разработываю ее, какъ слѣдуетъ.

Нужно было обратиться опять къ пособію науки и заняться контрапунктомъ.

Первые уроки доводили меня до отчаянія; мнѣ казалось, что никогда не преодолѣю трудностей контрапункта и не буду имѣть терпѣнія завершить мое музыкальное образованіе. И дѣйствительно съ Морксомъ далѣе фуги не пошелъ.

Таубертомъ я былъ очень доволенъ и подъ его руководствомъ значительно улучшилъ технику фортепьянной игры.

Обжившись нѣсколько въ Берлинѣ, я представился нашему посланнику Мейендорфу и вручилъ ему рекомендательное письмо князя Лобанова-Ростовскаго. Былъ принятъ очень любезно. Баронъ спросилъ меня о цѣли моего пребыванія въ Берлинѣ, и не желаю-ли я познакомиться съ тамошнимъ обществомъ. На отвѣтъ, что я пріѣхалъ слушать лекціи въ университетѣ и желалъ-бы познакомиться съ Берлинскимъ обществомъ, онъ сказалъ, что званіе студента не даетъ на это права, но что онъ готовъ представить меня въ нѣкоторые дома какъ русскаго путешественника. Вскорѣ я былъ представленъ супругѣ барона, урожденной О'геръ, приглашенъ на обѣдъ къ посланнику, на которомъ познакомился съ членами нашего посольства и нѣкоторыми особами высшаго круга въ Берлинѣ.

По случаю траура при прусскомъ дворѣ въ началѣ сезона не танцовали, давали рауты. Баронъ Мейендорфъ повезъ меня на раутъ къ министру иностранныхъ дѣлъ Бюлову и потомъ пригласилъ на раутъ же въ нашемъ посольствѣ 18-го декабря.

Разсчитанная сдержанность, отталкивающая холодность и натянутость Берлинскаго общества крайне мнѣ не понравились; я ограничилъ свои выѣзды одними необходимыми визитами вѣжливости, и очень радъ былъ, что избавилъ себя отъ невыносимой скуки, царствовавшей въ высшихъ сферахъ.

Мой новый другъ Алларъ посвящалъ большую часть своего времени ухаживанью за прекраснымъ поломъ въ скромной средѣ бюргеровъ, модистокъ и гувернантокъ разныхъ націй, посѣщенію театровъ, зимнихъ садовъ, публичныхъ баловъ, чтенію и взаимному обученію; онъ изучалъ со мною русскій языкъ, я занимался съ нимъ литературными упражненіями на французскомъ, которыя принесли мнѣ большую пользу, благодаря глубокимъ познаніямъ, необыкновенной правильности и легкости стиля Аллара.

Ловеласа, подобнаго Аллару, я не встрѣчалъ еще: въ короткое время онъ одержалъ нѣсколько блистательныхъ побѣдъ, и нисколько не дорожилъ ими, гоняясь безпрестанно за новизною, вслѣдствіе пресыщенія, не привязывался серьезно ни къ одной женщинѣ, бросалъ ихъ также скоро, какъ и привлекалъ.

По вечерамъ Алларъ никогда не сидѣлъ дома, я же по большей части занимался музыкой и добросовѣстно трудился надъ изученіемъ гармоніи, но это продолжалось недолго: мало по малу Алларъ вовлекалъ меня въ свои похожденія, сталъ приглашать къ намъ знакомыхъ ему женщинъ къ великому негодованію хозяйки г-жи Гриппентрокъ, и вскорѣ превратилъ нашу квартиру въ салонъ не слишкомъ разборчивыхъ дамъ. Неприхотливое угощеніе, моя музыка, болтовня Аллара, общая любезность и веселость привлекали многихъ посѣтительницъ.

Иногда Алларъ подъ конецъ вечера съ феской на головѣ танцовалъ съ одной изъ дамъ легонькій канканъ къ особенному удовольствію присутствовавшихъ. Къ намъ собирались раза два въ недѣлю, серіями

по національностямъ. Бывали нѣмки, которыя высоко цѣнили французскую любезность Аллара и мое русское гостепріимство, серія довольно скучная, хотя и очень красивая; потомъ слѣдовали швейцарки,—цѣлая плеяда гувернантокъ средней руки, довольно впрочемъ образованныхъ и недурныхъ собою; наконецъ француженки, по большей части изъ модныхъ магазиновъ, не очень красивыя, но въ высшей степени милыя и веселыя.

Изъ мужчинъ у насъ никто не бывалъ по вечерамъ, но я сошелся съ студентомъ юридическаго факультета Кранахомъ, который имѣлъ великолѣпный голосъ и пѣлъ теноромъ превосходно; въ свободное отъ занятій время, онъ часто приходилъ ко мнѣ передъ обѣдомъ. Другой пріятель мой изъ нѣмцевъ былъ Вальтеръ, недавно окончившій курсъ медицинскихъ наукъ и начинавшій заниматься практикой, которая впрочемъ не давалась ему въ Берлинѣ, и онъ вскорѣ переѣхалъ въ Дрезденъ.

Скромная жизнь моя въ Берлинѣ текла мирно и спокойно. Изъ полученныхъ денегъ на путешествіе въ теченіе перваго полугодія я много издержалъ въ Петербургѣ и на переѣзды, такъ что въ Берлинѣ у меня до марта оставалось немного средствъ; въ долги я не хотѣлъ входить, обѣщалъ не просить изъ дому болѣе положеннаго, и обходился ста талерами въ мѣсяцъ. Имѣя болѣе чѣмъ полный гардеробъ, большой запасъ гаванскихъ сигаръ, купленныхъ въ Гамбургѣ, и уплативъ за полугодіе впередъ за лекціи въ университетѣ, вотъ какъ я распорядился моими средствами: квартира 8 талеровъ, кофе 5 талеровъ, обѣдъ 5 талеровъ, прачка 4 талера, за чистку платья и уборку комнатъ штубемедхенъ 3 талера: итого 25 талеровъ въ мѣсяцъ необходимыхъ расходовъ. Сумма въ пять талеровъ на обѣдъ покажется очень малою, но въ Берлинѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ все было очень дешево, и существовали рестораны для студентовъ и офицеровъ, гдѣ, платя за тридцать обѣденныхъ карточекъ пять талеровъ, т. е. по пяти зильбергрошей за каждую, потребитель имѣлъ право спросить ва $6\frac{1}{2}$ грошей кушанья по картѣ; обыкновенно на эти деньги съѣдали три блюда, весьма недурно приготовленныхъ, хлѣба сколько угодно, выпивали кружку пива и оставалось еще кое что въ пользу кельнера.

Изъ остальныхъ 75 талеровъ я платилъ Морксу 15 за три урока въ недѣлю у него на квартирѣ, 10 Тауберту, а 50 оставалось на развлеченія и удовольствія; разъ въ недѣлю мы позволяли себѣ обѣдать или ужинать у Трюшо, французскаго ресторана подъ липками, ходить въ театръ и посѣщать публичныя собранія.

Алларъ также не тратилъ много: онъ сталъ довольно разсчетливъ; истративъ въ два—три года большую часть капитала, доставшагося отъ дяди, и предполагая ѣхать въ Россію, гдѣ, какъ я ему сказалъ, жизнь и путешествія обходятся дорого, собиралъ средства и экономничалъ.

Зиму 1842—43 года Мейербееръ проводилъ въ Берлинѣ; съ нимъ я познакомился и довольно часто бывалъ у него; онъ интересовался моими музыкальными занятіями и нерѣдко удостоивалъ просмотромъ мои композиціи. На счетъ мелодіи, онъ былъ мнѣнія совершенно противуположнаго Морксу; что-же касается обработки и развитія музыкальныхъ идей, то въ нихъ онъ находилъ недостатки, свойственные начинающему. Смѣлая и своеобразная модуляція Мейербеера, пѣвучесть и оригинальность его мелодій, высокій драматизмъ его музыки, сила и богатство инструментовки ставили его выше всѣхъ современныхъ композиторовъ. Я благоговѣлъ предъ его геніальностью и поклонялся ей. Достаточно развитый въ музыкальномъ дѣлѣ, чтобы умѣть цѣнить его, я съ увлеченіемъ фанатика говорилъ Мейербееру о его произведеніяхъ и пользовался большимъ расположеніемъ знаменитаго маестро. Два раза при мнѣ Мейербееръ дирижировалъ „Роберта“ въ Берлинѣ и опера эта, которую я такъ любилъ и часто слышалъ въ Петербургѣ, подъ волшебнымъ жезломъ композитора имѣла для меня особенную прелесть и поражала новыми достоинствами.

Я часто бывалъ на концертахъ, посѣщалъ квартетные вечера и не пропускалъ ни одного симфоническаго собранія. Въ декабрѣ, въ гарнизонкирхѣ давали ораторію Гайдена „Сотвореніе міра“. Это геніальное произведеніе было мнѣ знакомо по отрывкамъ и въ переложеніи на фортепіано; я хотѣлъ ближе съ нимъ познакомиться, болѣе въ него вслушаться, и досталъ билетъ на генеральную репетицію, запасшись заблаговременно мѣстомъ въ ложѣ на вечеръ исполненія ора-

торіи. Для репетиціи, церковь не была освѣщена, исключая мѣста занимаемаго хоромъ, пѣвцами и оркестромъ. Когда раздались величественные звуки ораторіи, я весь превратился въ слухъ и съ наслажденіемъ, котораго давно не испытывалъ, прослушалъ первый номеръ, безукоризненно исполненный. На второмъ хоры сбились и его нужно было повторить.

Въ то время, когда дирижеръ объяснялъ хористамъ, въ чемъ состояла ошибка, я услыхалъ говоръ въ ложѣ налѣво отъ моей. Въ полумракѣ я могъ различить двѣ женскія фигуры, и позади ихъ пожилаго господина. Дама, сидѣвшая съ правой стороны, взглянула на меня; взглядъ ея былъ блескомъ молніи. Вглядѣться въ черты ея лица я не могъ, она быстро повернулась къ своей собесѣдницѣ, мелькнулъ правильный овалъ брюнетки, не ясно обозначился стройный ея станъ, на темномъ фонѣ ложи обрисовался темный туалетъ. Загремѣлъ второй номеръ ораторіи и отвлекъ мое вниманіе отъ незнакомки.

Въ непродолжительныхъ антрактахъ я напрягалъ свое зрѣніе, чтобы разсмотрѣть сосѣдку, изощрялъ свой слухъ, чтобы услыхать ея голосъ и узнать, на какомъ языкѣ она объясняется. Тщетно. Почти ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Бываютъ мгновенія, когда вещь, самая обыкновенная въ существѣ и не представляющая ничего особеннаго, тревожитъ или ласкаетъ неопредѣленной надеждой, когда внутреннее чувство инстинктивно говоритъ въ васъ, возбуждаетъ любопытство и напрягаетъ вниманіе. Такъ было со мною: не одно простое любопытство руководило мною, необъяснимое влеченіе заставляло всматриваться и вслушиваться въ сосѣднюю ложу.

Смолкли звуки ораторіи; я поспѣшилъ къ выходу, но въ толпѣ, въ едва освѣщенномъ корридорѣ, потерялъ изъ виду моихъ незнакомокъ.

Цѣлую ночь, проведенную почти безъ сна, звучали въ музыкальной памяти моей величественные аккорды ораторіи, представлялась воображенію стройная черная дама, мелькалъ ея жгучій взглядъ.

На другой день я мечталъ цѣлое утро и разыгрывалъ на фортепьяно „Сотвореніе міра“. Вечера ждалъ я съ нетерпѣніемъ: не столько влекла меня въ гарнизонную церковь ораторія, какъ желаніе встрѣтить незнакомку.

По счастливой случайности или предопредѣленію, на исполненіе ораторіи мнѣ досталась та-же ложа, въ которой я помѣщался на репетиціи. Въ ней было четыре мѣста, изъ коихъ три были заняты мною, Аллaромъ и Кранахомъ, а четвертое неизвѣстнымъ господиномъ.

Когда мы вошли, ложа налѣво не была еще занята. Церковь была такъ наполнена, что не было ни одного пустаго мѣста и я былъ вполнѣ убѣжденъ, что и сосѣдняя ложа не останется безъ посѣтителей. И дѣйствительно незадолго до начала исполненія ораторіи, въ нее вошли три дамы и пожилой мужчина. Въ одной изъ дамъ, я тотчасъ узналъ мою вчерашнюю незнакомку, и долго не могъ отвести отъ нея глазъ моихъ.

Ростомъ она была выше средняго, стройна и граціозна; въ поступи и манерахъ проглядывала врожденная непринужденность, нелишенная достоинства; правильный овалъ ея лица, прямой носъ, маленькій ротъ съ коралловыми губками, большіе выразительные томные, бархатистые черные глаза въ формѣ миндалины, осѣненные длинными рѣсницами, и черные съ синимъ отблескомъ вороньего крыла роскошные волосы, матовая бѣлизна лица,—вотъ наружность незнакомки; на видъ ей было лѣтъ семнадцать.

Долго не могъ я отвести глазъ моихъ отъ чуднаго видѣнія. Непонятное чувство овладѣло мною, непреодолимая сила влекла меня, необузданное стремленіе воли сказалось во мнѣ твердою рѣшимостью во что бы ни стало сдѣлаться обладателемъ прелестной незнакомки, и какая то смутная надежда, какое-то убѣжденіе нашептывали мнѣ: она будетъ твоею.

Незнакомка замѣтила мой пристальный испытующій взглядъ и отвѣтила мимолетнымъ, какъ мнѣ показалось, сочувственнымъ взглядомъ.

Подлѣ нея помѣстилась молодая дама, очень похожая на интересовавшую меня незнакомку, но постарше; за ними красивая женщина лѣтъ сорока, и пожилой мужчина съ типической еврейской физіономіей.

Разсѣянно слушалъ я ораторію Гайдена, и часто, насколько позволяло приличіе, оборачивался къ сосѣдней ложѣ. При выходѣ я слѣдилъ за незнакомкой; она сѣла съ лицами, бывшими съ нею въ ложѣ, въ четырехмѣстную карету, дверцы затворилъ не ливрейный, но прилично

одѣтый лакей, и экипажъ быстро покатился. Нанять дрожки, обѣщать кучеру хорошее вознагражденіе, если не отстанетъ отъ кареты, было дѣломъ одной минуты. Ѣхали мы долго, наконецъ карета остановилась предъ небольшимъ, но очень красивымъ домомъ въ Моабитѣ, отдаленной части Берлина, которая тогда начинала отстроиваться. По звону лакея отворились ворота и экипажъ съ незнакомкой исчезъ во дворѣ, обнесенномъ высокимъ каменнымъ заборомъ, изъ за котораго выглядывали небольшія деревья обширнаго сада, покрытыя инеемъ.

Въ позднее время невозможно было узнать, кому принадлежитъ домъ и кто въ немъ живетъ; замѣтивъ хорошо мѣстность, я приказалъ кучеру ѣхать въ Вильгельмштрассе.

Аллара не было дома, я сѣлъ за фортепьяно и импровизировалъ часа два на темы изъ „Сотворенія міра“. Возбужденное чувство одушевило меня и вылилось во всей полнотѣ въ такія мелодичныя сочетанія звуковъ, въ такіе удачные аккорды, что я очень сожалѣлъ о невозможности воспроизвести ихъ на бумагѣ тогда-же.

Утро слѣдующаго дня я посвятилъ розыскамъ о моей незнакомкѣ и узналъ, что она дѣвица, дочь удалившагося отъ дѣлъ банкира еврея К.; похожая на нее дама—ея сестра, замужемъ за евреемъ негоціантомъ, живущимъ постоянно въ Малагѣ и пріѣхавшимъ погостить у тестя; четвертая особа сидѣвшая въ ложѣ—тетка этихъ дамъ, родная сестра покойной ихъ матери. Банкиръ К., былъ очень старъ, очень богатъ, почти никуда не выѣзжалъ и никого не принималъ; лѣтомъ проводилъ все время въ новомъ саду, устроенномъ при принадлежавшемъ ему домѣ, зимою въ огромной теплицѣ, въ которую былъ ходъ изъ его кабинета; имѣлъ страсть къ садоводству и очень любилъ музыку. Кромѣ двухъ дочерей у него былъ сынъ, занимавшійся торговыми дѣлами въ Алжирѣ. Дамы имѣли обыкновеніе ѣздить въ хорошую погоду въ Тиргартенъ, часто бывали въ оперѣ и посѣщали концерты; знакомыхъ у нихъ было очень мало.

Получивъ эти свѣдѣнія, я началъ каждый день ходить въ Тиргартенъ, и былъ такъ счастливъ, что вскорѣ встрѣтилъ тамъ дѣвицу К. съ сестрой. Мы обмѣнялись выразительными взглядами. Потомъ я видѣлъ ее въ оперѣ, и не сводилъ своего бинокля съ ея ложи. Меня замѣтили.

Изъ концертистовъ наиболѣе привлекалъ публику мало еще тогда извѣстный скрипачъ Базини. Трудности для него не существовали; но вмѣстѣ съ необыкновенною ловкостью, силою и звучнымъ тономъ, скрипка его пѣла превосходно. Эта пѣвучесть одной изъ лучшихъ Амати, въ сочиненіяхъ концертанта по большей части на темы изъ италіянскихъ оперъ, и составила славу Базини. Особенно полюбили берлинцы его Е. мольный концертъ, la ronde des lutins изъ бравурныхъ пьесъ, его фантазіи изъ Пуританъ, Сомнамбулы, Пирата и другихъ. Я познакомился съ Базини и вскорѣ мы подружились. Славная, артистическая его натура была мнѣ по сердцу и мы съ нимъ видѣлись каждый день.

На третьемъ концертѣ Базини, на мою долю выпалъ счастливый жребій сидѣть рядомъ съ дѣвицей К.; она вблизи еще болѣе поразила меня своей красотой; но природная застѣнчивость, увеличенная чувствомъ необъяснимой привязанности, восторженнаго поклоненія прелестной наружности незнакомой особы, долго не дозволяла мнѣ вступить съ нею въ разговоръ. Наконецъ я рѣшился и началъ похвалой игрѣ Базини. Мнѣ отвѣчали очень любезно, въ разговоръ вмѣшалась сестра К., я ободрился, говорилъ съ увлеченіемъ о музыкѣ и къ концу концерта вполнѣ познакомился съ моими милыми собесѣдницами. Ихъ вѣрный взглядъ на игру и сочиненія Базини, свѣдѣнія, высказанныя о музыкѣ вообще, показывали, что онѣ очень развиты въ этомъ отношеніи; меткія замѣчанія, находчивость въ отвѣтахъ, приличный тонъ, превосходный нѣмецкій языкъ, на которомъ онѣ говорили, правильное произношеніе техническихъ музыкальныхъ терминовъ по италіянски вскорѣ убѣдили меня, что имѣю дѣло съ женщинами вполнѣ образованными.

Съ ними не было кавалера; я предложилъ мои услуги, чтобы проводить до экипажа; предложеніе мое принято и, когда карета ихъ исчезла съ моихъ глазъ, долго стоялъ я въ раздумьи у подъѣзда.

— О чемъ задумался Signor Pietro? спросилъ меня подошедшій Базини. Я ему отвѣтилъ, что подъ впечатлѣніемъ его волшебнаго смычка и черныхъ глазъ сосѣдки я былъ на небесахъ.

— Спуститесь на землю, mio caro, и пойдемъ ужинать къ Трюшо. Отправились; къ намъ присоединилось нѣсколько артистовъ и мы провели время очень пріятно. Базини находился въ хорошемъ расположеніи,

пилъ много и подъ конецъ былъ навеселѣ. Я его просилъ написать мнѣ на память что нибудь въ мой музыкальный альбомъ, и онъ написалъ довольно нечетко первые такты его E мольнаго концерта, къ подписи прибавилъ besofen, voir le dictionnaire Allemand-francais. На другой день Базини уѣзжалъ въ Лейпцигъ, и мы съ нимъ простились. За ужиномъ я узналъ, что на дняхъ ждутъ въ Берлинъ Франца Листа.

Алларъ продолжалъ свои донжуановскія занятія и былъ въ то время въ связи съ одной нѣмкой изъ Вѣны, весьма видной и красивой женщиной, въ которую влюбился лордъ Вестморландъ, англійскій посланникъ при прусскомъ дворѣ. Алларъ порядочно его дурачилъ, писалъ отвѣты на адресованныя къ его любезной посланникомъ письма, назначалъ свиданія, и носылалъ на нихъ другихъ женщинъ, къ немалому удивленію Вестморланда; заставлялъ его присылать билеты на ложи въ театръ и садилъ въ нихъ безобразныхъ старухъ. Однимъ словомъ потѣшался надъ бѣднымъ англичаниномъ и выводилъ его изъ терпѣнія. Кончилось впрочемъ тѣмъ, что Аллару нѣмка надоѣла и перешла къ Вестморланду: охлажденіе Аллара и гинеи играли въ этомъ значительную роль.

Съ Вестморландомъ я познакомился у Мейербеера. Посланникъ очень любилъ музыку, сочинялъ кое-что, но остался навсегда плохимъ и бездарнымъ композиторомъ.

Я постепенно отставалъ отъ алларовскихъ похожденій и вскорѣ пересталъ принимать въ нихъ всякое участіе. Въ пріемные вечера Аллара я уходилъ изъ дому.

Серіозное чувство начинало овладѣвать мною: я любилъ, каждый день отправлялся въ Тиргартенъ, въ надеждѣ встрѣтить тамъ дѣвицу К., и на третій день послѣ прощальнаго концерта Базини надежда моя осуществилась.

Въ морозное январское утро знакомыя мнѣ сестры гуляли въ Тиргартенѣ, я подошелъ къ нимъ, и прогулка наша продолжалась часа полтора. Время прошло незамѣтно въ оживленныхъ разговорахъ; я просилъ позволенія пріѣхать къ нимъ, но замужняя сестра отвѣтила, что не смотря на все удовольствіе, которое доставилъ-бы имъ мой визитъ, онѣ не могутъ принять меня, потому что мужъ ея уѣхалъ въ Испанію, а

отецъ никого не принимаетъ и не любитъ, чтобы ѣздили къ нему въ домъ. Никого почти не видитъ изъ старыхъ знакомыхъ, а новыхъ знакомствъ по старости избѣгаетъ вовсе.

Мнѣ сочувственно пожали руку, выразительно на меня взглянули, какъ-бы извиняясь въ отказѣ, и уѣхали сказавъ ласково: au revoir.

Долго бродилъ я по широкимъ аллеямъ Тиргартена. Сначала уклончивый отвѣтъ безпокоилъ меня, тревожное сомнѣніе запало мнѣ въ душу, но ласковый тонъ при прощаніи, выразительный, симпатическій взглядъ, и любезное: au revoir вскорѣ изгладили непріятное впечатлѣніе; мысленно занялся я изысканіемъ возможности осуществить слова: „до свиданья“, которыя успокоительно звучали въ памяти моей.

Мокрый снѣгъ началъ падать большими хлопьями; я поспѣшилъ домой и засталъ тамъ Кранаха. Кранахъ сообщилъ мнѣ о пріѣздѣ Листа и просилъ меня представить его знаменитому виртуозу, когда познакомлюсь съ нимъ.

Сестры К. были очень дружны между собою, превосходно говорили по французски, по испански и по италіянски, держали себя безупречно, и въ нихъ рѣшительно не было ничего, что обличало-бы ихъ происхожденіе, къ которому привыкли болѣе или менѣе относиться, если не враждебно, то недовѣрчиво.

Совершенное презрѣніе къ евреямъ, вошедшее въ нравы большинства жителей южнаго края Россіи, предубѣжденія и предразсудки ставили это племя у насъ въ весьма невыгодное положеніе; къ нему никто, никогда не питалъ довѣрія и долго евреи считались народомъ отверженнымъ. Проживая иногда въ деревнѣ и сознавая пользу приносимую ими въ сбытѣ хозяйственныхъ произведеній и торговыхъ оборотахъ, я привыкъ смотрѣть на евреевъ довольно снисходительно. Въ Одессѣ, городѣ по преимуществу коммерческомъ, богатство играло значительную роль; большой капиталъ давалъ право на извѣстный почетъ и евреи въ массѣ другихъ разноплеменныхъ жителей занимали положеніе весьма сносное. На нихъ смотрѣли даже благосклонно, какъ на полезныхъ дѣятелей въ торговомъ мірѣ; нѣкоторые изъ почетнѣйшихъ евреевъ съ семействами были приняты и въ высшемъ обществѣ. Но замкнутость ихъ религіознаго, нравственнаго и политическаго быта, обособленность, въ которую

они поставлены нашимъ законодательствомъ и укоренившимися обычаями, сохраняли за ними исключительное положеніе общества въ обществѣ, государства въ государствѣ.

За границей, въ Германіи, евреи пользовались въ полномъ объемѣ всѣми гражданскими правами, особенность ихъ заключалась единственно въ религіи; въ общественномъ-же положеніи, равно какъ и во внѣшнемъ видѣ, между евреемъ и нѣмцемъ не было никакой разницы.

Пріятнѣе было-бы, быть можетъ, думалось мнѣ, если-бы особа, которою увлекся, принадлежала къ другой народности, легче можно-бы было избѣжать затрудненій и достигнуть своей цѣли, обыкновеннымъ путемъ; но еврейское происхожденіе дѣвицы К. нисколько впрочемъ меня не смущало. Напротивъ: таинственная обстановка, романтическое направленіе тогдашняго времени, непреодолимыя препятствія, предстоявшія въ дальнѣйшемъ знакомствѣ, необыкновенная красота первобытнаго еврейскаго типа, вѣрованіе въ предопредѣленіе, въ неизбѣжность судьбы, еще болѣе увлекали и возбуждали меня.

Дѣвица К. носила имя Ноэмини, Ноэми; сестру звали Ліей. Эти библейскія имена были замѣняемы болѣе употребительными въ разговорѣ Наимы и Леи.

Леи я сказалъ, что звучное ея имя нисколько къ ней не идетъ, представляя рѣзкую противоположность между нею и первою некрасивою женою Іакова, а Наимѣ, что симпатичная личность ея библейской соименницы, вдовы Евимелеха, отражается въ ея характерѣ, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что Наима не осталась-бы долго вдовою, поставленною въ необходимость посылать сноху, подобно Руѳи, подбирать колосья на чужихъ поляхъ, и, хотя по мѣсту жительства Ноэми и можетъ считать себя моавитянкой, врядъ-ли ей придется возвратиться въ Виѳлеемъ и называть себя Марою (горькою). Шутка моя была принята благосклонно съ замѣчаніемъ, что я изучилъ библію.

Лея была уже пять лѣтъ замужемъ, но не имѣла дѣтей; мужа она очень любила, проживала постоянно съ нимъ въ Малагѣ, пріѣзжала впрочемъ каждый годъ погостить у отца мѣсяца два—три, и когда дѣла мужа позволяли, путешествовала много.

Четырнадцати лѣтъ, Наима, по смерти матери, была взята сестрою изъ родительскаго дома, сопровождала ее въ ея путешествіяхъ; получила превосходное воспитаніе и въ зиму 1842 года возвратилась въ Берлинъ.

Обѣ сестры были большими любительницами музыки: Лея играла на фортепьяно и на арфѣ, Наима на фортепьяно и на цитрѣ. Пѣли также обѣ: у Леи былъ контръ-альтъ, у Наимы mezzo soprano.

Хотя разговоры наши по большей части были кратковременны и ограничивались областью музыки, тѣмъ не менѣе свѣдѣнія эти успѣла мнѣ сообщить Лея. Она была очень разговорчива и любезна, Наима говорила меньше, конфузилась, краснѣла, потупляла взоры, замѣтно было что она застѣнчива, но когда удавалось уловить ея робкій взглядъ, онъ приводилъ меня въ восхищеніе; такого задушевнаго, сочувственнаго взгляда, такого магнетическаго притяженія въ глазахъ я не встрѣчалъ никогда.

Я имъ мало говорилъ о себѣ, но скоро мы познакомились на столько, что знали главныя условія нашего общественнаго положенія, занятія, вкусы и привычки. Каждый почти день встрѣчались въ Тиргартенѣ, сговаривались, когда быть въ концертѣ или театрѣ, освоились. Нельзя было не замѣтить моей привязанности къ Наимѣ; я былъ почти увѣренъ, что и она раздѣляетъ мои чувства.

Но какъ проникнуть въ заколдованный домъ? Склонить старика на знакомство со мною не представлялось возможности; посѣщать домъ, не будучи знакомымъ съ отцемъ, было неприлично, да вѣроятно, послѣ перваго визита, дошедшаго до свѣдѣнія старика, двери его дома навсегда-бы затворились для меня. Положеніе было затруднительное. Чувство начинало говорить во мнѣ смѣлѣе и сильнѣе; я не могъ ограничиваться свиданіями въ Тиргартенѣ, въ концертахъ и театрахъ.

Судьба свела меня съ Листомъ и, по странному стеченію обстоятельствъ, онъ имѣлъ роковое вліяніе на два главныхъ момента моей жизни.

Узнавъ отъ Кранаха о пріѣздѣ знаменитаго пьяниста, я вскорѣ отправился къ нему, засталъ дома въ гостинницѣ Мейнгардта и былъ принятъ. Листъ всегда обходился очень любезно съ молодыми людьми,

занимающимися музыкой. Когда я объяснилъ ему, что я дилетантъ и прошу позволенія приходить иногда къ нему, чтобы пользоваться его совѣтами, онъ отвѣтилъ, что уроковъ никому не даетъ, но очень радъ со мною познакомиться и, когда время позволитъ, быть мнѣ полезнымъ.

Чрезъ день назначенъ былъ его первый концертъ. Я, конечно, запасся заблаговременно мѣстомъ и былъ пораженъ необыкновеннымъ механизмомъ игры Листа. Сила, звучность, отчетливость, бѣглость дѣлали фортепьяно подъ его руками совершенно другимъ инструментомъ. Пѣвучесть и рельефность мелодіи, выдѣлявшіяся постоянно въ его сочиненіяхъ изъ самыхъ затѣйливыхъ и ученыхъ комбинацій гармоніи, испещренной необыкновенными техническими трудностями, привели меня въ совершенный восторгъ. Восторгъ публики превзошелъ всякое ожиданіе; вызовамъ и овацiямъ не было конца.

Ноэми и Лея не были въ первомъ концертѣ; я имъ досталъ билетъ на второй, и онѣ не знали, какъ благодарить меня за наслажденіе, доставленное имъ игрою Листа.

Первые дни пребыванія Листа въ Берлинѣ я мало съ нимъ видѣлся, но послѣ втораго концерта онъ пригласилъ меня обѣдать. Мы сошлись, и я каждый день бывалъ у него по утрамъ. Вечера Листа были всѣ разобраны; его безпрестанно приглашали, и энтузіазмъ, который онъ производилъ въ Берлинѣ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Первому пріѣзду его въ Берлинъ въ 1841 году предшествовала громкая извѣстность виртуоза и фантастическая, легендарная молва о его личности, похожденіяхъ и успѣхахъ.

Достаточно сказать, что Листъ въ одинъ сезонъ (1841 года) далъ въ Берлинѣ двадцать два концерта, на которыхъ никогда не было ни одного незанятаго мѣста, не смотря на высокую ихъ цѣну, что берлинскія дамы, обыкновенно сдержанныя и холодныя до нельзя, приходили въ такой восторгъ, что послѣ концерта цѣлой толпой осаждали Листа, стараясь одна передъ другой обратить на себя его вниманіе, разрывали на клочки его платки и перчатки и уносили обрывки, какъ святыню. Серенады и факель-цуги повторялись безпрестанно. Подобнаго увлеченія не бывало еще въ Берлинѣ.

Листъ родился 22 октября 1811 года и былъ венгерецъ, изъ

Рединга близь Эденбурга, но всю свою молодость провелъ въ Парижѣ, гдѣ занимался музыкой и науками. Въ Парижѣ поселилась и мать Листа и вела его денежныя дѣла.

Независимо отъ геніальнаго таланта, Листъ былъ человѣкомъ въ высшей степени замѣчательнымъ и въ другихъ отношеніяхъ. Прекрасная наружность его обращала на себя вниманіе: лѣтъ тридцати съ небольшимъ, высокій, худой, мускулистый; живые каріе глаза, свѣтящіеся умомъ и священнымъ пламенемъ искусства, длинный носъ, небольшой ротъ съ тонкими губами и саркастической улыбкой, высокій лобъ, густые каштановые волосы, зачесанные вверхъ и ниспадавшіе почти до плечъ, безукоризненный туалетъ, множество маленькихъ орденовъ на цѣпочкѣ въ петлицѣ чернаго фрака—вотъ наружность моего новаго пріятеля. Обширный умъ, стоящій выше обыкновеннаго уровня, отличное образованіе, ученость, начитанность, легкость краснорѣчиво объясняться и писать на всѣхъ европейскихъ языкахъ, сила характера, твердость убѣжденій, послѣдовательная логичность въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ—вотъ интеллектуальныя качества Листа. При этомъ богатый, щедрый до расточительности, откровенный и прямодушный, но разборчивый въ выборѣ своихъ друзей, онъ съ прошлаго года сдѣлался идоломъ берлинцевъ. Да и не могло быть иначе. Все существо Листа было проникнуто какимъ-то невыразимымъ очарованіемъ. Геній его таланта воплощался, олицетворялся во всей его особѣ. Игра его служила откровеніемъ какого-то невѣдомаго, непередаваемаго словами міра и мистическая прелесть этого откровенія дѣйствовала съ неотразимымъ обаяніемъ на душу человѣка, доступнаго возвышеннымъ впечатлѣніямъ. Изъ множества молодыхъ людей, окружавшихъ въ то время Листа, онъ особенно благоволилъ ко мнѣ. И говорить нечего, что я привязался къ нему искренно и полюбилъ всей душой. Началось съ откровеннаго объясненія на счетъ моей игры на фортепьяно. Листъ заставилъ меня сыграть нѣкоторыя изъ моихъ сочиненій, потомъ патетическую сонату Бетховена, и въ заключеніе его фантазію изъ „Гугенотовъ“.

Техника у васъ не дурна, сказалъ онъ, игра довольно чиста, и въ особенности пріятна, но по складу вашихъ маленькихъ и слишкомъ бѣлыхъ рукъ, по недостатку силы мускуловъ и бѣглости въ пальцахъ

вы никогда не сдѣлаетесь пьянистомъ виртуозомъ; въ вашей игрѣ слишкомъ много женственности и сентиментальности; если хотите, она не лишена поэзіи и пріятно ласкаетъ слухъ; но въ ней нѣтъ увлеченія, энергіи, драматизма. Ваши сочиненія весьма не дурны, довольно оригинальны и правильно написаны, но извините, если я вамъ откровенно скажу, что музыка ваша походитъ на нѣжное воркованіе голубковъ, производитъ на слушателя дѣйствіе успокоительное въ родѣ лавровишневыхъ капель, и лишена способности возбуждать, волновать, потрясать и вызывать страстные порывы, сильныя ощущенія.

— Не будьте въ претензіи, если отъ музыки перейду къ вашему характеру, продолжалъ Листъ. Быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что въ музыкѣ всегда проглядываютъ нѣкоторыя черты характера. Я полагаю, что вы спокойны, сдержанны, хладнокровны, что у васъ темпераментъ скорѣе меланхолическій, чѣмъ холерическій. Впрочемъ вы такъ еще молоды, что вашъ характеръ не вполнѣ сформировался; вы вѣроятно такъ мало еще жили и чувствовали, что душевныя ваши силы не имѣли времени и случая окрѣпнуть. Не такъ-ли?

— Не совсѣмъ такъ; я началъ жить и чувствовать довольно рано, испыталъ разныя невзгоды и огорченія, не всегда былъ счастливъ.

— Но все это скользнуло и не оставило глубокихъ слѣдовъ. Я вѣрю въ возможность увлеченій въ ранніе годы, въ нѣкотораго рода разочарованье, которое въ большомъ ходу въ настоящее время у молодыхъ людей, въ маленькія неудачи и противудѣйствія. Имъ вы обязаны оттѣнкомъ грусти, который слышится въ вашихъ мелодіяхъ. Я впрочемъ твердо убѣжденъ, что судьба вамъ улыбалась и вы были ея баловнемъ, судя по вашему положенію, цвѣтущему здоровью и въ особенности по жизненной силѣ, которая едва сдерживается мягкостью характера. Разскажите мнѣ главныя черты вашей жизни и тогда мы убѣдимся, кто правъ.

Я не заставилъ долго ждать; бѣгло очертилъ мое прошедшее и долженъ былъ сознаться, что замѣчаніе Листа въ концѣ концовъ было совершенно вѣрно.

Поживете, сказалъ онъ, познакомитесь ближе съ треволненіями, окрѣпнетъ вашъ характеръ, и въ музыкѣ вашей вмѣстѣ съ розовой водой появится бурный потокъ страсти; драмматизмъ необходимъ какъ въ

жизни человѣка, такъ и въ его литературныхъ и музыкальныхъ произведеніяхъ.

За мою откровенность Листъ заплатилъ мнѣ тѣмъ-же и посвятилъ въ тайны многочисленныхъ своихъ интригъ въ Берлинѣ.

Очень скоро мы подружились; когда Листъ не имѣлъ приглашеній на обѣды, почти всегда обѣдали вмѣстѣ и сдѣлались неразлучны; не сопровождалъ я только Листа въ скучное Берлинское общество.

О привязанности моей къ Наимѣ я сообщилъ Листу, и онъ просилъ меня при случаѣ представить его сестрамъ К.

Листъ велъ жизнь невоздержную: его связи съ берлинскими дамами были безчисленны; любилъ хорошій столъ и въ особенности много пилъ. Зачастую даже въ дни своихъ концертовъ онъ бывалъ подъ хмѣлькомъ, но по утрамъ, часа три, четыре всегда серьозно занимался дѣломъ. Пьянистъ, какихъ не бывало, Листъ получилъ вдругъ убѣжденіе, что онъ призванъ быть знаменитымъ композиторомъ и началъ писать; испишетъ бывало нѣсколько большихъ листовъ нотной бумаги, попробуетъ на фортепьяно свое произведеніе, поморщится, изорветъ въ клочки и броситъ въ каминъ. Его транскрипціи и фантазіи на извѣстные мотивы были превосходны, хотя и мало доступны большинству пьянистовъ по чрезмѣрной ихъ трудности; но оригинальнаго Листъ не могъ написать ничего; сколько ни бился, не могъ сочинить ни одной сносной мелодіи. Въ этомъ отношеніи онъ отличался совершенною бездарностью въ то время, сознавалъ это, сердился и говорилъ, что терпѣніемъ и трудомъ достигнетъ своей цѣли.

Въ исполненіи Листъ былъ неподражаемъ; всѣ восхищались его концертами, но по моему убѣжденію, онъ въ публикѣ никогда не игрывалъ такъ хорошо, какъ дома, въ особенности когда былъ расположенъ. Въ концертахъ онъ игралъ для эффекта, для публики; дома — для себя и очень немногочисленныхъ слушателей, удостоенныхъ его дружбы. Особенно хорошо было исполненіе имъ музыки Бетховена; Бетховеновскія увертюры, сонаты и симфоніи игралъ Листъ въ совершенствѣ. Онъ читалъ оркестровыя партитуры, какъ книгу, и à prima vista передавалъ на фортепьяно самыя многосложныя сочиненія для оркестра.

Однажды въ вечеру сидѣли мы вдвоемъ въ нумерѣ Листа; Листъ былъ въ ударѣ, игралъ много, игралъ превосходно, между прочимъ исполнилъ В-дурную сонату Бетховена ор. 106; уставъ отъ продолжительной игры, закурилъ сигару и съ стаканомъ абсента съ водою покойно расположился въ креслахъ у камина. Завязался оживленный разговоръ, который былъ прерванъ внезапнымъ появленіемъ камердинера Листа, принесшаго ему письмо. Листъ, пробѣжавъ письмо, передалъ мнѣ, прибавивъ съ неудовольствіемъ: опять приглашеніе, и приглашеніе играть, отъ совершенно незнакомаго мнѣ человѣка, еще съ вознагражденіемъ по моему усмотрѣнію; какъ это вамъ нравится? Скажите посланному, обратился Листъ къ камердинеру, что я ни у кого не играю, если угодно меня слышать, пусть ѣдутъ въ концертъ.

Погодите, погодите любезный другъ, возразилъ я, прикажите посланному подождать, я тотчасъ вамъ объясню почему и для чего.

Листъ отдалъ соотвѣтствующее приказаніе и когда камердинеръ вышелъ, я ему объяснилъ, что письмо было отъ старика К., отца Наимы, и что если Листъ питаетъ ко мнѣ хоть нѣсколько дружбы, то не откажетъ принять на завтра приглашеніе бывшаго банкира, возьметъ меня съ собою и дастъ возможность познакомиться въ домѣ Наимы.

Охотно для васъ сдѣлаю это, мой другъ, отвѣтилъ Листъ, располагайте мною; вы знаете, я всегда къ вашимъ услугамъ, а въ настоящемъ случаѣ мой долгъ повиноваться вамъ. Сію минуту напишу отвѣтъ.

Хотя и не имѣю чести быть знакомымъ съ г. К., написалъ Листъ, но услыхавъ, что онъ по нездоровью никуда не выѣзжаетъ, я съ благодарностью принимаю любезное приглашеніе на завтрашній вечеръ въ 8 часовъ, съ условіемъ, что возьму смѣлость привезти съ собою неразлучнаго моего друга С., молодаго русскаго путешественника, отличнаго музыканта. Что касается вознагражденія, то нахожу болѣе чѣмъ достаточнымъ — удовольствіе провести вечеръ въ кругу милыхъ и любезныхъ дамъ семейства К.

Благодарю, отъ всей души благодарю за чисто дружеское одолженіе, сказалъ я Листу, принимая отъ него письмо, которое поспѣшилъ передать посланному Б.

Едва успѣлъ я передать Листу подробности моего знакомства съ Наимой и переговорить о моей привязанности къ ней, о счастливой случайности, представлявшей возможность проложить путь въ неприступный домъ К., какъ явился вновь камердинеръ Листа, и съ таинственнымъ видомъ началъ ему говорить что-то шопотомъ.

Скажите, отвѣтилъ ему громко Листъ, что я не могу принять.

Не стѣсняю-ли васъ? сказалъ я Листу. Сдѣлайте одолженіе, будьто откровенны, я тотчасъ уйду.

— Не уходите. Какая-то незнакомая женщина желаетъ меня видѣть, но я не расположенъ принять ее; вѣроятно какая нибудь попрошайка или авантюристка.

Камердинеръ возвратился и доложилъ, что женщина не хочетъ уходить и желаетъ непремѣнно видѣть Листа.

Молода-ли она и хороша-ли собою, по крайней мѣрѣ? спросилъ Листъ.

Не могу сказать, отвѣтилъ камердинеръ, дама подъ вуалемъ.

— Рѣшительно не принимаю.

Камердинеръ появляется вновь и говоритъ, что дама подъ вуалемъ объявила, что не уйдетъ, не увидѣвшись наединѣ съ Листомъ. Скажи твоему господину, добавила она, что когда Листъ меня увидитъ, не будетъ раскаеваться въ снисхожденіи меня принять.

— Право скучно, не хотятъ меня оставить въ покоѣ; какъ вы думаете?

— Я думаю, что вамъ слѣдуетъ принять назойливую незнакомку, а мнѣ пора домой; до завтра, въ половинѣ осьмого я зайду къ вамъ.

— Дѣлать нечего; если вы меня оставляете, долженъ подчиниться капризу этой дамы.

Я взялъ шляпу, пожалъ Листу руку, пожелалъ ему успѣха и вышелъ.

Проходя черезъ переднюю, увидѣлъ даму средняго роста, закутанную въ большую мантилью съ густымъ вуалемъ на головѣ.

Остальную часть вечера я провелъ дома, въ раздумьи о предстоявшемъ наслажденіи увидѣть Наиму въ домѣ ея отца. Мнѣ что-то нашептывало, что наступаетъ въ жизни моей важная, рѣшительная ми-

нута, и сколько разсудокъ ни представлялъ препятствій, затрудненій и сомнѣній, вѣрованье въ счастливую будущность ласкало меня; непреодолимая, безсознательная сила воли влекла меня къ Наимѣ. Наима не произнесла ни одного слова, которое могло-бы поощрить, обнадежить меня; привѣтливая вѣжливость,—вотъ все, что замѣчалось въ ея обращеніи со мною. Но краснорѣчивѣе, убѣдительнѣе всякихъ словъ былъ ея взглядъ; и внутреннее чувство неясной, смутной, но тѣмъ не менѣе твердой надежды такъ сильно заговорило во мнѣ, что я былъ почти убѣжденъ въ успѣхѣ.

Я заснулъ подъ впечатленіемъ грезъ, навѣянныхъ Наимой. И снится мнѣ храмъ старинной архитектуры, освѣщенный множествомъ свѣчей желтаго воска въ золоченныхъ люстрахъ; раздается въ храмѣ громкое, величественное пѣніе, сопровождаемое звуками органа, духовыхъ и металлическихъ струнныхъ инструментовъ; посреди храма у большаго стола, покрытаго бѣлою атласною скатертью съ золотою бахрамою, стоялъ я, а направо подлѣ меня женщина въ бѣлой шерстяной одеждѣ съ густымъ покрываломъ на головѣ, ниспадавшимъ до колѣнъ; предъ нами жрецъ весь въ бѣломъ, въ плоской, съ двухъ сторонъ оканчивавшейся остроконечными закругленіями внутрь митрѣ; за поясомъ, на которомъ вышиты клиньями золотыя буквы, небольшой серпообразный ножъ; жрецъ, не смотря на длинные совершенно бѣлые волосы и такую-же окладистую бороду, былъ необыкновенно похожъ лицемъ на Листа. Смолкло пѣніе; жрецъ соединилъ мою руку съ рукой стоявшей около меня женщины и началъ что-то говорить на непонятномъ мнѣ языкѣ. Рѣчь его продолжалась недолго, въ храмѣ появились другіе жрецы безъ митръ съ длинными покрывалами, точь въ точь друиды въ „Нормѣ“ и начали трубить въ длинныя рогообразныя трубы. Трубный звукъ составлялъ такіе негармоническіе аккорды, отзывался такими сильными диссонансами, что я невольно вздрогнулъ. Изъ подъ земли выросъ предо мною уродливый старикъ въ одеждѣ, употребляемой евреями при совершеніи молитвъ, съ длиннымъ ножемъ въ рукѣ, которымъ онъ замахнулся на меня. Грянулъ нестройный хоръ съ аккомпаниментомъ бряцавшихъ треугольниковъ и кимваловъ; дикая музыка эта оглушила меня. Мгновенно исчезли жрецы, исчезла женщина,

по храму вихремъ пронесся холодный, леденившій вѣтеръ, погасли свѣчи, въ глазахъ потемнѣло, безъ чувствъ упалъ я на мраморный полъ. Очнувшись, я чувствовалъ, какъ могильный холодъ проникалъ въ члены мои; оглядѣвшись, я увидѣлъ, что нахожусь на кладбищѣ, и колѣнопреклоненный на мраморной плитѣ у могилы усѣянной цвѣтами и молюсь, вознося взоры на чудное изваяніе Мадонны, поставленное въ нишѣ и освѣщенное тускло горѣвшей лампадой. Ликъ Мадонны напоминалъ черты моей матери. Послышалось тихое, гармоническое, стройное пѣніе и съ послѣдними звуками, возносившимися къ небесамъ, я проснулся.

Бываютъ сны болѣе страшные, болѣе знаменательные, но не остаются долго въ памяти; сна же, видѣннаго мною наканунѣ вступленія въ домъ Наимы, я не могъ забыть: онъ такъ врѣзался въ мою память, что я помнилъ малѣйшія подробности; хоральное пѣніе и трубные звуки такъ часто повторялись въ моихъ ушахъ, что я безъ труда передалъ бумагѣ величественные аккорды хора, слышаннаго въ началѣ сна, но никакъ не могъ воспроизвесть ни на бумагѣ, ни на фортепьяно звуковъ трубъ и послѣдовавшаго за ними дикаго, потрясавшаго хора. Сколько ни трудился, какъ ни призывалъ на помощь самые крайніе диссонансы нонъ и ундецимъ, ничто не помогало. Мелодію же тихаго и нѣжнаго пѣнія у могилы я безъ всякаго усилія сыгралъ на фортепьяно и написалъ.

Все утро провелъ я въ музыкальныхъ занятіяхъ и мечтахъ.

Предъ обѣдомъ влетѣлъ въ комнату Алларъ, блѣдный, разстроенный.

Что съ вами? спросилъ я.

— Что? несчастье, и одно изъ самыхъ большихъ. Вообразите, я встрѣтилъ подъ Липами мистрисъ Нормемби, англичанку, изъ-за которой имѣлъ дуэль въ Гамбургѣ. Ея мужъ выздоровѣлъ, она его опять бросила и пріѣхала въ Берлинъ, чтобы розыскать меня. Двѣ недѣли прошли въ тщетныхъ поискахъ, и къ величайшей досадѣ, мы столкнулись сегодня. Слезамъ и упрекамъ, что не писалъ ей, не было конца; все еще любитъ меня, а я сталъ къ ней совершенно равнодушенъ. Прійдется слометью бѣжать изъ Берлина.

— Успокойтесь, несчастіе еще не такъ велико, какъ думаете; притомъ англичанка право очень хороша и гораздо лучше всѣхъ вашихъ Берлинскихъ пріятельницъ.

— Правда, правда, да вѣдь надоѣла и такая страстная, что возобновивъ мои къ ней отношенія, невозможно будетъ отъ нея отдѣлаться.

— Признаюсь, я не мало удивляюсь, какъ вы не умѣете цѣнить искреннюю ея привязанность. Вторично оставить мужа, отказаться отъ извѣстнаго, недурнаго положенія для того, чтобы быть съ вами, это ножертвованія, которыя должны-бы возбудить въ васъ, если не прежнее увлеченіе, то глубокое сочувствіе и благодарность.

— Давно не слыхалъ я такой морали, впрочемъ вы правы; неприлично оставить ее на произволъ судьбы.

— Не только неприлично, но было-бы жестоко, скажу больше, не совсѣмъ благородно.

— Позвольте обнять васъ за откровенность; вы затронули слабую струну, и то, чего я не сдѣлалъ-бы изъ сентиментальнаго сожалѣнія, я сдѣлаю по долгу чести.

Мы отправились къ мистрисъ Нормемби, которая была въ восторгѣ отъ любезности Аллара; въ этотъ день втроемъ обѣдали у Трюшо.

Въ половинѣ восьмаго я былъ у Листа и засталъ его въ отличномъ расположеніи. Разговоръ начался объясненіемъ вчерашняго таинственнаго визита.

Когда вы ушли, говорилъ Листъ, я попросилъ незнакомку войти ко мнѣ и тутъ произошла сцена, которую трудно было предвидѣть; много приключеній бывало со мною въ разныхъ странахъ Европы, но подобнаго еще не случалось. Вообразите мое изумленіе, когда незнакомка, не подымая вуали, сказала мнѣ: ваша музыка произвела на меня такое глубокое впечатлѣніе, ваша наружность такъ мнѣ понравилась, что я пріѣхала просить васъ провести ночь со мною. Полагаю, не откажете. Приподняла вуаль, и я былъ пораженъ, я остолбенѣлъ отъ удовольствія: предо мною стояла красавица въ полномъ смыслѣ этого слова.

Я Лола Монтесъ, танцовщица изъ Испаніи, надѣюсь, вы согласны, добавила она.

Безъ всякаго сомнѣнія, я согласился. Прелестная женщина, еще очень молодая, весьма не глупая, но кажется своенравная. Одно мнѣ въ ней не нравится: это чрезмѣрная увѣренность въ себѣ, или скорѣе въ могущество своей красоты, оттуда излишняя развязность, даже наглость. Я что-то слышалъ о ней въ Парижѣ, но не помню хорошо, кажется она тамъ дебютировала въ балетѣ и не совсѣмъ удачно. Во всякомъ случаѣ это пріятное знакомство и я намѣренъ его поддержать.

Мы отправились въ Моабитъ. Дорогой я много говорилъ Листу о Наимѣ, и онъ къ удовольствію своему замѣтилъ, что я выходилъ изъ свойственной мнѣ сдержанности и сосредоточенности.

Домъ К. довольно помѣстительный, былъ содержанъ превосходно и отдѣланъ не роскошно, но съ большимъ вкусомъ. Насъ ожидали съ нетерпѣніемъ, дамы встрѣтили въ залѣ, я представилъ Листа, Листъ отрекомендовалъ меня хозяину, сидѣвшему въ гостинной съ теткой Наимы. Вглядѣвшись въ лице К., я былъ непріятно пораженъ необыкновеннымъ сходствомъ съ снившимся старикомъ, который замахнулся на меня ножемъ. К. былъ очень старъ, едва двигался, страдая ревматизмомъ въ ногахъ, его типическое чисто еврейское некрасиваго склада лице, покрытое морщинами, было очень непривлекательно; бѣлые волосы съ желтоватымъ отливомъ, красноватые потухшіе глаза, изъ подъ черныхъ, нависшихъ бровей тупо глядѣвшіе во всѣ стороны, огромный носъ—вотъ особенности его наружности, имѣвшей въ себѣ что-то отталкивающее. Гнусливый голосъ, непривѣтливыя манеры, сухость и какая-то разсчетливость въ обращеніи произвели на меня еще болѣе непріятное впечатлѣніе.

Тетка Наимы была пожилая, красивая, милая, разговорчивая женщина и съ перваго раза обворожила меня своею любезностью. Какъ она, такъ и сестра ея, мать Наимы, были уроженками Кадикса, гдѣ отецъ ихъ имѣлъ банкирскую контору и нажилъ большое состояніе, доставшееся по его смерти двумъ дочерямъ. Сыновей онъ не имѣлъ. Старшая вышла за мужъ за К., младшая осталась дѣвицей.

Съ трудомъ передвигая ноги, старикъ повелъ насъ въ свой ка-

бинетъ, не представлявшій ничего особеннаго, а оттуда въ оранжерею. Это былъ большой зимній садъ, наполненный самыми роскошными экзотическими растеніями, сгрупированными и разставленными со вкусомъ.— Я не былъ тогда любителемъ и знатокомъ въ этомъ дѣлѣ, но долженъ былъ отдать полную справедливость искусству, съ какимъ былъ устроенъ зимній садъ К.

Поговоривъ, мы занялись музыкой.

Листъ пригласилъ меня сыграть что нибудь для начала, чтобы испробовать фортепьяно. Инструментъ оказался превосходнымъ брудвудомъ изъ Лондона; я исполнилъ на немъ одну изъ небольшихъ пьесъ, сочиненную мною подъ вдохновеніемъ мечтаній о Наимѣ. Пьеса эта, носившая названіе: rêverie, просмотрѣнная и исправленная Листомъ, очень понравилась. Дамы наговорили мнѣ много любезностей, К. также сочувственно отнесся къ моему таланту. Потомъ игралъ Листъ; онъ игралъ много и игралъ превосходно. Слушатели были въ восхищеніи; старикъ такъ оживился и съ такимъ увлеченіемъ сталъ говорить объ игрѣ Листа и о музыкѣ вообще, что даже непріятное выраженіе его физіономіи исчезло совершенно, и онъ казался симпатичнымъ. Листъ обратился къ Наимѣ съ просьбой спѣть и она звучнымъ, чистымъ, необыкновенно пріятнымъ голосомъ исполнила „Путешественника“ Шуберта. Ей аккомпанировала Лея. Лея въ свою очередь съ аккомпаниментомъ Наимы пропѣла арію изъ Донъ-Жуана. Въ заключеніе онѣ исполнили извѣстный дуэтъ изъ Нормы, и исполнили его такъ хорошо, что привели насъ въ восторгъ; имъ аккомпанировала ихъ тетка.

Музыкальный вечеръ у К. кончился ужиномъ, сервированнымъ въ зимнемъ саду. Старикъ предложилъ тостъ за здоровье Листа, и обратился къ нему съ просьбой дать нѣсколько уроковъ Наимѣ. Листъ очень вѣжливо отклонилъ это предложеніе и сказалъ, что не можетъ рекомендовать лучшаго учителя музыки для его дочери, какъ я,—что онъ очень уважаетъ мои познанія, даетъ часто совѣты и вполнѣ ручается за успѣхъ, но предоставитъ себѣ удовольствіе заѣхать когда нибудь, чтобы провѣрить успѣхи моей ученицы. Все это было сказано такъ любезно и убѣдительно, что предложеніе Листа не могло не быть принято, и я

получилъ приглашеніе пожаловать завтра, чтобы условиться объ урокахъ. Наима не сказала ни слова, но взглядъ полный благодарности служилъ отвѣтомъ геніальной находчивости Листа.

Надѣюсь вы мною довольны, другъ мой,—говорилъ мнѣ Листъ, возвращаясь изъ Моабита; я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, чтобы быть вамъ пріятнымъ.

— Больше чѣмъ ожидалъ; вы такъ хорошо устроили мои дѣла, что не знаю, какъ васъ благодарить.

— Впрочемъ и я провелъ вечеръ очень пріятно: дамы очень милы, любезны, образованы и замѣчательно красивы; въ особенности ваша Наима какая великолѣпная представительница библейской красоты! я питаю глубокое уваженіе къ вашему вкусу.

— Да, она хороша, и, если не ошибаюсь, ея душевныя качества вполнѣ соотвѣтствуютъ замѣчательной ея наружности. Я былъ-бы вполнѣ счастливъ, если-бы могъ заслужить ея благосклонность.

— Повѣрьте, она не совсѣмъ къ вамъ равнодушна, судя по тѣмъ взглядамъ, которые мнѣ удалось подмѣтить; начало положено, остальное нужно предоставить времени. Вы теперь имѣете возможность часто ее видѣть, и исполняя осторожно роль Альмавивы, пріобрѣтете сердце новой Разины.

— Ваша выдумка не дурна, но я встрѣчаю маленькое затрудненіе. Завтра мнѣ предстоитъ условиться со старикомъ объ урокахъ: не могу-же я принять платы за мои уроки, —не смотря на то, что буду исполнять вполнѣ добросовѣстно мое дѣло.

— Напротивъ, чтобы не возбудить никакого подозрѣнія въ Бартоло, вамъ слѣдуетъ согласиться на всѣ условія, которыя онъ вамъ предложитъ; если-же онъ спроситъ о вашихъ условіяхъ, то не обинуясь назначьте приличное вознагражденіе за ваши труды. Это будетъ и справедливо: вы по всей вѣроятности принесете большую пользу музыкальному развитію вашей ученицы,—и благоразумно: отказомъ въ вознагражденіи не поставите въ затрудненіе старика и не возбудите въ немъ никакого сомнѣнія на счетъ вашихъ отношеній къ его дочери.

— Вы правы, нельзя поступить иначе.

Мы разстались молча, пожавъ крѣпко руку другъ другу.

Утромъ на другой день я отправился къ К., былъ принятъ старикомъ благосклонно; онъ показался мнѣ днемъ еще невзрачнѣе и безобразнѣе, чѣмъ въ вечеру. Условіе было сдѣлано: я обязался давать Наимѣ три урока въ недѣлю, по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ въ полтора часа каждый, и въ вознагражденіе мнѣ предложено было по талеру за урокъ. Я просилъ Наиму сыграть что-нибудь, и она исполнила капризъ Мендельсона такъ хорошо, такъ отчетливо, что только для приданія себѣ большей важности въ присутствіи старика, я нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Музыкальныя занятія наши шли весьма успѣшно; изрѣдка старикъ приходилъ послушать Наиму, иногда тетка ея присутствовала при началѣ урока, но чаще мы оставались одни, и никто намъ не мѣшалъ. Довольно скучныесеансы фортепьянной игры мы разнообразили пѣніемъ; я аккомпанировалъ Наимѣ на фортепьяно и на віолончели, нерѣдко Лея присоединялась къ намъ и полуторачасовые уроки вскорѣ превратились въ музыкальныя утра. Потомъ отправлялись гулять. Вечера также стали проводить по большей части вмѣстѣ въ театрахъ или на концертахъ. Натуры Наимы и Леи были чисто артистическія; онѣ пѣли и играли превосходно, имѣли тонкій, вѣрный слухъ и большія способности къ музыкѣ. Въ короткое время я такъ къ нимъ привязался, такъ полюбилъ Наиму, что сталъ ей посвящать все свое время.

Университетскія занятія мои отъ этого сильно пострадали: совсѣмъ почти пересталъ я посѣщать лекціи. Музыкальное образованіе мое также не двигалось: съ Марксомъ и Таубертомъ я разошелся, и на столько занимался музыкой дома, на сколько это могло быть пріятно и полезно Наимѣ. Но я пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ ботаникѣ, выучилъ названія растеній тепличныхъ и комнатной культуры, чтобы имѣть возможность говорить о нихъ съ К. и снискать его расположеніе.

Все шло какъ нельзя лучше; я сдѣлался въ домѣ К. домашнимъ человѣкомъ, и получилъ даже приглашеніе приходить иногда по вечерамъ, которые впрочемъ недолго продолжались: старикъ ложился въ

10-ть часовъ, и передъ отходомъ его ко сну всѣ должны были расходиться.

Съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе любилъ Наиму; съ ея стороны пользовался всегда большимъ сочувствіемъ. Вскорѣ сочувствіе обратилось въ сильную, глубокую привязанность, и мы полюбили другъ друга, какъ любятъ въ молодые годы: мнѣ наступилъ двадцать второй, ей было восемнадцать. Мы такъ увлеклись своимъ чувствомъ, что никогда не думали о препятствіяхъ, а къ несчастію препятствія были велики, непреодолимы.

Во всѣхъ отношеніяхъ Наима была-бы для меня хорошею партіей: въ глубокой взаимной привязанности мы вполнѣ убѣдились, сочувствіе, которымъ я пользовался въ семействѣ Наимы, не подлежало сомнѣнію, образованіе, полученное Наимой, ея прелестная наружность, высокія душевныя качества не оставляли желать ничего лучшаго, въ матеріальномъ отношеніи она была также совершенно обезпечена; независимо отъ части, причитавшейся ей отъ отца, у нея былъ значительный капиталъ, оставленный матерью; у бездѣтной тетки было сверхъ того хорошее состояніе. Мое положеніе было также вполнѣ удовлетворительно. Казалось, всѣ условія были въ высшей степени благопріятны для осуществленія нашихъ желаній принадлежать другъ другу. Но Наима была еврейка; въ этомъ заключался весь вопросъ.

Нашими законами бракъ православнаго съ нехристіанкою абсолютно воспрещался. Убѣдить Наиму перемѣнить религію не было возможности. Однажды я заговорилъ объ этомъ. Наима отвѣтила, что она готова принести въ жертву своей ко мнѣ привязанности все, и узы, связывающія ее съ семействомъ, и положеніе, и состояніе, но никогда не измѣнитъ Моисееву закону. „Я родилась еврейкой, еврейкой и умру“,—прибавила она съ твердостью, которой я не ожидалъ, потому что никогда не замѣчалъ въ ней и тѣни религіозной нетерпимости и свойственнаго евреямъ фанатизма.

Какъ ни было грустно убѣжденіе въ невозможности поколебать рѣшимость Наимы, я не могъ не отдать полной справедливости возвышенности ея чувствъ. Сомнѣніямъ въ ея глубокой привязанности ко

мнѣ не было мѣста; не разъ повторялось чистосердечное признаніе; ничѣмъ неудержимая радость при моихъ посѣщеніяхъ, избытокъ счастья, одушевлявшій ее въ нашихъ интимныхъ объясненіяхъ, служили вѣрнымъ залогомъ искренности Наимы. И не смотря на горячую ко мнѣ любовь, на полную увѣренность, что я сдѣлаю ее счастливою, Наима не соглашалась на послѣдній, необходимый шагъ, не изъ религіознаго фанатизма, а по сознанію долга, по инстинктивному чувству достоинства.

Любя Наиму отъ всей глубины моего сердца, я питалъ къ ней и высокое уваженіе; весьма обыкновенное въ мои лѣта увлеченіе рѣдкой ея красотой перешло въ чувство болѣе возвышенное; я вполнѣ умѣлъ оцѣнить ея душевныя качества и привязался къ ней всѣми силами моей души. Чувство чести громко заговорило во мнѣ.

Получивъ убѣжденіе, что ничто не въ силахъ измѣнить рѣшенія Наимы на счетъ религіознаго вопроса, и сознавая неодолимость этого препятствія къ женитьбѣ, я рѣшился уѣхать изъ Берлина. Какъ ни тяжело, какъ ни грустно было принять такое рѣшеніе, я не могъ поступить иначе въ виду невозможности, оставаясь въ одномъ городѣ съ Наимой, отказаться отъ счастья ее видѣть и прервать мои къ ней отношенія. Я чувствовалъ, что не имѣлъ для этого достаточной силы воли.

Листъ уѣхалъ изъ Берлина въ Петербургъ, не задолго до принятія мною этого рѣшенія. Онъ разстался съ Лоллой Монтесъ не совсѣмъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Началось съ того, что она выпросила у него довольно значительную сумму денегъ для уплаты своихъ долговъ; потомъ потребовала еще столько-же, Листъ заплатилъ; наконецъ требованія стали увеличиваться въ такомъ размѣрѣ и такъ часто, что Листъ поставленъ былъ въ необходимость отказывать, не смотря на всю неразсчетливость въ денежныхъ своихъ дѣлахъ. Лолла разсердилась; тѣмъ дѣло и кончилось.

Алларъ также оставилъ Берлинъ раньше предположеннаго срока.

Мистрисъ Нормемби такъ ему надоѣла своими нѣжностями, что бѣдный французъ, отличавшійся необыкновеннымъ непостоянствомъ, долженъ былъ бѣжать въ Россію. Я ему далъ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ, въ Петербургъ, Москву, Полтаву, Кіевъ и Одессу къ

моимъ знакомымъ и роднымъ, заставилъ изучить географію имперіи и успѣлъ выучить его по русски нѣсколькимъ фразамъ, необходимымъ въ путешествіи. Жаль мнѣ было разставаться съ Алларомъ; вѣтренный и легонькій французикъ часто развлекалъ и смѣшилъ меня, а иногда бывалъ и очень полезенъ любезною готовностью служить, чѣмъ могъ.

Къ этому времени относится мое знакомство въ Берлинѣ съ Степаномъ Степановичемъ Джунковскимъ. Братъ его Петръ Степановичъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ моего отца, носившей нашу фамилію, и Степанъ Степановичъ, пріѣхавъ въ Берлинъ, счелъ долгомъ со мною познакомиться. Онъ кончилъ курсъ кандидатомъ въ петербургскомъ университетѣ и пріѣхалъ въ Берлинъ слушать лекціи.

Религіозныя православныя его убѣжденія были такъ сильны, что въ Берлинѣ онъ соблюдалъ всѣ посты, постился по средамъ и пятницамъ, посѣщалъ постоянно православную церковь и велъ жизнь чисто монашескую.

Весьма неглупый, съ очень добрымъ сердцемъ, онъ слылъ большимъ чудакомъ, вслѣдствіе религіознаго настроенія чуждался общества товарищей и ненавидѣлъ женщинъ. Тогда только что появилось въ продажѣ извѣстное сочиненіе Штрауса: „Жизнь Іисуса“. Джунковскій закупилъ всѣ экземпляры бывшіе въ двухъ книжныхъ магазинахъ подъ Липками, сжегъ ихъ и требовалъ отъ книгопродавцевъ, чтобы не выставляли этой книги въ своихъ окнахъ. Проходя мимо, нѣсколько дней спустя, онъ опять видитъ на выставкѣ ненавистнаго ему Штрауса, входитъ въ магазинъ, говоритъ множество непріятностей приказчикамъ и выбрасываетъ на улицу новые экземпляры „Жизни Іисуса“. Большой скандалъ, потомъ процессъ, наконецъ Джунковскій, уплативъ значительный штрафъ, долженъ былъ уѣхать въ Геттингенъ изъ негостепріимнаго ему Берлина.

И скучно и грустно мнѣ было въ Берлинѣ въ послѣдніе дни моего тамъ пребыванія. Я остался безъ друзей и безъ всякой надежды на перемѣну обстоятельствъ къ лучшему, но не падалъ духомъ: мысль, что приношу себя въ жертву Наимъ, ободряла меня; я такъ искренно

и глубоко любилъ, что самоотверженіе въ этомъ случаѣ считалъ непреложнымъ долгомъ совѣсти и не придавалъ ему значенія героизма.

Я не считалъ возможнымъ объявить о моемъ рѣшеніи Наимѣ изъ боязни огорчить ее и вызвать, быть можетъ, какой-нибудь необдуманный, неосторожный поступокъ, тѣмъ болѣе, что мы тщательно скрывали отъ отца Наимы наши отношенія и онъ видѣлъ во мнѣ только усерднаго учителя музыки и любезнаго собесѣдника.

Написавъ къ Наимѣ письмо, я предположилъ отдать его Кранаху для доставленія на другой день послѣ моего отъѣзда. Въ письмѣ я выразилъ чувства руководившія мною, борьбу долга чести съ страстнымъ увлеченіемъ и твердою рѣшимостью проститься съ завѣтной мечтой счастья навсегда.

Наканунѣ моего отъѣзда я провелъ вечеръ у К.; много говорили, пѣли и играли, я старался казаться веселымъ и, возбужденный идеей самопожертвованія, я находился подъ вліяніемъ какого-то неестественнаго одушевленія. Въ концѣ вечера я просилъ Наиму спѣть мнѣ еще что-нибудь. Она пропѣла „Adieu“ и исполнила мою любимую мелодію Шуберта съ такимъ чувствомъ, такъ меня растрогала, что я расплакался, какъ дитя, не помню, какъ простился, и уѣхалъ домой.

На другой день, передавъ письмо къ Наимѣ Кранаху, я сидѣлъ уже въ вагонѣ по дорогѣ въ Лейпцигъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе) [1]).

VIII.

Въ Лейпцигъ я пріѣхалъ утромъ; городъ былъ очень оживленъ и многолюденъ; я въ немъ пробылъ нѣсколько дней, познакомился съ нѣкоторыми студентами, съ Феликсомъ Мендельсономъ Бертольди, у котораго провелъ два вечера и былъ очарованъ его любезностью и игрою на фортепьяно. Блестящи были импровизаціи и фантазіи Листа, но и Мендельсоновы немногимъ уступали имъ. Въ игрѣ Мендельсона было болѣе мягкости, нѣжности; она не потрясала, но глубоко проникала въ душу, и необыкновенно удачное сочетаніе оригинальной гармонизаціи съ пѣвучей мелодіей ласкало слухъ и приводило слушателя въ самое пріятное настроеніе. Отлично образованный, ученый и въ высшей степени симпатичный, Мендельсонъ пріобрѣлъ во мнѣ искренняго поклонника своему геніальному таланту. Онъ просматривалъ мои музыкальныя со-

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1884 г., апр. кн., стр. 609—633.

чиненія, нашелъ ихъ очень удовлетворительными для любителя, далъ нѣсколько дѣльныхъ совѣтовъ, и рекомендовалъ мнѣ въ Дрезденѣ Рейсигера для инструментовки и Дотцауера для уроковъ контрапункта. Жена Мендельсона, милая и привѣтливая дама, весьма не дурная собою, произвела на меня пріятное впечатлѣніе.

Дрезденъ.

Изъ Лейпцига я переѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Дрезденъ, Городъ этотъ мнѣ очень понравился: незатѣйливыя, но красивыя зданія, узкія, но чисто содержимыя улицы, спокойствіе и миръ, въ немъ царствовавшіе, патріархальный образъ жизни, простота и дешевизна были мнѣ по сердцу. Я нанялъ маленькую, уютную квартиру въ двѣ комнаты въ Marien-strasse, въ домѣ, гдѣ жилъ извѣстный скрипачъ Липинскій, познакомился съ нимъ, а у него съ Рейсигеромъ и Дотцауеромъ, и началъ съ ними прерванные въ Берлинѣ музыкальные уроки. Какъ тотъ, такъ и другой излагали свои предметы точно, ясно и занимательно, и въ короткое время я инструментировалъ довольно порядочно мои сочиненія, написанныя для фортепьяно, постигъ всю премудрость фуги и перешелъ къ канону. У Липинскаго каждую недѣлю, по средамъ, собирались музыкальныя знаменитости Дрездена, исполняли квартеты. Первую скрипку игралъ всегда почти хозяинъ, вторую Шубертъ, на віолончели попеременно игрывали Дотцауеръ и Куммеръ. Высокое наслажденіе доставляли мнѣ эти квартетные вечера, я не пропускалъ ни одного, и постоянно вращался въ артистическомъ тѣсномъ кругу. Расположеніе духа было печальное, но спокойное; безмятежное существованіе и музыкальныя развлеченія помирили меня съ моимъ положеніемъ. Каждое воскресенье я отправлялся въ католическую церковь слушать превосходное исполненіе церковной музыки. Дирижировалъ всегда Рейсигеръ. Раза два, три въ недѣлю бывалъ въ нѣмецкой оперѣ въ новомъ отлично отдѣланномъ театрѣ.

Дрезденскій королевскій оркестръ считался лучшимъ въ Европѣ въ то время, и дѣйствительно состоялъ изъ первоклассныхъ артистовъ. Достаточно сказать, что первымъ капельмейстромъ былъ Рейсигеръ, кто-

рымъ Р. Вагнеръ, первыми скрипками: Липинскій и Шубертъ, віолончелями: Дотцауеръ и Куммеръ, валторной: Леви, кларнетомъ: Бекманъ, флейтой: Фюрстенау. Хоры были превосходны; первыя роли исполнялись: г-жею Шредеръ-Девріенъ, дѣвицей Тучекъ, гг: Ботигеромъ и Тихачекъ. Постановка была весьма удовлетворительная. Въ особенности хорошо шли: Фрейшюцъ Вебера, жившаго въ двадцатыхъ годахъ въ Дрезденѣ и дирижировавшаго оперой, Гугеноты Мейербеера и Ріэнци Вагнера. Самое зданіе театра, вновь построенное и отдѣланное, не очень велико, но чрезвычайно красиво.

Съ Вагнеромъ я познакомился у Рейсигера. Личность замѣчательная, и въ высшей степени талантливая. Онъ самъ написалъ либретто къ своей операѣ и инструментировалъ ее оригинально. Многимъ не нравилась шумная трескотня духовыхъ инструментовъ въ оркестровкѣ и излишняя речитативность въ композиціи; но тогда уже въ немъ проглядывала геніальность. Вагнеръ былъ пріятнымъ и любезнымъ собесѣдникомъ во всемъ, что не касалось политики; но если заходила рѣчь о политическихъ или соціальныхъ вопросахъ, онъ становился довольно непріятенъ своими рѣзкими выраженіями и слишкомъ либеральнымъ, радикальнымъ образомъ мыслей. Въ этихъ вопросахъ я велъ съ нимъ ожесточенную борьбу. По рожденію, воспитанію и національности я былъ консерваторомъ и не могъ равнодушно слушать крайнихъ убѣжденій Вагнера, совершенно противоположныхъ моимъ. Впрочемъ мы оставались добрыми друзьями.

Кромѣ увѣдомленія Кранаха, что письмо мое передано, другихъ извѣстій изъ Берлина не имѣлъ.

Послѣ мирнаго шестинедѣльнаго пребыванія въ Дрезденѣ, судьба свела меня съ однимъ соотечественникомъ, близкимъ сосѣдомъ по полтавской деревнѣ, отставнымъ гвардіи поручикомъ З., раненымъ на Кавказѣ въ грудь пулею на вылетъ. З. лѣчился въ Германіи болѣе года и пріѣхалъ на зиму въ Дрезденъ. Хотя я мало былъ съ нимъ знакомъ на родинѣ, но за границей русскіе легко сближаются другъ съ другомъ, и мы вскорѣ сдѣлались пріятелями. З. предложилъ мнѣ нанять общую квартиру просторнѣе моей, отыскалъ очень удобное помѣщеніе помѣсячно въ гостинницѣ »Zum goldenen Hirsch«,

и мы тамъ поселились. Имѣли четыре комнаты; переднюю, довольно большую гостиную, и двѣ спальни, обзавелись лакеемъ и получали столъ отъ содержателя гостинницы, весьма не дурной, и за умѣренную условленную плату; пріобрѣли много знакомыхъ; если не отправлялись въ театръ, по вечерамъ бывали дома и принимали посѣтителей; изъ нихъ я въ особенности полюбилъ стараго моего знакомаго Вальтера, лѣчившаго З., и Ганса Ганфестенгеля, талантливаго живописца. Докторъ Вальтеръ начиналъ имѣть уже небольшую практику у русскихъ путешественниковъ, а Ганфестенгель занимался тогда литографированіемъ замѣчательнѣйшихъ картинъ дрезденской галлереи. Онъ нѣсколько разъ сопровождалъ меня въ галлерею и останавливалъ вниманіе на знаменитыхъ произведеніяхъ живописи. Изъ нихъ особенное впечатлѣніе произвела на меня Сикстинская Мадонна Рафаэля; каждое посѣщеніе галлереи не обходилось безъ того, чтобы я не посвятилъ нѣсколько времени этому геніальному произведенію; потомъ — св. ночь Корреджіо и Cristo della moneta Тиціана; часто любовался я также великолѣпными пейзажами Рюисдаля.

Вскорѣ наши вечерніе пріемы обратились въ пирушки; ужины съ шампанскимъ, по русскому обычаю, заканчивали вечера, продолжавшіеся иногда далеко за полночь, вопреки принятымъ въ Дрезденѣ обычаямъ. Тамъ обѣдывали въ часъ; въ десятомъ всякое движеніе по улицамъ прекращалось и въ десять всѣ уже покоились. Насъ начали считать богатыми иностранцами съ большими причудами. Собранія эти впрочемъ развлекали меня и разнообразили пустоту дрезденской жизни и домашняго быта. З. очень скоро надоѣлъ мнѣ своими претензіями на умъ и образованность: въ существѣ это былъ не глупый, но довольно пошлый господинъ, не умѣвшій правильно писать по русски и понимавшій французскій языкъ по своему; получивъ воспитаніе въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, онъ гордился своею ученостью, по считалъ нужнымъ дополнить образованіе путешествіями и чтеніемъ; читалъ постоянно французскіе романы и въ нихъ почерпалъ звучныя фразы, которыми старался украсить свою рѣчь; никогда не забуду, какъ онъ потѣшилъ меня однажды. Окончивъ чтеніе »Людовика XIV« Александра Дюма, З. увѣрялъ меня, что Людовикъ XIV обладалъ необыкновен-

нымъ аппетитомъ, потому что у него было два желудка, какъ ни старался я ему объяснить, что выраженіе: double capacité вовсе не означаетъ двухъ желудковъ, а двойную способность одного желудка, З. не хотѣлъ мнѣ вѣрить, началъ спорить и остался при своемъ убѣжденіи.

Подобное товарищество по квартирѣ не разъ заставляло меня пожалѣть объ Алларѣ и мысленно переноситься въ Берлинъ.

Образъ Наимы часто представлялся моему воображенію, нерѣдко помышлялъ я о возвращеніи въ Берлинъ, но долгъ чести останавливалъ меня. Ни разу ей не писалъ, и въ прощальномъ письмѣ не говорилъ о предположенномъ мѣстопребываніи, да и самъ не зналъ, куда поѣду и сколько гдѣ проживу.

Я началъ писать симфонію для оркестра, первое мое произведеніе въ этомъ родѣ; и говорить нечего, что оно принадлежитъ вполнѣ Наимѣ. Первая часть: Allegro agitato въ F-мольномъ тонѣ заключаетъ въ себѣ оригинальный мотивъ, которому я старался придать еврейскій характеръ; вторая: Andante con moto, As dur, чисто въ рускомъ стилѣ и напоминаетъ одну изъ велукорусскихъ пѣсень; третья Scherzo Allegro, минорная, но игривая мелодія, потомъ Trio въ мажорномъ тонѣ; четвертая: Finale Allegro не богатая музыкальными идеями, но тщательно разработанная и испещренная контрапунктомъ. Окончивъ симфонію, я показалъ ее Рейсигеру; онъ исправилъ два-три мѣста въ инструментовкѣ, одобрилъ разработку мелодіи и строгое исполненіе симфоническихъ правилъ и сказалъ, что симфонія моя можетъ быть исполнена королевскимъ оркестромъ. Каждый имѣлъ право требовать исполненія музыкальныхъ своихъ и другихъ сочиненій отъ королевскаго оркестра въ свободное отъ его обязательныхъ занятій время, съ платою по 25 талеровъ за два часа въ кассу вдовъ и сиротъ музыкантовъ, служившихъ въ оркестрѣ. Эта плата въ концѣ года составляла довольно порядочную сумму. Содержаніе-же оркестра вообще не обходилось дорого. Достаточно сказать, что такая знаменитость, какъ Липинскій, получалъ всего двѣ тысячи талеровъ въ годъ, Фюрстенау полторы тысячи, Дотцауэръ и Куммеръ по шестисотъ; чрезъ 25 лѣтъ службы жалованье обращалось въ пенсію.

Исполненіе моей симефоніи было назначено въ 11 часовъ утра, въ пятницу на пятой недѣлѣ великаго поста. Первый разъ ее сыграли безъ репетиціи: дирижировалъ Рейсигеръ, музыканты наговорили мнѣ множество любезностей, во второй разъ Рейсигеръ заставилъ меня дирижировать. Какъ ни былъ я слабъ въ этомъ родѣ музыкальныхъ упражненій, съ артистами королевскаго оркестра дирижированье собственнаго сочиненія не представляло большихъ трудностей и исполненіе вышло удачнѣе перваго, въ особенности второй части симфоніи, гдѣ русская мелодія подъ мановеніемъ моей капельмейстерской палочки очертилась рельефнѣе и произвела большой эффектъ. Но съ комплиментами выразилось и недовѣріе къ моему творчеству. Первый гобоистъ подошелъ къ Дотцауэру и до меня долетѣли слова: не могу допустить, чтобы вся симфонія была написана молодымъ русскимъ,—она такъ гармонизована, что требуетъ глубокихъ познаній въ контрапунктѣ, и я не сомнѣваюсь, что вы принимали большое участіе въ этой композиціи. Дотцауэръ увѣрялъ скептика, что не перемѣнилъ въ моей симфоніи ни одной ноты, но что Рейсигеръ дѣйствительно исправилъ мѣстами оркестровку.

Ганфстенгель познакомилъ меня съ польскимъ семействомъ отставного полковника наполеоновскихъ войскъ Z. Вполнѣ онѣмеченное семейство состояло изъ отца, матери и двухъ дочерей. Старшая, очень красивая блондинка, была въ разводѣ съ мужемъ, меньшая, очень не красивая, но умная и привѣтливая, была дѣвицей.

Ганфстенгель бывалъ у нихъ часто, но ничего не говорилъ мнѣ о своихъ отношеніяхъ къ старшей дочери Z. Однажды, въ вечеру, за чашкой чая, я разсказывалъ имъ, какъ мы съ Ганфстенгелемъ пріятно провели вечеръ у Шарлотты Гагенъ, извѣстной актрисы. Замѣчаю, что старшая дочь Z. то блѣднѣетъ, то краснѣетъ, наконецъ падаетъ въ обморокъ. Когда ее привели въ чувство, мы ушли, Ганнсъ сталъ укорять меня въ неумѣстной шуткѣ, полагая, что давно долженъ былъ догадаться о его интригѣ съ красивой блондинкой. Я его увѣрялъ въ противномъ, пожурилъ за излишнюю скромность и мы разстались совершенными друзьями.

На вербной недѣлѣ я получилъ деньги изъ дому; переводъ тогда дѣлался чрезъ домъ Штиглица въ Петербургѣ, и кредитива прислана

на мое имя для полученія денегъ въ Дрезденѣ у банкира К. Сходство фамиліи этого банкира съ фамиліей отца Наимы меня поразило. Отправляюсь въ контору и узнаю, что дрезденскій банкиръ двоюродный братъ берлинскому К. Я изъявилъ желаніе съ нимъ видѣться, и въ дрезденскомъ представителѣ богатаго банкирскаго дома нашелъ двойника отца Наимы, только помоложе. Тотъ-же не красивый еврейскій типъ, та-же непривѣтливость. Я съ нимъ переговорилъ о курсѣ, о будущихъ переводахъ денегъ и откланялся. Курсъ стоялъ тогда для насъ очень выгодный, за сто рублей плотили сто десять талеровъ. О знакомствѣ съ семействомъ Наимы я умолчалъ; въ банкирѣ было что-то отталкивающее и не располагающее къ дальнѣйшему знакомству.

Въ вербное воскресенье въ зданіи стараго театра назначено было исполненіе ораторіи Мендельсона: Paulus и 3-й симфоніи Бетговена. Дожидали пріѣзда Мендельсона; онъ долженъ былъ дирижировать. Я запасся билетами какъ на генеральную репетицію, такъ и на исполненіе ораторіи. З. не пожелалъ слушать серьёзной, но очень скучной, по его понятіямъ, музыки.

Мое мѣсто было въ ложѣ бель-этажа на оба вечера; къ генеральной репетиціи пріѣхалъ Мендельсонъ, но я его не видѣлъ и не слышалъ его замѣчательнаго Паулуса; подлѣ моей ложи, съ лѣвой стороны, точь въ точь какъ въ Гарнизонъ-кирхѣ въ Берлинѣ, сидѣла Наима, а за нею Лея и незнакомый мнѣ господинъ. Появленіе ихъ въ сосѣдней ложѣ, показалось мнѣ сначала призрачнымъ видѣніемъ, но я вскорѣ убѣдился въ счастливой дѣйствительности. Наима заговорила со мной. Голосъ ея дрожалъ, она была взволнована, глаза свѣтились такимъ выраженіемъ сочувствія и любви, что я не помнилъ себя отъ радости; въ антрактахъ мы говорили довольно громко, и она представила мнѣ своего родственника, сына дрезденскаго банкира; во время репетиціи мы перешептывались. Что мы говорили другъ другу, вспомнить не могу: я находился въ слишкомъ возбужденномъ состояніи духа, но не забуду никогда заключительныхъ словъ Наимы: знай, что я твоя, на вѣкъ твоя, чтобы ни случилось.

Мы сговорились видѣться на слѣдующій день въ картинной галереѣ, гдѣ провели цѣлое утро, удаляясь въ комнаты менѣе посѣщае-

мыя публикой. Здѣсь Наима сообщила мнѣ, что пріѣхала съ Леей погостить накороткѣ у банкира К. и затѣмъ располагала ѣхать съ сестрой въ Малагу, что жизнь въ Берлинѣ стала ей невыносимой съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ и отецъ узналъ о ея привязанности ко мнѣ, а скрывать эту привязанность, послѣ неожиданнаго моего отъѣзда, она была не въ силахъ, часто плакала, постоянно грустила. Рѣшились послать ее въ Малагу въ надеждѣ, что время и путешествіе разсѣятъ ее. Разговоръ не могъ быть послѣдовательнымъ; намъ мѣшали.

Въ вечеру мы опять были вмѣстѣ на исполненіи ораторіи Мендельсона, и условились сойтись на другое утро въ »Hôtel de saxe«, гдѣ я долженъ былъ приготовить комнату съ особеннымъ входомъ. Принять меня у своего родственника, банкира К. Наима не могла, а переговорить съ пей безъ свидѣтелей было необходимо.

Рано утромъ, въ понедѣльникъ, я былъ уже на ногахъ, отправился къ содержателю „Hôtel de saxe“, съ которымъ былъ знакомъ, посѣщая иногда знакомыхъ въ его гостинницѣ, и условился съ нимъ на счетъ отдѣльнаго помѣщенія на короткое время для родственницы моей.

Съ 10 часовъ утра я ждалъ Наиму на площади не далеко отъ Саксонской гостинницы. Волненіе, нетерпѣніе, смутное ожиданіе длили время, оно казалось мнѣ безконечнымъ; около 11-ти часовъ я замѣтилъ даму, всю въ черномъ, съ опущеннымъ вуалемъ, приближающуюся медленнымъ, но твердымъ шагомъ къ гостинницѣ; я подошелъ, то была Наима; я ей подалъ руку, и мы отправились въ приготовленный номеръ.

Она подняла вуаль, сняла шляпку и я остолбенѣлъ отъ удивленія и восторга. Никогда еще Наима не представлялась мнѣ такою красивою, такою величественною. Матовая блѣдность ея лица была оживлена яркимъ румянцемъ, огненный взглядъ, въ которомъ выражалась непреклонная сила воли, придавалъ какую-то особенную, чарующую прелесть ея чуднымъ глазамъ. Невольно я опустился на колѣна и палъ къ ея стопамъ. Въ безмолвіи, въ упоеніи наслаждался я дивною ея красотой, впивался взглядомъ въ ея правильныя, тонкія черты. Она наклонилась, напечатлѣла на челѣ моемъ жгучій поцѣлуй и приподняла меня. Я бросился къ ней, обнялъ и продолжительный поцѣлуй въ уста

скрѣпилъ наши чувства навсегда. Вѣчно памятный день! Съ нимъ взошла новая заря моей жизни, предстала будущность, полная счастія и любви.

Два часа просидѣли мы въ Саксонской гостинницѣ и переговорили обо всемъ. Не обошлось безъ борьбы въ великодушіи. Наима рѣшилась оставить сестру и слѣдовать всюду за мною, прервать всѣ связи съ семействомъ и отдать мнѣ все, что было дорого ея сердцу, съ однимъ условіемъ, чтобы между нами никогда не былъ возбуждаемъ религіозный вопросъ,—какъ ни старался я убѣдить ее, что съ соблюденіемъ послѣдняго условія, я не считалъ-бы себя вправѣ воспользоваться ея рѣшимостью и не могъ-бы взамѣнъ громадныхъ жертвъ, ею приносимыхъ, дать ей моего имени.

Насъ благословитъ Богъ, отвѣтила Наима; одинъ Богъ на небесахъ, и предъ Нимъ я буду твоею женою, а ты моимъ мужемъ; даю Ему обѣтъ вѣчно любить тебя и принадлежать тебѣ; въ твоей любви не сомнѣваюсь.

Кто-бы устоялъ противъ этого искренняго, высокаго проявленія чувства? Я впрочемъ не пошелъ на сдѣлку съ своей совѣстью и далъ также обѣтъ осуществить завѣтную мою мечту не только предъ Богомъ, но и предъ людьми. Время, обстоятельства, думалъ я, поколеблютъ непреклонность Наимы въ религіозномъ отношеніи, и дадутъ мнѣ возможность назвать ее по праву моей супругой.

Меня затруднялъ еще одинъ вопросъ—вопросъ о Леи. Я очень любилъ и уважалъ сестру Наимы, она всегда была благосклонно ко мнѣ расположена, и мнѣ казалось неделикатнымъ, недостойнымъ да и не возможнымъ скрыть отъ нея наше рѣшеніе.

— Не безпокойся, сказала Наима, я переговорила съ Леей. Она сначала употребила все свое краснорѣчіе и всю свою привязанность, чтобы отговорить меня отъ свиданія съ тобою здѣсь, и удержать отъ принятаго рѣшенія; но когда увидѣла, что я непреклонна, объявила, что препятствовать мнѣ не будетъ, пожелавъ счастья, въ которомъ впрочемъ убѣждена, зная твой благородный характеръ; обѣщала даже скрыть до поры до времени мое отсутствіе изъ ея дома отъ отца и тетушки.

Послѣ этого всѣ сомнѣнія мои разсѣялись, и на другой день сговорились мы собраться въ Саксонской гостинницѣ утромъ, съ тѣмъ, чтобы въ вечеру уѣхать изъ Дрездена въ Италію.

Весь день провелъ я въ приготовленіяхъ къ отъѣзду, наскоро уложилъ необходимыя въ путешествіи вещи, остальныя сложилъ въ сундукъ и отправилъ на храненіе содержателю Саксонской гостинницы. Ночь провелъ безъ сна: избытокъ счастья, близкое осуществленіе несбыточныхъ надеждъ волновали меня. Къ этому прибавилось безпокойство, какъ объяснить матери моей мои отношенія къ Наимѣ, какъ склонить ее на согласіе благословить со временемъ бракъ нашъ и принять въ домъ мою жену. Затрудненія эти устранялись любящимъ сердцемъ: мнѣ казалось, какой то тайный голосъ нашептывалъ мнѣ, что когда увидятъ мою Наиму, когда узнаютъ ее—препятствія исчезнутъ сами собою.

Во вторникъ утромъ я простился съ З., сказавъ ему, что уѣзжаю съ однимъ знакомымъ французомъ въ Парижъ; мы разстались довольно холодно: его самолюбіе не могло извинить моихъ правильныхъ толкованій смысла французской рѣчи и указаній на его ошибки въ русской орфографіи. Разсчитавшись съ содержателемъ »Золотаго Оленя« и слугой, я убѣдился, что у меня оставалась еще довольно значительная сумма для путешествія вдвоемъ.

Въ 11 часовъ я сидѣлъ съ Наимой въ Саксонской гостинницѣ, мы занимались составленіемъ нашего маршрута. Пришла Лея. Ея появленіе привело меня въ смущеніе. Но вскорѣ ласковый тонъ этой превосходной женщины успокоилъ меня.

Я пришла не для того, сказала она, чтобы нарушать ваше спокойствіе и препятствовать вашему счастію, въ этомъ отношеніи я покаряюсь волѣ Провидѣнія, хотя и сдѣлала все, что зависѣло отъ меня, чтобы удержать Наиму; но привязанность ея къ вамъ сильнѣе всѣхъ родственныхъ чувствъ. Будьте счастливы надолго и на столько, сколько можетъ этого желать любящее сердце сестры! Pierre, вы позволяете назвать васъ моимъ братомъ?

Я осыпалъ руки Леи горячими поцѣлуями, увѣрялъ ее въ искренней, постоянной къ ней привязанности, которая въ настоящее время еще болѣе скрѣпляется драгоцѣнными залогами любви и дружбы и отвѣтилъ, что считаю себя счастливымъ возможностью назвать ее моею сестрою. Потомъ Лея объявила намъ, что велѣла перенесть въ нашъ

номеръ всѣ свои вещи вмѣстѣ съ вещами Наимы, чтобы не безпокоить вечернимъ отъѣздомъ своихъ дрезденскихъ редственниковъ, и взяла мѣсто до Праги въ дилижансѣ, отходящемъ въ 9 часовъ вечера, а оттуда располагаетъ ѣхать на Линцъ и Клагенфуртъ до Тріеста, а изъ Тріеста на параходѣ въ Марсель, изъ Марселя моремъ въ Малагу.

Мы ей сообщили наши предположенія. Въ десятомъ часу вечера располагали уѣхать по желѣзной дорогѣ въ Лейпцигъ, оттуда въ дилижансѣ чрезъ Альтенбургъ, Байрейтъ, Нюренбергъ и Регенбургъ до Мюнхена, а изъ Мюнхена чрезъ Инспрукъ и Верону въ Венецію.

Лея и Наима пошли проститься съ своими дрезденскими родственниками; онѣ возвратились въ три часа, къ заказанному мною и сервированному въ номерѣ обѣду. Въ началѣ обѣдъ былъ очень оживленъ, къ концу намъ всѣмъ взгрустнулось.

Послѣ обѣда Лея взяла меня въ сторону и спросила, имѣю ли достаточныя средства для путешествія. На утвердительный мой отвѣтъ, она сказала, что уѣзжая изъ Берлина надолго, просила отца выдать Наимѣ капиталъ, который слѣдовалъ ей отъ матери, въ виду возможности устроить будущность Наимы въ Испаніи, и передала мнѣ, съ паспортомъ сестры, вексель на Ротшильдовъ въ пятьдесятъ тысячъ талеровъ.

Возьмите это, прибавила она, на всякій случай. Въ векселѣ заключается четвертая часть имущества Наимы, тетушка назначаетъ ей столько-же, а по распоряженію отца ей достанется еще сто тысячъ. Довѣріе Леи тронуло меня до глубины души. Я спряталъ паспортъ и передалъ Наимѣ вексель.

Въ восемъ часовъ мы простились съ Леею; разставанье было трогательное: всѣ плакали,

Не прощаюсь съ вами, повторяла Лея, а говорю: до свиданія! Пріѣзжайте ко мнѣ на мою виллу въ Гренадѣ, осенью.

Въ десять часовъ мы мчались скорымъ поѣздомъ, въ отдѣльномъ купе, по дорогѣ въ Лейпцигъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
1821—1846 годъ.

(Продолженіе) [1]).

IX. Путешествіе по Германіи.

Въ Лейпцигъ пріѣхали мы въ самый разгаръ Остра-мессе, но нашли удобное помѣщеніе и пробыли тамъ два дня. Въ почтовой каретѣ отправились въ Альтенбургъ, гдѣ провели одинъ день. Этотъ маленькій городъ понравился мнѣ своими первобытными нравами; старинные костюмы тамошнихъ женщинъ обратили на себя въ особенности наше вниманіе; въ Байрейтѣ мы оставались только для обѣда и прибыли въ Нюренбергъ. Отдохнули тамъ два дня. Нюренбергъ заинтересовалъ насъ средневѣковымъ характеромъ своихъ построекъ; неправильныя узкія улицы, высокіе дома, остроконечныя крыши, поросшіе кустарниками и травою рвы—все это поражало своею оригинальностью; я срисовалъ карандашемъ съ натуры часть одной улицы съ аркой, перекинутой между домами.

Когда то вольный, богатый и многолюдный городъ, одинъ изъ лучшихъ въ Германіи, Нюренбергъ славился въ свое время произведеніями изъ папье-маше и дѣтскими игрушками. Народонаселеніе уменьшилось на

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1884 г., майск. кн., стр. 77—87.

половину. Марктплацъ съ великолѣпнѣйшимъ фонтаномъ, нѣсколько старинныхъ замѣчательныхъ своей архитектурой и живописью на стеклѣ церквей, Rathhaus, и небольшая картинная галлерея, въ которой находится св. Екатерина съ младенцемъ Іисусомъ Рубенса,—вотъ и всѣ достопримѣчательности Нюренберга.

Въ Регенсбургѣ мы пробыли одинъ день. Въ былыя времена также вольный и богатый городъ съ раттаузомъ, въ которомъ съ 1633 по 1806 годъ собирался германскій сеймъ, и великолѣпнымъ готическимъ соборомъ во имя св. Петра, Регенсбургъ произвелъ на насъ пріятное впечатлѣніе; ѣздили осматривать Валгаллу, выстроенную баварскимъ королемъ Людвигомъ I по плану имъ составленному и заключавшую въ себѣ бюсты знаменитыхъ мужей и женщинъ Германіи, любовались величественнымъ видомъ на Регенсбургъ, Дунай и Альпы, и выѣхали въ Мюнхенъ.

Столица Баваріи намъ очень понравилась и мы пробыли въ ней недѣлю, да менѣе и нельзя было, что-бы познакомиться вполнѣ съ художественными достопримѣчательностями Мюнхена. Нѣсколько разъ посѣтили Пинакотеку и Глиптотеку, осмотрѣли новыя церкви, зданіе университета и почты и королевскій дворецъ, часто гуляли въ англійскомъ саду и ѣздили въ окрестности, довольно красивыя; я срисовалъ двѣ изъ нихъ.

Однажды мы остановились предъ зданіемъ почты, вновь построенномъ въ греческомъ древнемъ стилѣ противъ дворца. Подходитъ къ намъ какой то некрасивый, пожилой, сухощавый господинъ въ изношенномъ пальто и помятой шляпѣ и, внимательно посмотрѣвъ на Наиму, обращается ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Какъ вамъ нравится зданіе почты?—Я ему отвѣтилъ, что нахожу зданіе очень оригинальнымъ, но не будучи знатокомъ въ дѣлѣ архитектуры, а только любителемъ всего изящнаго, не берусь судить о достоинствахъ или недостаткахъ этой постройки.

— Что вы любитель изящнаго, я въ этомъ не сомнѣваюсь, платя дань удивленія красотѣ вашей дамы, но желалъ бы знать ваше мнѣніе на счетъ почты.

— Признаюсь откровенно: оно мнѣ не нравится.

Пожилой господинъ бросилъ на меня взглядъ негодованія, сказалъ отрывисто: »видно, что вы дѣйствительно ничего не понимаете въ архитектурѣ«,—и отошелъ отъ насъ быстрыми шагами. Я повернулся, чтобы посмотрѣть на этого чудака; вижу, что всѣ ему кланяются, а часовые отдаютъ честь у входа въ дворецъ; спрашиваю одного изъ прохожихъ, кто этотъ господинъ и узнаю, что то былъ король Людвигъ. Какъ извѣстно, король украсилъ Мюнхенъ превосходными зданіями, достроилъ дворецъ, выстроилъ четыре церкви, университетъ, театръ, синагогу, двѣ Пинакотеки и Глиптотеку, наполнилъ ихъ замѣчательнѣйшими произведеніями живописи и ваянія, былъ истиннымъ меценатомъ въ дѣлѣ искусствъ, большимъ поклонникомъ красоты и классикомъ въ архитектурѣ. По его плану и чертежамъ выстроено архитекторомъ Кленце зданіе почты въ концѣ тридцатыхъ годовъ съ 12 колоннами и 6-ю фресками Гильтенспергера на красномъ фонѣ. Король часто ходилъ любоваться своимъ произведеніемъ и имѣлъ привычку спрашивать путешественниковъ о впечатлѣніи, которое производила на нихъ архитектура почты. Мнѣ очень досадно было, что безъ умысла огорчилъ художника въ лицѣ короля.

Людвигу Мюнхенъ обязанъ своими сокровищами архитектуры, живописи и скульптуры. Въ дворцѣ, въ новой резиденціи особенно замѣчательны залы Нибелунговъ и тронная съ 20 коринѳскими колоннами и 12 золочеными статуями баварскихъ электоровъ и королей, и комната съ портретами красавицъ. Въ Пинакотекѣ (тогда новая, только что начинала строиться), кромѣ извѣстныхъ картинъ знаменитыхъ живописцевъ старыхъ школъ италіянскихъ, голландскихъ и нѣмецкихъ, находится множество новѣйшихъ произведеній живописи. Достаточно указать на имена: Каульбаха, Корнеліуса, Кауфмана, Циммермана, Овербека, Кирхнера, Гесса, Ротмана, Беккера, Клотца и другихъ. Въ Глиптотекѣ, кромѣ древнихъ статуй и бюстовъ, слѣдуетъ упомянуть о произведеніяхъ Кановы, Торвальдсена, Шадова, Эбергарда, Рауха, Тика, Вуша, Данпеккера.

Чѣмъ болѣе узнавалъ я Нанну, тѣмъ сильнѣе привязывался къ ней; вездѣ и постоянно мы были неразлучны. Чудный характеръ, доброе сердце, замѣчательный умъ, всегда веселое расположеніе духа,

простота въ обращеніи и образѣ жизни, снисходительность, кротость и глубокая любовь ко мнѣ дѣлали меня вполнѣ счастливымъ.

Въ то время въ Мюнхенѣ было множество красивыхъ женщинъ, двухъ типовъ совершенно противуположныхъ. Баварки, чистой крови, отличались небольшимъ ростомъ, необыкновенною бѣлизною, свѣтлыми пепельнаго цвѣта или слегка рыжеватыми волосами, голубыми и сѣрыми глазами и довольно яркимъ румянцемъ; тирольки были высоки, стройны, черноволосы, по большей части блѣднолицы. И во множествѣ самыхъ красивыхъ женщинъ, конечно, нельзя было не замѣтить величественной красоты моей очаровательной подруги.

Въ многолюдномъ городѣ, какъ Мюнхенъ, красота Наимы заставляла впрочемъ насъ искать уединенія и рѣдко показываться въ публикѣ. Когда мы были въ театрѣ, Наима обратила на себя общее вниманіе, бинокли постоянно обращались къ нашей ложѣ, а при выходѣ насъ сопровождала цѣлая толпа. Какъ ни льстило моему самолюбію поклоненіе красотѣ Наимы, признаюсь, оно иногда мнѣ было не совсѣмъ пріятно.

X. Италія.

Изъ Мюнхена на Инспрукъ отправились мы въ Верону. Дорогой любовались чудными видами Тироля, отъ которыхъ нерѣдко приходили въ совершенный восторгъ. Пріѣхали въ Верону раннимъ весеннимъ утромъ и остановились на обширной площади, украшенной двумя мраморными фонтанами и превосходно вымощенной большими плитами. Покуда переносили наши вещи въ гостинницу, мы вышли погулять; рынокъ только что открылся, многолюдная оживленная толпа покупателей и продавцевъ наполнила площадь. Меня поразилъ необыкновенно большой размѣръ овощей, которыя очищались и мылись у фонтановъ торговками и крестьянками. По нимъ можно было уже судить о производительности италіянской почвы.

Осмотрѣвъ знаменитый циркъ и другія достопримѣчательности Вероны, мы проѣхали на другой день чрезъ Падую, остановились въ ней на два часа, чтобы пообѣдать и взглянуть на саfе Педрокки, а на третій день были въ Венеціи.

Въ Венецію пріѣхали утромъ; подъѣзжая, мы увидѣли издали большую гондолу, всю покрытую чернымъ сукномъ. На вопросъ мой: не похороны-ли это? мнѣ отвѣтили, что въ Венеціи всѣ гондолы оббиваются всегда чернымъ сукномъ, по распоряженію правительства республики, сдѣланнаго давно для ограниченія роскоши, вкравшейся въ нравы венеціанцевъ, тратившихъ большія суммы на украшеніе своихъ гондолъ золотой рѣзьбой, богатыми матеріями и парчей. Тутъ-же мнѣ сообщили, что въ прежнее время насчитывали въ Венеціи до 30,000 гондолъ а теперь нѣтъ и тысячи. Въ день нашего пріѣзда назначенъ былъ большой національный праздникъ, называемый регатою. Этотъ праздникъ, состоявшій въ гонкѣ гондолъ, былъ любимымъ развлеченіемъ венеціанцевъ; но въ теченіи многихъ лѣтъ австрійское правительство не дозволяло устроивать регату, и разрѣшило въ первый разъ только въ 1843 году. Стеченіе народа было громадное, наѣхало столько итальянцевъ, желавшихъ принять въ немъ участіе, прибыло такъ много путешественниковъ и иностранцевъ, что всѣ гостинницы были переполнены. Мы долго блуждали по Венеціи, покуда нашли помѣщеніе. Задолго до пріѣзда Наимы въ Дрезденъ, я заговорилъ однажды съ Липинскимъ о путешествіяхъ и о желаніи моемъ поѣхать со временемъ въ Италію; онъ далъ мнѣ нѣсколько адресовъ, въ числѣ ихъ былъ адресъ синьоры Грассо, содержательницы меблированныхъ комнатъ въ Венеціи, на каналѣ Вознесенія, недалеко отъ площади св. Марка. Не найдя ни одного свободнаго номера въ гостинницахъ, я вспомнилъ объ адресахъ Липинскаго, и у синьоры Грассо мы нашли порядочную квартиру. Намъ отвели двѣ очень прилично меблированныя комнаты, и когда я спросилъ о цѣнѣ, синьора отвѣтила: по два цванцигера за комнату въ день регаты, а если останетесь нѣсколько дней, заплатите по цванцигеру. На наши деньги цванцигеръ равнялся тогда 20 копѣйкамъ серебромъ. Дешевизна во всемъ была необыкновенная въ Италіи, въ особенности въ Венеціи.

Наима устала отъ дороги и чувствовала себя не совсѣмъ хорошо; я хотѣлъ остаться съ нею цѣлое утро, но она упросила меня пойдти посмотрѣть регату и располагала уснуть тѣмъ временемъ.

Я направился къ большому каналу и получилъ мѣсто у палаццо Гримани. Весь каналъ былъ усѣянъ безчисленнымъ множествомъ гон-

долъ, гондольеры въ національныхъ костюмахъ; по срединѣ у мѣста, съ котораго долженъ былъ начаться бѣгъ, стоялъ знаменитый буценторъ, служившій во время республики для національныхъ праздненствъ и для обрученія вновь избираемаго дожа съ моремъ. Онъ былъ разсвѣченъ флагами. Всѣ дворцы по большому каналу, начиная отъ Ріальто, были украшены флагами, кусками матерій и коврами, висѣвшими изъ оконъ и балконовъ, наполненныхъ зрителями. Нѣсколько оркестровъ музыки помѣщалось въ отдѣльныхъ большихъ лодкахъ.

Регата продолжалась долго, восторженнымъ кликамъ и энтузіазму не было конца. Первая награда заключалась въ серебряномъ золоченомъ кубкѣ съ крылатымъ львомъ св. Марка на крышкѣ; вторая состояла изъ 300 гульденовъ, третья изъ 150 гульденовъ, а четвертая изъ чернаго поросенка въ красномъ ошейникѣ. Послѣ раздачи наградъ, я собирался уже отправиться домой, какъ услыхалъ подлѣ себя русскую рѣчь. Я очень обрадовался встрѣчѣ съ соотечественниками. То были: Ѳ. В. Чижовъ, профессоръ математики с.-петербургскаго университета, жившій нѣсколько лѣтъ въ домѣ г-жи Галаганъ въ качествѣ наставника ея сына, княгиня Трубецкая, помѣщица орловской губерніи съ племянникомъ Барщевскимъ, и баронесса Мантейфель. Съ Чижовымъ мы сошлись тотчасъ; онъ мнѣ очень понравился своимъ умомъ, привѣтливостью и простотою въ обхожденіи; живалъ въ Малороссіи, и у насъ нашлись общіе знакомые.

Княгиня Трубецкая пожилая дама, нервная, но довольно симпатичная; племянникъ ея блѣдный, худой Митрофанушка, путешествовавшій года три за границей и не выучившійся ни одному иностранному языку.

Баронесса Мантейфель, весьма милая и любезная дама, страдала потерей голоса, провела всю зиму въ Венеціи и стала съ весны говорить довольно громко.

Нашу я засталъ еще спящею. Сонъ возстановилъ ея силы и мы отправились обѣдать къ русскому повару, содержавшему тогда ресторанъ въ Венеціи. Мимоходомъ посѣтили площадь св. Марка и были въ восторгѣ отъ этой великолѣпной залы безъ потолка; стѣнами служила церковь св. Марка и зданія прокуративъ; въ верхнихъ этажахъ про-

куративъ помѣщались правительственныя учрежденія, а нижніе съ аркадами всѣ заняты были магазинами. Вечеръ провели мы на площади св. Марка, которая при освѣщеніи показалась намъ еще красивѣе, чѣмъ днемъ. Безчисленное множество гулявшихъ, нѣсколько оркестровъ превосходной музыки, оживленное движеніе массъ, неумолкаемый говоръ напоминали старое счастливое время венеціанской республики, изрѣдка только взоръ былъ непріятно поражаемъ появленіемъ бѣлаго австрійскаго мундира и вслѣдъ за нимъ до слуха долетало энергическое: Tedesco maledetto. Женщины почти всѣ были въ черномъ, у большинства на головахъ черное кружевное покрывало. Позднимъ вечеромъ возвратились мы домой.

На другой день хозяйка предложила намъ еще компату и мы помѣстились очень удобно. Венеція намъ такъ понравилась, что мы пробыли въ ней три недѣли, осмотрѣли въ подробности всѣ достопримѣчательности, какъ художественныя, такъ и историческія; бывали въ фениче, гдѣ шли весьма недурно итальянскія оперы; ежедневно разъѣзжали въ гондолахъ при пѣніи гондольерами стансовъ Петрарки; вечера по большей части проводили или въ театрѣ или на площади св. Марка.

Въ каждомъ большомъ городѣ болѣе или менѣе видишь постройки новыхъ домовъ; въ Венеціи, напротивъ, старые, необитаемые быстро разрушаются; по количеству тогдашняго народонаселенія домовъ было слишкомъ много, и печальный видъ развалинъ представлялся часто въ отдаленныхъ частяхъ Венеціи. Старинныя знаменитыя фамиліи обѣднѣли и великолѣпные ихъ дворцы опустѣли. Мраморныя и бронзовыя украшенія проданы и вывезены, преимущественно англичанами. Одними картинами венеціанцы дорожили и не смотря на соблазнительныя предложенія, рѣдко продавали ихъ. Лучшіе palazzo были заняты или почтамтомъ или полиціей и другими учрежденіями, а нѣкоторые обращены въ казармы. Ни въ одномъ изъ нихъ не осталось древняго богатаго убранства, но наружность, по большей части мраморная разныхъ цвѣтовъ, поражала своею грандіозностью и оригинальностью неправильной, но изящной архитектуры. Дворцы большаго канала: Фоскари, Пизани, Гримани, Мочениго, Вальморана, Пезаро, Вендраминъ, Кон-

реръ, Манфриръ и Каза-Доро представляли собою поразительное сочетаніе богатства, вкуса и искусства.

Дворецъ дожей, выходящій главнымъ фасадомъ на Піацетту, верхъ зодческаго своеобразнаго таланта. Нигдѣ нѣтъ симметріи, вездѣ неправильности, а между тѣмъ общій видъ удовлетворяетъ вполнѣ чувству изящнаго. Церковь св. Марка и другія заключаютъ въ себѣ сокровища живописи и ваянія. Прибавьте къ этому историческія воспоминанія, встрѣчающіяся на каждомъ шагу, полное величія, таинственности и романтизма прошедшее республики; загляните въ залу совѣта десяти, въ ньомбы и подземелья, пройдитесь по ponte del sospiri, взойдите на лѣстницу гигантовъ съ львиной пастью, куда бросали доносы, и воображенію вашему живо представятся: Дондоло Зено, Маринофальеро Фоскари, Мочениго и та поэтическая Венеція, о которой вы такъ много слышали, читали и мечтали. Было-ли это особеннымъ настроеніемъ души въ самые счастливые дни моей молодости, или дѣйствительно Венеція заключала въ себѣ чарующую прелесть прошлаго, былаго, дѣло въ томъ, что ни одинъ городъ никогда не производилъ на меня такого глубокаго впечатлѣнія, какъ прекрасная царица Адріатики.

Въ пятницы, по вечерамъ, когда Наима оставалась дома одна, я посѣщалъ моихъ соотечественниковъ и бывалъ чаще другихъ у Э. В. Чижова; онъ готовился писать исторію искусствъ, начавъ съ живописи; изучалъ картины Тиціана и Поля Веронезе и ходилъ ежедневно въ библіотеку дворца дожей читать сочиненія, касавшіяся живописи, дѣлалъ изъ нихъ выписки и приготовилъ уже довольно матеріала для своего труда. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ предъ отъѣздомъ изъ Венеціи я отправился къ княгинѣ Трубецкой, жившей на большомъ каналѣ подлѣ сада dóro, нашелъ тамъ баронессу Мантейфель, Чижова, Эппингера, русскаго художника, и пѣвицу Фреццолини, начинавшую въ фениче свою блестящую артистическую карьеру. Послѣ довольно продолжительнаго и оживленнаго разговора о національностяхъ, въ которомъ я отождествлялъ велико и мало-русскую, вопреки мнѣнію Чижова, мы занялись музыкой. Фреццолини пѣла аріи изъ »Лучіи« и »Пуританъ«, я ей аккомпанировалъ, потомъ попросили меня импровизировать.

Чудная весенняя ночь, синее венеціанское небо, полная луна, освѣщавшая своимъ блѣднымъ сіяніемъ великолѣпные мраморные дворцы, отражавшіеся въ тихомъ невозмутимомъ каналѣ, изрѣдка плавно скользившія по гладкой поверхности водъ гондолы, освѣщенныя краснымъ пламенемъ факеловъ, разлука, хотя и очень кратковременная, но вынужденная съ Наимой, невозможность познакомить съ нею моихъ соотечественниковъ и ввести въ ихъ кругъ подъ моимъ именемъ, и поэтично и грустно настроили меня; я сѣлъ за фортепьяно и въ звукахъ вылилось состояніе моего духа. Никогда не любилъ я такъ страстно, давно не игралъ я съ такимъ чувствомъ и увлеченіемъ: образъ Наимы одушевлялъ меня, глубокая взаимная привязанность неразрывно связывала насъ; но на этомъ счастливомъ, безмятежномъ горизонтѣ появлялись въ мысляхъ моихъ темныя тучи: врожденная совѣстливость постоянно тревожила меня и нерѣдко вызывала глубокое сожалѣніе о томъ, что я позволилъ себѣ воспользоваться увлеченіемъ Наимы и поставленъ въ необходимость скрывать отъ знакомыхъ наши отношенія, чистыя предъ небеснымъ Сердцевѣдцемъ, но преступныя предъ условіями общественной жизни. Поэтому въ импровизаціи моей къ нѣжному изліянію любви примѣшивалось и волновавшее, потрясавшее чувство неопредѣленной тревоги; вмѣстѣ съ мелодіями, дышавшими прелестью весенней итальянской ночи, звучали рѣзкіе диссонансы душевной невзгоды. Никогда не забуду этого вечера; онъ мнѣ памятенъ по музыкальному вдохновенію. Когда я кончилъ, Фрецколини подошла ко мнѣ и пожимая руки сказала, что не ожидала найти въ скромномъ любителѣ замѣчательнаго артиста; всѣ были въ восторгѣ отъ моей игры, я тоже остался совершенно доволенъ моей импровизаціей. Далеко за полночь мы разстались.

Высоко взошло солнце, когда я проснулся послѣ описаннаго вечера. Вхожу къ Наимѣ и застаю ее въ утреннемъ неглиже. Она была блѣднѣе обыкновеннаго, и говорила, что чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо. Я старался ее успокоить и отправился за докторомъ. Лучшій въ то время въ Венеціи докторъ Z. изъ Падуи, разспросивъ Наиму, объявилъ, что ничего особеннаго нѣтъ въ состояніи ея здоровья и что маленькіе припадки слабости происходятъ отъ весьма обыкновенной у молодыхъ дамъ причины.

Печалиться или радоваться? — въ этомъ состоялъ вопросъ. Сначала мнѣ взгрустнулось; но вскорѣ радостное чувство овладѣло мною, мысль, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ узы наши скрѣпятся еще болѣе залогомъ нашей любви, успокоивала меня; надежда, что сдѣлавшись матерью, Наима станетъ уступчивѣе въ религіозномъ отношеніи и дастъ возможность повести ее къ алтарю, лелѣяла, услаждала меня.

Съ большимъ сожалѣніемъ разстались мы съ Венеціей; чрезъ Падую отправились въ Болонью, гдѣ пробыли день, оттуда во Флоренцію; тамъ прожили недѣлю, чтобы внимательно осмотрѣть произведенія искусствъ древней столицы Тосканы.

Флоренція съ перваго взгляда не представляетъ ничего особеннаго, но вглядитесь внимательно въ этотъ средневѣковой италіанскій городъ, и онъ васъ заинтересуетъ въ высшей степени. Осмотрите соборъ S-ta Maria del Fiore съ громадной башней колокольни, церковь св. Іоанна Крестителя съ бронзовыми вратами, о которыхъ Микель Анжело сказалъ, что онѣ достойны служить вратами рая, церковь св. креста, св. Маріи (Novella), названной Микелемъ Анжело невѣстой, старый дворецъ на площади Синьоріи, дворцы Рикарди, преторіи, Uffizi, Питти съ безчисленными галереями, заключающими въ себѣ картины и статуи знаменитѣйшихъ художниковъ всѣхъ странъ и временъ, въ томъ числѣ Венеру Медичійскую, и въ памяти вашей воскреснутъ гвельфы и гибелины, Висконти, Медичи, Каппони, Строцци, а чувство изящнаго вполнѣ будетъ удовлетворено созерцаніемъ лучшихъ произведеній архитектуры, живописи и скульптуры. По нимъ вы прослѣдите исторію развитія искусствъ; въ особенности съ благовѣніемъ остановите вниманіе ваше на геніальныхъ образцахъ живописи безсмертныхъ италіянскихъ художниковъ, начиная съ Чимабуэ и Жіото и кончая Рафаэлемъ, Леонардо да Винчи, Поль Веронезомъ, Тиціаномъ, Корреджіо.

Часто гуляли мы въ Кашине (Cascine), превосходномъ паркѣ Флоренціи, въ саду Боболи, посѣтили нѣсколько окрестныхъ виллъ, утопающихъ въ роскошной растительности; множество цвѣтовъ, до которыхъ Наима была большая охотница, ацалеи, рододендры и камеліи въ грунту, на открытомъ воздухѣ, доставляли намъ новыя и самыя пріятныя ощущенія.

Въ Флоренціи было нѣсколько русскихъ, но я избѣгалъ знакомства съ ними, чтобы не поставить себя въ затруднительное положеніе на счетъ Наимы. Познакомился съ извѣстнымъ въ Италіи С., акварельнымъ портретистомъ; онъ нарисовалъ портретъ Наимы, отличавшійся необыкновеннымъ сходствомъ и превосходной отдѣлкой, и мой—менѣе удачный. На замѣчаніе мое въ этомъ отношеніи, артистъ отвѣтилъ, что и въ дѣлѣ снятія портрета необходимо вдохновеніе и что портретъ синьоры вышелъ такъ хорошъ, благодаря чувству изящнаго, возбужденному въ немъ ея наружностью, которая служитъ вѣрнымъ выраженіемъ идеи прекраснаго.

Изъ Флоренціи мы отправились въ Ливорно, и на другой день на пароходѣ въ Чивита-Веккію. Какъ ни непріятно было мнѣ воспоминаніе о путешествіи моремъ изъ Петербурга въ Любекъ, однакожъ я рѣшился на непродолжительное плаваніе по морю въ благопріятное время года. И дѣйствительно, плаваніе наше по Средиземному морю было вполнѣ благополучно.

Изъ Чивита-Веккіа поѣхали въ Римъ съ ветурино. Этотъ способъ путешествія весьма пріятенъ; дѣлается съ ветуриномъ письменное условіе, въ которомъ опредѣляется время доставки по назначенію, плата за комнаты для ночлега, за завтракъ и обѣдъ и за мѣсто въ экипажѣ. Въ обезпеченіе исправнаго исполненія условія ветурино даетъ задатокъ и по большей части везетъ и продовольствуетъ весьма не дурно. Совершая свои поѣздки постоянно по одному направленію, ветурино состоитъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ со всѣми трактирщиками, и доставляя имъ вѣрный заработокъ, получаетъ отъ нихъ за умѣренную цѣну для путешественниковъ и для себя удобное помѣщеніе и хорошій столъ. Иностранцамъ, не довѣрявшимъ этому способу путешествія и платившимъ ветурино только за мѣста въ экипажѣ, приходилось часто довольствоваться неудобными ночлегами и платить очень дорого за худшее продовольствіе. Ветурино обыкновенно останавливается днемъ часа на три, чтобы покормить лошадей и позавтракать, и на ночь съ 7 часовъ для обѣда и ночлега. Нѣчто въ родѣ нашего путешествія на долгихъ.

Мы наняли для себя трехмѣстную коляску и прибыли въ Римъ къ ночи, послѣ кратковременнаго, пріятнаго путешествія.

Переночевавъ въ одной изъ лучшихъ гостинницъ, раннимъ утромъ мы пошли осматривать вѣчный городъ; но вскорѣ убѣдились, что Риму нужно посвятить по крайней мѣрѣ недѣли двѣ, чтобы познакомиться вполнѣ съ его достопримѣчательностями. Какъ Венеція нравится красотой своихъ зданій, напоминающихъ собой богатства торговой республики, какъ Флоренція интересуетъ средневѣковымъ характеромъ своихъ построекъ, въ размѣрахъ относительно довольно скромныхъ главнаго города Тосканы, такъ Римъ поражаетъ громадностью, величіемъ, строгостью стиля и правильностью архитектуры, достойными столицы языческаго и христіанскаго міра. Все носитъ на себѣ печать владычества силы, богатства, искусства и ума.—Изъ міра языческаго достаточно указать на Пантеонъ и Колизей, въ которомъ помѣщается 100,000 зрителей; Пантеонъ и Колизей служатъ представителями временъ императоровъ; изъ міра христіанскаго—на церковь св. Петра и на Ватиканъ, памятники владычества и могущества папъ.—Нигдѣ искусство не проявило себя въ такой высокой степени совершенства, какъ въ Римѣ. Здѣсь сила художественнаго творчества достигла своего апогея. Съ каждымъ зданіемъ, съ каждою церковью связаны имена знаменитѣйшихъ художниковъ и всѣ почти безъ исключенія принесли Риму лучшую, совершеннѣйшую дань своей геніальности. Браманте, Рафаэль, Микель Анжело, Лагоріо, Фонтана, Мадерно были строителями; превосходные образцы древней скульптуры во множествѣ встрѣчаются въ галереяхъ Ватикана, въ числѣ ихъ Аполлонъ Бельведерскій; лучшія произведенія рѣзца Барнини, Росси, Кановы и Торвальдсена составляютъ принадлежность базилики св. Петра, украшенной великолѣпной мозаикой по рисункамъ знаменитыхъ художниковъ. Не говоря уже о ложахъ Рафаэля, его фрескахъ въ разныхъ церквахъ и дворцахъ, въ галлереѣ Ватикана, заключающей въ себѣ немного картинъ, но замѣчательныхъ по ихъ достоинству, вы видите Рафаэля: Благовѣщеніе, поклоненіе Волхвовъ, Введеніе во храмъ, Вѣру, Надежду и Милосердіе, Преображеніе на Ѳаворѣ, Мадонну de Foligno, Вѣнчаніе св. Дѣвы; Перуджино: св. Бенедикта, св. Флавію, Воскресеніе, св. Ночь, св. Дѣву

и святыхъ, Мурилло: поклоненіе Волхвовъ, Блуднаго сына, обрученіе св. Екатерины; Домипикино: св. Іеронима, Тиціана: св. Дѣву со святыми, Н. Пуссена: мученичество св. Эразма.

Въ палаццахъ Доріа, Колонны, въ виллѣ Фарнезини, Спады, въ Санта Маріа делла Паче и другихъ—сколько сокровищъ живописи и ваянія!

Однимъ словомъ, Римъ заключаетъ въ себѣ цѣлый міръ высокихъ художественныхъ произведеній.

Бывали на Корсо, посѣтили студію нашего талантливаго художника Иванова, писавшаго тогда свою картину: проповѣдь св. Іоанна Крестителя въ пустынѣ; слушали обѣдню въ Сикстинской капеллѣ. Богослуженіе великолѣпное, но обстановка и идолопоклонничество папѣ показались мнѣ не соотвѣтствующими святости совершаемаго таинства и христіанскому смиренію. Церковная музыка превосходна, оркестръ безукоризненный, голоса замѣчательные по своей звучности, пѣвучести и чистотѣ; но, признаюсь, стройное величественное пѣніе нашей православной церкви, по моему убѣжденію, стоитъ несравненно выше лучшей католической музыки; оно проникаетъ глубже въ душу и вызываетъ въ ней болѣе религіознаго чувства. Видѣли большую церемонію съ папой, въ день Corpus Domini. Несмѣтная толпа сопровождала ее; церемонія имѣла характеръ театральнаго представленія.

Въ Дрезденѣ оставилъ я мою віолончель; инструментъ былъ посредственный, и по объему своему могъ затруднять насъ въ путешествіи. Въ Римѣ, по случаю, за довольно сходную цѣну, я пріобрѣлъ великолѣпнаго Гварнерія. Останавливаясь въ нѣкоторыхъ городахъ на короткое время, не всегда можно было имѣть фортепьяно. Невозможность аккомпанировать Наимѣ и слышать ея пѣніе была для меня чувствительнымъ лишеніемъ въ жизни, полной счастья и самыхъ пріятныхъ развлеченій. Вновь пріобрѣтенная віолончель пополнила этотъ недостатокъ.

Кто-то сказалъ, что жить—это путешествовать; и дѣйствительно путешествіе въ классической странѣ искусствъ, съ ея чуднымъ мѣстоположеніемъ, превосходнѣйшимъ воздухомъ, синимъ небомъ и богатою южною растительностью было въ высшей степени пріятно. По вечерамъ,

усталые отъ осмотра достопримѣчательностей Рима, мы занимались музыкой. Гварнерій мой вторилъ звучному серебристому голосу Наимы, Наима мнѣ аккомпанировала на фортепьяно, когда пѣніе ее утомляло; часто разыгрывали мы съ нею разныя пьесы въ четыре руки, и въ томъ числѣ мою симфонію, въ которой Наимѣ особенно нравились: Andante и Scherzo.

Однажды мы отправились въ часть города, издавна населенную евреями. Наима щедрою рукою раздавала пособіе бѣднымъ; у одного дома, со двора, доносились до насъ звуки женскаго голоса, обратившіе наше вниманіе; мы вошли въ дворъ и увидѣли въ немъ старуху полулежавшую въ небольшой телѣжкѣ; старуха пѣла; унылый мотивъ ея пѣнія поразилъ меня своею оригинальностью, то была чисто еврейская мелодія темпа: allegro. Наима съ участіемъ распросила о ея болѣзни, старуха была разбита параличемъ; Наима надѣлила ее деньгами, а я попросилъ повторить мелодію. Возвратившись домой, я тотчасъ записалъ еврейскій мотивъ, подобралъ аккомпаниментъ, и въ тотъ-же вечеръ Наима исполнила его.

Изъ Рима мы поѣхали въ почтовой каретѣ въ Неаполь. Здѣсь испытывали впечатлѣнія другаго рода, но не менѣе пріятныя. Обращая менѣе вниманія на замѣчательныя богатства музея, осматривали въ высшей степени интересныя древности, отдавали должную дань восторга чудной природѣ и необыкновенно красивому мѣстоположенію Неаполя. Не даромъ сложилась италіянская поговорка: Veder Napoli, e poi morir. Мы остановились подлѣ Villa reale и въ первый разъ, что вышли на балконъ, были поражены великолѣпной картиной, представившейся нашимъ взорамъ. Представьте себѣ въ далекѣ дымящійся Везувій, отдѣленный отъ города лазурнымъ неаполитанскимъ заливомъ, усѣяннымъ множествомъ кораблей, лодокъ и пароходовъ у берега, на которомъ дугообразными уступами амфитеатра возвышается Неаполь и утопаетъ съ своими бѣлыми зданіями въ зелени садовъ самой роскошной растительности; и строенія и сады отражаются въ зеркальной поверхности водъ, принимающихъ синій цвѣтъ южнаго итальянскаго неба; прибавьте къ этому яркое освѣщеніе неаполитанскаго солнца, и не удивитесь, если я вамъ скажу, что болѣе двухъ часовъ любовались мы

этой восхитительной картиной. Никогда нигдѣ я не видывалъ ничего подобнаго.

Побывали мы въ Казертѣ, Позилипо, Пуццоли, Байѣ, Сорренто, въ монастырѣ св. Мартина, откуда открывается превосходный видъ на Неаполь; всходили на Везувій, посѣтили Геркуланумъ и Помпею. Часто гуляли по многолюдной толедской улицѣ и на набережныхъ Неаполя, и очарованные этимъ городомъ и его окрестностями отправились на пароходѣ въ Геную.

Съ моря Генуя представляетъ видъ величественный, поражаетъ красотою и громадностью своихъ зданій, построенныхъ амфитеатромъ. Университетъ, палаццо Андрео Доріа, королевскій дворецъ, палаццо Бриньола и другіе замѣчательны своей архитектурой, великолѣпными лѣстницами и входами. Но всмотрѣвшись ближе въ Геную, вы разочаруетесь; переходъ отъ возвышеннаго, идеально-прекраснаго къ грязной дѣйствительности слишкомъ рѣзокъ: узкія, темныя, зловонныя улицы, нечистота, превосходящая всякое вѣроятіе, и зараженный гнилью воздухъ произведутъ самое непріятное впечатлѣніе. Издали, снаружи, Генуя дѣйствительно заслуживаетъ названія: superbo, даннаго ей итальянцами; вблизи, въ подробностяхъ, какъ городъ, она ниже всякой посредственности. Это великолѣпная декорація, на которую нужно смотрѣть съ извѣстнаго разстоянія.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Генуѣ, мы отправились чрезъ Александрію въ Миланъ.

Въ Миланѣ больше всего обратилъ на себя вниманіе наше соборъ — чудо современнаго зодчества. Весь изъ бѣлаго мрамора, чисто готической архитектуры, съ безчисленнымъ множествомъ башенъ и шпилей, украшенныхъ тончайшею кружевной рѣзьбой изъ мрамора, и съ пятью тысячами статуй, разставленныхъ снаружи у стѣнъ, на столбахъ, въ нишахъ и по крышѣ. Внутренность собора строгая и величественная; остроконечные своды поддерживаются гигантскими столбами въ четыре ряда вдоль всего зданія; но соборъ внутри не былъ еще вполнѣ оконченъ, казался совершенно пустымъ и не соотвѣтствовалъ внѣшности. Площадь, окружающая соборъ, не велика и до того стѣснена домами, что нѣтъ возможности осмотрѣть соборъ со всѣхъ сто-

ронъ. Для такого зданія необходимо болѣе простора, но не думаю, чтобы австрійское правительство, или городское управленіе рѣшилось затратить большія суммы на увеличеніе площади посредствомъ ломки домовъ.

Каждый день на Корсо съ 6 до 8 часовъ вечера бывало гулянье; многочисленная пестрая толпа, музыка, множество экипажей, всадниковъ, пѣшеходовъ, нарядныхъ дамъ и кавалеровъ оживляли это любимое гулянье миланцевъ. Мы нѣсколько разъ туда ѣздили и издали любовались подвижной панорамой. Посѣтили два раза la Scala, самый большой театръ въ Европѣ; составъ оперы былъ посредственный.

Изъ Милана мы наняли ветурино до Женевы, чтобы вдоволь насмотрѣться на прекрасные виды сѣверной Италіи и южной Швейцаріи. Поѣздка должна была совершиться въ девять дней. Останавливались въ Сесто Календе и Аронѣ, мѣстностяхъ замѣчательныхъ превосходными видами. На Лаго Маджіоре мы пробыли почти цѣлый день и успѣли въ подробности осмотрѣть Борромейскіе острова. Подъѣзжая къ Isola bella, издали къ намъ долеталъ упоительный запахъ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ; весь островъ — великолѣпная вилла, принадлежащая фамиліи Борромеевъ. Превосходный палаццо съ большой террасой, отличный садъ съ разными растеніями и колоссальная бронзовая статуя святого Борромея — вотъ достопримѣчательности Изола белла. Онъ намъ такъ понравился, что мы пробыли на немъ очень долго. Посѣтили Изола Мадре и Пескіера и очарованные нашею прогулкой по озеру возвратились въ гостинницу. Далѣе Домо д'Оссола, небольшая деревушка, произвела на насъ самое пріятное впечатлѣніе своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ.

Здѣсь нужно было проститься съ дорогой намъ Италіей; мнѣ крѣпко взгрустнулось. Въ продолженіи всего путешествія по Италіи мы встрѣчали вездѣ не только готовность къ услугамъ и рѣдкую добросовѣстность, но сердечное участіе, радушіе и дружеское расположеніе. Не говоря о лицахъ, принадлежащихъ къ высшимъ слоямъ общества, съ которыми приходилось встрѣчаться, не могу пройти молчаніемъ содержателей и содержательницъ меблированныхъ комнатъ, трактирщиковъ, прислуги, ветурино. Нигдѣ не было пререканій, излишнихъ требованій, неудовольствія. Въ Венеціи синьора Грассо ухаживала за На-

имой, какъ сестра, и когда я ей предложилъ денежное вознагражденіе, она обидѣлась и отвѣтила: »расположеніе и дружескія услуги не продаются«; едва, едва упросила ее Наима принять отъ нее подарокъ на память. Во Флоренціи, въ гостинницѣ мнѣ понадобилось однажды отдать слугѣ сюртукъ, чтобы пришили случайно оторванную пуговицу; въ карманѣ сюртука я забылъ бумажникъ съ 200 лирами. Чрезъ полчаса лакей принесъ сюртукъ и отдалъ бумажникъ съ деньгами, присовокупивъ, что не слѣдуетъ оставлять деньги въ карманахъ отдаваемаго платья. Въ Неаполѣ я долго искалъ между моими вещами золотую съ жемчугомъ булавку и не найдя, считалъ потерянною; представьте мое удивленіе, когда прачка, принесшая бѣлье, вручила мнѣ булавку, объявивъ, что нашла воткнутою въ рубаху, и посовѣтовала быть внимательнѣе къ вещамъ извѣстной цѣнности.

Сколько счастливыхъ дней провели мы въ Италіи! Глубокая взаимная привязанность несомнѣнно дѣлаетъ насъ счастливыми; возбужденная чудной природой юга, высокими произведеніями искусствъ она переноситъ въ тотъ міръ блаженства, который рѣдко бываетъ доступенъ человѣку. Никогда не изгладится изъ памяти моей время, проведенное въ Италіи, всегда съ искреннѣй признательностью буду вспоминать благодатную страну и поминать добромъ ея честныхъ, добродушныхъ и симпатичныхъ обитателей.

XI. Швейцарія.

Подъемъ на Семплонъ былъ продолжительный и утомительный. Къ парѣ, везшей насъ изъ Милана, пристегнули третью лошадь, и мы шагомъ взбирались на гору по дорогѣ, устроенной Наполеономъ во время войнъ съ Италіей. Стало очень холодно, мы нѣсколько разъ вставали изъ экипажа, чтобы согрѣться, слѣдуя за нимъ пѣшкомъ. Нависшія скалы, покрытыя снѣгомъ и льдомъ, дикая тощая растительность на склонахъ утесовъ, сѣрое покрытое густыми облаками небо вызвали въ насъ ощущенія не совсѣмъ пріятныя. Наконецъ мы прибыли въ hospice на вершинѣ Семплона; положеніе этого странноприимнаго монастыря прекрасное; видъ дикій, угрюмый, но величественный на проходъ про-

тивъ Бернскихъ Альпъ и на Шенгорнъ. Зданіе монастыря огромное въ четыре этажа, основанное Наполеономъ 1 и оконченное С. Бернардскими монахами августинскаго ордена. Семплонскій монастырь принимаетъ ежегодно отъ 10-ти до 12,000 путешественниковъ. Покуда лошади отдыхали и кормились, мы согрѣлись въ теплой комнатѣ у большого камина, и услужливые монахи угостили насъ горячимъ супомъ, говядиной, отличнымъ виномъ и превосходнымъ хлѣбомъ, въ родѣ нашего ржанаго; уѣзжая мы положили въ монастырскую кружку плату за угощеніе; бѣдные получаютъ общій столъ даромъ.

Съ вершинъ Семплона стали спускаться довольно медленно и благополучно пріѣхали въ Мартиньи. Здѣсь природа оживилась; свѣтлая зелень долины, быстрые потоки съ горъ, яркое солнце и теплая температура воздуха позволили намъ вздохнуть свободнѣе. Гостепріимная и любезная хозяйка отвела намъ лучшее помѣщеніе своей гостинницы и угостила весьма недурно.

Отдохнувъ въ Мартиньи, мы отправились въ Шамуни. Эта чудная долина у подножья Монблана произвела на насъ самое пріятное впечатлѣніе; но взбираться на Монбланъ мы не заблагоразсудили и продолжали путешествіе до Женевы.

Въ Женевѣ случилось со мной происшествіе, не совсѣмъ пріятное. Разсчитавъ время моего прибытія въ этотъ городъ, я просилъ отца моего выслать деньги для дальнѣйшаго путешествія въ Женеву. Пріѣхавши, отправляюсь на почту: ни письма ни денегъ. Между тѣмъ нужно было заплатить ветурино; кромѣ задатка, имъ мнѣ даннаго, у меня не было денегъ. Пришлось просить ветурино подождать до завтра. На другой день тотъ-же отвѣтъ на почтѣ. Цѣнныхъ вещей со мной не было, къ капиталу Наимы я не хотѣлъ обращаться. Въ вечеру ветурино приходитъ за разсчетомъ, объявивъ, что нашелъ путешественниковъ для обратной поѣздки въ Миланъ и ждать далѣе не можетъ. Нечего дѣлать, какъ ни совѣстно, нужно было объяснить Наимѣ мое затруднительное положеніе. »Какъ тебѣ не стыдно, сказала она, не предупредить меня объ этомъ раньше, я твоя, вивсе мое-твое«.—»Я не хотѣлъ, отвѣтилъ я, трогать твоего капитала«.—»Въ этомъ и надобности нѣтъ, возразила Наима. Лея при прощаньи подарила мнѣ на пу-

тешествіе и пополненіе моего гардероба десять тысячъ талеровъ изъ своихъ средствъ. Вотъ открытое письмо на извѣстныхъ банкировъ; возьми его, получи деньги, разсчитайся съ ветурино и оставь у себя остальныя«.—На глазахъ Наимы навернулись слезы; я пожалѣлъ, что огорчилъ ее излишнею деликатностью и не зналъ, какъ оправдаться. Ветурино конечно не остался въ накладѣ за отсрочку. На третій день нашего пребыванія въ Женевѣ, я получилъ ожидаемыя деньги и хотѣлъ возвратить взятыя у Наимы, но при первомъ объ этомъ словѣ Наима зажала мнѣ ротъ своей прелестной ручкой и объявила, что никогда не вступитъ въ денежные разсчеты со мною и что касса наша должна быть общею. Это было сказано такъ убѣдительно, что всякое возраженіе становилось невозможнымъ.

Видъ съ прибережной части города на женевское озеро очень хорошъ, но Женева вообще представляетъ мало интереса; довольно скучный и непривлекательный городъ. Ѣздили въ Ферней смотрѣть домъ Вольтера; ничего особенно замѣчательнаго. Въ одной изъ комнатъ стоитъ на пьедесталѣ урна, заключающая въ себѣ сердце фернейскаго философа, съ надписью: Son coeur est ici, son esprit est partout. Прошло много лѣтъ со времени этой надписи, и она сдѣлалась совершеннымъ анахронизмомъ: Вольтеровскій духъ улетучился, и слава Богу, подумалъ я.

На пароходѣ, по озеру, отправились мы въ Лозанну, осмотрѣвъ на пути Шильонскій замокъ; изъ Лозанны въ дилижансѣ въ Бернъ чрезъ Фрибургъ. Висячій мостъ у этого города приводилъ путешественниковъ въ восторгъ и казался чудомъ мостовой архитектуры. Гербъ Берна—медвѣдь, и онъ воспроизведенъ вездѣ: на бассонахъ экипажей, на столбахъ, на вывѣскахъ. Въ городѣ устроена большая яма, обложенная гранитомъ, въ которой помѣщается пара медвѣдей съ медвѣжатами; особый сторожъ ухаживаетъ за ними. Какъ сторожъ, такъ и медвѣди получаютъ содержаніе изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго для этой цѣли какою-то старой дѣвой. У подошвы горы, на которой раскинутъ Бернъ, протекаетъ Ааръ, на островѣ этой рѣки устроены ванны; видъ великолѣпный.

Изъ Берна мы поѣхали осмотрѣть самыя замѣчательныя мѣстности Швейцаріи: Интерлакенъ, озеро четырехъ кантоновъ, Риги и Шафгаузенскій водопадъ. Дикая, но величественная природа, голые каменистые утесы, снѣжныя вершины горъ съ ихъ ледниками, лѣса хвойныхъ деревьевъ, сохраняемыхъ въ первобытномъ состояніи для предохраненія жилищъ отъ обваловъ, безчисленное множество водопадовъ, зеленѣющія долины, оригинальные костюмы женщинъ, мѣняющіеся въ каждомъ кантонѣ, стада рогатого скота, рожокъ пастуха, извѣстный ranz des vaches, домики съ деревянною рѣзьбою и камнями на крышѣ, построенные на скалахъ надъ обрывами и глубокими оврагами, превосходно обдѣланныя поля, виноградники, необыкновенный эффектъ восходящаго и заходящаго солнца, облака, несущіяся у вашихъ ногъ,—все это въ высшей степени оригинально, привлекательно, грандіозно и поразительно хорошо.

На Базель мы проѣхали въ Страсбургъ.

XII. Франція.

Въ Страсбургѣ отдохнули два дня послѣ довольно утомительнаго путешествія по Швейцаріи. Осмотрѣли соборъ съ знаменитой колокольней; я спускался въ склепъ, гдѣ показываютъ необыкновенно хорошо сохранившееся въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій тѣло графа Саарбрюка; всходилъ на башню, чтобы полюбоваться видомъ на Страсбургъ. Послѣ Швейцаріи, гдѣ народонаселеніе некрасиво и не совсѣмъ любезно, въ Страсбургѣ мы поражены были учтивостью и миловидностью его жителей; особенно красивыми показались намъ молодыя дѣвушки, средняго класса, стройныя, довольно высокія съ выразительными глазами и темными роскошными волосами, обвивавшими подобно змѣямъ ихъ милыя головки длинными толстыми косами.

Изъ Страсбурга въ почтовомъ купе по превосходному шоссе отправились мы чрезъ Нанси въ Парижъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня Парижемъ, не соотвѣтствовало той идеѣ, которую я составилъ объ этомъ городѣ. Наима бывала тамъ прежде и увѣряла, что Парижъ мнѣ понравится и полю-

бится. Мы остановилось въ мѣстности мало отдаленной отъ Лувра, въ старинной улицѣ Coquillière, въ отелѣ того-же имени. Отель этотъ имѣлъ то удобство, что не выходилъ на улицу, а находился во дворѣ; зданіе отеля старинное въ стилѣ временъ Генриха IV; наше помѣщеніе состояло изъ трехъ комнатъ, хорошо меблированныхъ, съ коврами, бронзою и большими зеркалами; за это помѣщеніе мы платили 12 франковъ въ сутки. Table d'hôte, весьма удовлетворительный, съ виномъ обходился въ три франка съ персоны. Тотчасъ-же я пріискалъ фортепьяно и заплатилъ съ настройкою и переноскою на прокатъ 12 франковъ въ мѣсяцъ. Упоминаю объ этомъ, чтобы дать понятіе о дешевизнѣ, существовавшей въ то время въ Парижѣ.

Въ Парижѣ мы пробыли шесть недѣль и провели время въ высшей степени пріятно. Утромъ осмотръ достопримѣчательностей, послѣ обѣда спектакль или прогулка за городъ. Обѣдывали часто въ Palais Royal у Вери и Вефури или Frères Provençaux, посѣщали большую и комическую оперы, Одеонъ, Français, Palais-Royal, Водевиль и другіе театры. Тогда M-lle Rachel, трагическая актриса, производила фуроръ и дѣйствительно обладала необыкновеннымъ талантомъ; высокая, до нельзя худая, смуглая, съ характеристическими чертами лица и непомѣрно длинными руками, она не могла нравиться своей наружностью; но когда священный огонь страсти и геній искусства, доведеннаго до высшей степени совершенства, до натуральнаго проявленія чувства, одушевляли ее въ разгарѣ трагедіи, тогда Рашель становилась типично красивою и вызывала въ зрителяхъ неописанный восторгъ. Часто заставляли ее, по окончаніи представленія, декламировать извѣстную Marseillaise съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукахъ. И тутъ она производила потрясающее впечатлѣніе и такъ наэлектризовывала публику, что случись какой нибудь поводъ къ возстанію, вся толпа зрителей отправилась-бы немедленно на баррикады въ hôtel de Ville или бросилась-бы на министерства.

Не было во Франціи правительства болѣе либеральнаго и разумнаго, какъ правительство Луи-Филиппа. Этотъ буржуа—король зналъ хорошо французовъ и въ особенности парижанъ, и поэтому все, что могло быть имъ пріятнымъ, было дозволено. Даже шумныя проявленія въ

театрахъ, на сходки на улицахъ, на ораторства въ ресторанахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ смотрѣли снисходительно, и парижане были довольны, считая себя вполнѣ свободными и счастливыми. И въ самомъ дѣлѣ благосостояніе Франціи достигло своего апогея во всѣхъ отношеніяхъ въ этотъ періодъ времени: никогда производительность и торговля этой богатой страны не давала такихъ блистательныхъ результатовъ, никогда промышленность большихъ городовъ не достигала такого развитія. Плодоносная почва Франціи производитъ лучшіе сорта хлѣбовъ, кормовыхъ травъ, самыя тонкія вина и водки, превосходные фрукты. Лучшаго качества дичь и рыба составляютъ принадлежность лѣсовъ и водъ Франціи, щедро надѣленной всѣми благами земными. Но и въ интеллектуальномъ отношеніи Франція превосходила другія европейскія государства. На поприщѣ наукъ и литературы подвизались тогда такія личности, какъ: Кузенъ, Вильменъ, Тіерри, Барантъ, Ройе—Колларъ, Амперъ, Кювье, Лапласъ, Шатобріанъ, Тьеръ, Гизо, Мишле, Ламартинъ, Викторъ Гюго, Бальзакъ, Альфонсъ Карръ, Фридерикъ Сулье, Александръ Дюма, Беранже, Жюль Жаненъ, Жирарденъ.

Музыка также процвѣтала: оперы Мейербеера, Галеви Обера были писаны для парижской сцены и исполнялись превосходно. Парижская консерваторія была лучшею въ Европѣ, а оркестръ ея подъ управленіемъ Габенека не имѣлъ нигдѣ себѣ подобнаго. Исполненіе Бетховенскихъ симфоній было безукоризненно.

Въ какихъ-бы кружкахъ вы ни вращались, вездѣ находили людей образованныхъ; говорили о политикѣ, наукахъ, литературѣ, искусствахъ, и изъ самаго обыденнаго разговора вы выносили идеи и понятія. Безспорно можно сказать, тогдашній Парижъ былъ центромъ умственной дѣятельности. Меня много занимали историческіе памятники Парижа и я осмотрѣлъ ихъ въ подробности; на осмотръ Лувра съ галлереями посвятилъ нѣсколько дней. Загородные дворцы также привлекли наше вниманіе и мы побывали въ Версали, Тріанонѣ, Сенклу Мальмезонѣ и Фонтенебло. Чтобы познакомиться съ мѣстными нравами, обѣдалъ однажды у Франконо за 15 су (три блюда съ виномъ), посѣтилъ: Mabile, Chaumière, Chateau des fleurs.

Наима пріобрѣла нѣсколько предметовъ для своего туалета, я пополнилъ свой гардеробъ у знаменитаго портного Human'a; все было превосходнаго качества и по цѣнамъ болѣе, чѣмъ умѣреннымъ. Сдѣлали также значительный запасъ книгъ; въ числѣ ихъ только что вышедшее сочиненіе Кюстина: La Russie et les Russes. Въ Парижѣ не имѣли времени читать и отложили книги для дальнѣйшаго путешествія. Наима была права. Парижъ меня очаровалъ и я увезъ о немъ самое пріятное воспоминаніе. Сколько позднихъ интимныхъ радостныхъ вечеровъ провели мы въ нашемъ отелѣ подъ вліяніемъ видѣннаго и слышаннаго въ теченіи дня. Знакомыхъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, у насъ не было, встрѣчались за table de hôte, у ресторановъ, на гуляньяхъ съ нѣкоторыми личностями, раскланивались, разговаривали и только. Да и надобности не было въ болѣе близкихъ знакомствахъ: мы были такъ счастливы, мы такъ любили другъ друга.

Изъ Парижа отправились въ Calais, Дувръ и Лондонъ; переѣздъ былъ довольно скорый и благополучный.

XIII. Лондонъ, Голландія, Бельгія.

Лондонъ поразилъ насъ своею громадностью и необыкновенною дѣятельностію. Въ Парижѣ мы встрѣчали на бульварахъ толпы уличныхъ зѣвакъ; въ Лондонѣ всюду гораздо больше движенія, но движеніе другаго рода. Прогуливающихся немного, все дѣловые люди, бѣгущіе къ своимъ занятіямъ. Время — деньги у англичанъ, и они не тратятъ его даромъ. Парижъ смотритъ кокетливѣе, чопорнѣе Лондона; въ Лондонѣ всѣ почти зданія почернѣли отъ тумановъ и дыма. Но нигдѣ не видѣлъ я такой роскошной растительности, какъ здѣсь, густые яркіе газоны, великолѣпныя деревья; парки и скверы — верхъ совершенства.

Нигдѣ не встрѣчалъ я впрочемъ такого поразительнаго контраста между величайшею роскошью и необыкновенною бѣдностью. Нигдѣ не наталкивался на такія возмутительныя проявленія нищеты и растлѣнія нравовъ, какъ въ Лондонѣ.

Въ Лондонъ мы пріѣхали въ разгаръ лѣтняго сезона, когда городъ бываетъ оживленъ болѣе обыкновеннаго. Часто посѣщали итальянскую оперу; составъ ея былъ лучшій изъ всѣхъ, которые мнѣ когда нибудь случалось слышать. Лаблашъ, Рубини, Тамбурини, Маріо Гризи, Персіани—вотъ имена, которыя появлялись на афишахъ того времени. Мы слышали Норму, Пуританъ, Вильгельма Теля и Лучію. Артистическое исполненіе не оставляло ничего болѣе желать и приводило всѣхъ въ восторгъ.

Обозрѣвъ въ теченіи десяти дней все, что заслуживало особаго вниманія, мы на пароходѣ отправились въ Роттердамъ.

Плаваніе было удачное, и мы вскорѣ очутились въ оригинальной Голландіи.

Осушенныя озера, безконечныя плотины, изъ нихъ нѣкоторыя поражающія своею вышиной и протяженіемъ; множество вѣтряныхъ мельницъ, плоскость почвы, однообразіе видовъ, безвкусіе построекъ, грубость и безобразіе жителей,—вотъ впечатлѣнія, произведенныя на насъ Голландіей при первомъ съ нею знакомствѣ. Но познакомившись ближе съ этой страной, нельзя было не отдать полной справедливости предпріимчивости, настойчивости и терпѣнію голландцевъ. Выйти побѣдителями изъ борьбы за существованіе съ грозной стихіей, удержать ее въ должныхъ границахъ, обратить въ плодоносную почву болота и озера, освободиться отъ ига испанцевъ и сдѣлаться независимой богатою морской державой,—вотъ результатъ стойкости и непреклонной воли голландцевъ.

Изъ Роттердама мы поѣхали въ Гаагу, изъ Гааги очень тихо по единственной тогда въ Голландіи желѣзной дорогѣ въ Гарлемъ. Гигантское предпріятіе осушенія гарлемскаго озера уже было начато въ то время. Изъ Гарлема въ Амстердамъ и Утрехтъ. Гаага новый городъ и не представляетъ собою ничего особеннаго. Роттердамъ и Амстердамъ обратили наше вниманіе своими старинными постройками, каналами и муравьиною торговою дѣятельностью. Утрехтъ старинный, чисто средневѣковый городъ.

Страсть къ чистотѣ вездѣ въ Голландіи доходитъ до смѣшнаго. Мало того, что каждый день чистятъ и моютъ дворы и тротуары, не

рѣдко обмываютъ и обтираютъ швабрами дома снаружи. Чепчики и передники у женщинъ безукоризненной бѣлизны и всегда накрахмаленные, но покрываютъ такія формы и прелести, на которыя конечно не засмотришься. Подобнаго безобразія я нигдѣ не встрѣчалъ.

Изъ Голландіи поѣхали въ Бельгію, посѣтили Антверпенъ, Брюсель и Люттихъ; здѣсь типъ жителей совсѣмъ другой, и хотя бельгійцы и не очень красивы, но и не такъ уродливы, какъ голландцы. Въ Люттихѣ, въ отелѣ, за конторкой мы видѣли дѣвушку замѣчательно хорошенькую. Брюсель чисто французскій городъ, очень красивъ, представляетъ много удобствъ для путешественниковъ; изъ Люттиха мы проѣхали въ Кельнъ, провели тамъ сутки, осмотрѣли знаменитый соборъ и на пароходѣ сдѣлали очень пріятное путешествіе по Рейну мимо Бонна и Кобленца до Майнца. Изъ Майнца поѣхали во Франкфуртъ на Майнѣ. Большой и богатый Франкфуртъ былъ тогда еще свободнымъ городомъ. Изъ Франкфурта мы направились чрезъ Бибрахъ въ Висбаденъ. Въ Бибрахѣ останавливались, чтобы осмотрѣть великолѣпный дворецъ герцога Нассаускаго и превосходныя оранжереи. Въ Висбаденѣ пробыли дней десять и познакомились съ жизнію на водахъ.

XIV. Висбаденъ, переѣздъ чрезъ Францію.

Висбаденскій сезонъ 1843 г. былъ блестящій; множество иностранцевъ, въ особенности англичанъ, французовъ и русскихъ. Публичная игра въ рулетку и trente et quarante, весьма недурной французскій спектакль, балы въ курзалѣ, поѣздки за городъ, превосходныя гостинницы, отличный и обильный столъ за table d'hôte дѣлали пребываніе въ Висбаденѣ очень пріятнымъ.

Часто и подробно писалъ я моей дорогой матери, описывая мои путешествія и впечатлѣнія, производимыя на меня различными странами и художественными произведеніями, часто получалъ отъ нея умныя, проникнутыя искренней любовью письма, но не могъ рѣшиться извѣстить ее о настоящихъ моихъ отношеніяхъ къ Наимѣ. Писалъ впрочемъ изъ Дрездена еще, что мнѣ очень нравится дѣвица, соединяющая въ себѣ всѣ условія для того, чтобы сдѣлать меня счастливымъ и что я поль-

зуюсь ея внимательностью; о національности и религіи Наимы я умолчалъ. Изъ Парижа написалъ, что счастливая случайность соединила насъ въ путешествіи. Мать моя отвѣтила, что изъ писемъ моихъ усматриваетъ необыкновенную восторженность и заключаетъ, что я все вижу въ розовомъ цвѣтѣ, благодаря сильному сердечному увлеченію, и совѣтуетъ сдерживать пылъ моей привязанности. Въ письмѣ изъ Брюсселя я откровенно сознался въ увлечніи и въ полной взаимности. Описывая наружность Наимы, ея качества, я коснулся слегка ея состоянія и общественнаго положенія, сказавъ, что Наима принадлежитъ къ семейству почтенныхъ негоціантовъ и представляттъ для меня хорошую партію во всѣхъ отношеніяхъ. Въ Висбаденѣ получилъ отвѣтъ, дышавшій материнскою нѣжностью и любовью, но вмѣстѣ съ тѣмъ заключавшій и требованіе не дѣлать предложенія любимой мной особѣ и не жениться безъ разрѣшенія моихъ родителей, такъ какъ о женитьбѣ мнѣ рано еще думать, и во всякомъ случаѣ разрѣшеніе можетъ быть дано не раньше, какъ по возвращеніи моемъ изъ путешествія. Я поспѣшилъ успокоить мать мою обѣщаніемъ не дѣлать послѣдняго шага безъ ея согласія и благословенія...

Въ Висбаденѣ я испытывалъ иногда свое счастіе въ игрѣ: въ рулетку всегда проигрывалъ и пересталъ играть. Но rouge et noir была мнѣ благопріятнѣе: я постоянно выигрывалъ и въ концѣ концовъ увезъ изъ Висбадена выигранныхъ пятнадцать тысячъ франковъ. Между прочимъ я обязанъ случаю довольно крупнымъ выигрышемъ.

Въ числѣ лицъ игравшихъ я увидѣлъ даму, необыкновенно похожую на кузину К. Предполагая, что кузина въ Сибири, не вѣрилъ, что это она; но дама встаетъ, подходитъ ко мнѣ и беретъ меня въ сторону, чтобы поговорить. Моя ставка въ нѣсколько луидоровъ стояла на noir, я объ ней совершенно забылъ и пока разговаривалъ съ кузиной, сдѣлано было нѣсколько игоръ, мои луидоры оставались все на noir, которая прошла нѣсколько разъ; возвратившись къ своему мѣсту, я нашелъ кучу золота и пять свертковъ съ червонцами. Разговоръ съ кузиной принесъ мнѣ восемь тысячъ франковъ.

Оказалось, что кузина ѣздила въ Тобольскъ, не застала тамъ своего мужа и отправилась по его слѣдамъ въ Томскъ. Здѣсь они съѣхались,

провели одинъ день вмѣстѣ, какъ голубки, на другой разсорились и разъѣхались навсегда. Мужъ продолжалъ свою поѣздку въ Сибири, кузина направилась въ обратный путь и проведя нѣсколько дней въ Москвѣ и потомъ у себя въ деревнѣ, поѣхала за границу.

Игра въ Висбаденѣ начинается обыкновенно въ 11 часовъ утра. Къ тому времени чиновникъ приноситъ карты, запечатанныя герцогскою печатью. Крупье ихъ распечатывали, тасовали при многочисленной публикѣ и давали снимать одному изъ желавшихъ участвовать въ игрѣ. Послѣ утренней прогулки, я обыкновенно провожалъ Наиму въ гостинницу не далеко отъ курзала, или въ читальню, и отправлялся играть часъ, другой. Крупье часто просили меня снимать стасованныя карты, увѣряя, что у меня легкая рука; я имъ всегда высказывалъ желаніе, чтобы легкая рука была не въ ихъ пользу, и игра начиналась. Faites vos jeux, messieurs, говорилъ главный крупье, повторяя эту фразу нѣсколько разъ, потомъ раздавалось громогласное: le jeu est fait, rien ne va plus, и за тѣмъ клались карты сначала для rouge, а потомъ для noir; разница между 30-ю и 40 составляла выигрышъ той или другой стороны. Нужно было видѣть, какъ ловко крупье загребали особеннаго устройства деревянными лопаточками проигранныя деньги и какъ отчетливо уплачивали двойную сумму выигравшей ставки.

Страсти къ игрѣ я никогда не имѣлъ, но въ Висбаденѣ она развлекала меня и быть можетъ увлекла-бы легкостью выигрыша, если-бы я не принадлежалъ вполнѣ чувству, соединявшему меня съ Наимой.

Въ теченіе двухъ-недѣльнаго пребыванія въ Висбаденѣ, мы успѣли отдохнуть отъ безпрерывныхъ путешествій и подышать чистымъ воздухомъ въ паркахъ и садахъ Висбадена и окружающихъ его красивыхъ по своему мѣстоположенію мѣстностяхъ. Лѣто было знойное и прогулки въ рощи и лѣса доставляли намъ большое удовольствіе.

Изъ Висбадена мы поѣхали на Страсбургъ, Безансонъ, Шалонъ на Саонѣ, въ Ліонъ и оттуда чрезъ Авиньонъ въ Марсель.

Ліонъ оживленный, многолюдный городъ; въ немъ мы пробыли всего два дня, и онъ не произвелъ на насъ никакого особеннаго впечатлѣнія.

Марсель очень понравился и постройками и кипучей торговой дѣятельностью. Генеральныя консульства всѣхъ государствъ, представители всѣхъ націй, громадные магазины съ произведеніями всѣхъ странъ указывали на значеніе этого города въ всемірной торговлѣ. Видъ на взморье, на гавань, усѣянную безчисленнымъ множествомъ судовъ, природа юга, зной, умѣряемый морскою влагой, южный провансальскій типъ жителей съ живыми черными глазами и черными какъ смоль волосами, не всегда красивыхъ, но въ высшей степени типичныхъ и подвижныхъ, были замѣчательными особенностями Марселя.

Пароходы два раза въ недѣлю отходили въ Малагу; случаи къ поѣздкѣ на парусныхъ судахъ представлялись ежедневно. Мы предпочли путешествіе на пароходѣ, и въ ожиданіи отхода парохода пробыли въ Марсели пять дней.

Собираясь ѣхать къ Леѣ въ Испанію, я сталъ еще въ Италіи изучать испанскій языкъ подъ руководствомъ Наимы, владѣвшей этимъ языкомъ превосходно, такъ какъ большую часть своей ранней молодости она провела у Леи между Малагой и Гренадой и нерѣдко сопутствовала сестрѣ въ ея путешествіяхъ по Испаніи. Въ теченіи нашей поѣздки отъ Италіи до Марселя я успѣлъ на столько усвоить себѣ испанскій языкъ, что читалъ свободно, понималъ хорошо прочтенное, выучилъ обыденныя фразы и могъ вести непродолжительный разговоръ. Знаніе латинскаго и италіанскаго языковъ помогло мнѣ въ этомъ, по сродству ихъ съ испанскимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе) [1]).

XV. Испанія.

Мы причалили къ Малагѣ предъ закатомъ солнца. Красновато-золотистые лучи погасавшаго свѣтила окрашивали бѣлые дома Малаги въ какой-то странный не бывалый цвѣтъ и отражались огненнымъ отблескомъ на оконныхъ стеклахъ, за городомъ возвышались горы, покрытыя изумрудною зеленью. Бархатистая зелень горъ отъ красноватаго отлива заходящаго солнца, образовала темный фонъ, изъ котораго рельефно выступала Малага, освѣщаемая послѣдними лучами солнца, словно какою-то фантастическою иллюминаціей. Картина была поразительно хороша, но грустна; не знаю, отъ чего Малага *издали* представилась мнѣ громадной погребальной часовней (chapelle ardente) съ стѣнами, обитыми чернымъ бархатомъ, и съ множествомъ зажженныхъ свѣчей подъ красновато синимъ сводомъ неба.

Высадившись на берегъ, мы отправились въ домъ Леи. Дорогой я былъ пораженъ многочисленностью пестрой и оживленной толпы, повсюду звуки гитары, пѣсни, шумные разговоры, танцы и веселье. Я думалъ, что попалъ на народный праздникъ, но Нанна сказала мнѣ, что ежедневно вечеромъ жители Малаги собираются на улицахъ и про-

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1884 г., іюньск. кн., стр. 239—266.

водятъ время до глубокой ночи въ беззаботномъ весельи, а днемъ не выходятъ изъ домовъ, укрываясь отъ нестерпимаго зноя.

На огромной площади, обстроенной большими домами, на которой расположена Alameda, мы остановились у дома Леи. Лея проводила обыкновенно лѣто въ окрестностяхъ Гренады, и переѣзжала въ Малагу въ началѣ сентября; хотя и былъ уже сентябрь въ началѣ, но жаръ стоялъ еще очень сильный и мы не застали Леи въ Малагѣ. Оправивши не много нашъ туалетъ, мы отправились на Аламеду. Это городское гулянье привело меня въ совершенный восторгъ. Представьте себѣ длинный, широкій бульваръ, густо обсаженный экзотическими деревьями и растеніями южной Америки, между ними бюсты временъ римскаго владычества, несмѣтная толпа гуляющихъ, національные андалузскіе костюмы мужчинъ, черныя платья, кружевныя мантиліи и неразлучные вѣеры женщинъ, замѣчательныхъ своей красотой, развязностью и граціей, оживленіе, не поддѣльная веселость, неумолкаемый говоръ и при всемъ этомъ безукоризненная порядочность и приличіе, врожденныя испанцамъ, — и будете имѣть понятіе объ обаятельномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня первымъ вечеромъ въ Испаніи.

Погулявъ часа полтора, усталые отъ морскаго путешествія, мы ушли рано домой. Въ домѣ Леи не было роскоши, онъ былъ меблированъ очень просто, но съ большимъ вкусомъ и содержался превосходно.

На другой день очень рано я уже былъ одѣтъ и отправился осматривать городъ. Послѣ вчерашняго вечерняго впечатлѣнія Малага мнѣ показалась днемъ очень некрасивой, но довольно живописной, въ особенности въ мѣстностяхъ сохранившихъ мавританскій характеръ; изъ нихъ замѣчательна Alcazaba, старинная часть города съ развалинами мавританской крѣпости на горѣ, съ которой открывается видъ на море. Горы, окружающія Малагу, по большей части обнажены и лишены растительности, берегъ совершенно голый, безъ деревьевъ и жилищъ. Гавань считается одною изъ лучшихъ въ Испаніи, постоянно наполнена иностранными судами и оживлена торговою дѣятельностью. Вино, оливковое масло, апельсины, лимоны, свѣжій и сушеный виноградъ — вотъ продукты мѣстнаго производства, привлекающіе въ Малагу купцовъ всѣхъ націй, и не смотря на кажущуюся ничтожность предметовъ от-

пускной торговли, здѣсь дѣлаются большіе обороты и наживаются безъ особеннаго труда и рисковъ значительные капиталы.

Мужъ Леи былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ и крупныхъ негоціантовъ Малаги; онъ велъ постоянно оптовую торговлю виномъ, которое выдѣлывается въ окрестностяхъ Малаги и расходится по всей Европѣ. Производство винъ не ограничивается однимъ дессертнымъ; здѣшняя почва даетъ превосходныя столовыя крѣпкія вина, которыя мало чѣмъ уступаютъ мадерѣ, хересу и портвейну, въ особенности въ натуральномъ видѣ, безъ примѣси алкоголя; но такое вино можно пить только на мѣстѣ: безъ добавленія извѣстнаго количества спирта, оно не выноситъ перевоза, какъ и всѣ вина южной Испаніи.

Днемъ улицы Малаги почти совершенно пусты; рѣдко встрѣтишь какого нибудь caballero; женщинъ совсѣмъ не видать.

День провели и мы чисто по испански; не выходили изъ дому, представлявшаго всѣ удобства жилищъ южныхъ странъ. Зноя мы не чувствовали, солнца не видали; вездѣ царствовалъ полумракъ.

Нужно было ожидать слѣдующаго утра, чтобы ѣхать въ дилижансѣ въ Гренаду; предъ закатомъ солнца мы вышли погулять. Наима хорошо знала Малагу; для меня этотъ городъ представлялъ интересъ новизны. Тоже оживленіе, веселье и многолюдство, что и вчера. Тутъ я присмотрѣлся къ малагскимъ женщинамъ, и красота ихъ поразила меня.

Въ дилижансѣ, запряженномъ мулами, чрезъ Лоху, небольшой городъ, отправились мы въ Гренаду. Въ окрестностяхъ Малаги южная растительность обратила на себя мое вниманіе. Живыя изгороди изъ кактусовъ, алоэ огромныхъ размѣровъ, бананы, пальмы, большія лимонныя и апельсинныя деревья, виноградники, плантаціи сахарнаго тростника и хлопчатой бумаги украшали живописныя мѣстности нашей дороги, проложенной между горъ. Кое-гдѣ встрѣчались селенія довольно значительныя и мелькали одинокія венты. Задолго до пріѣзда въ Гренаду представилась взорамъ нашимъ величественная Сіерра Невада съ своей бѣло-снѣжной вершиной. Наконецъ мы въ предмѣстьяхъ Гренады, утопающихъ въ роскошныхъ садахъ. Послѣ несноснаго жара въ ущелі-

яхъ горъ, мы вздохнули свободнѣе и съ наслажденіемъ дышали свѣжимъ, влажнымъ воздухомъ Гренады. У подножія горы живописно раскинута древняя столица мавровъ; за нею, на возвышенномъ, зеленомъ холмѣ, рисуется Альамбра. Я былъ въ совершенномъ упоеніи отъ чудной, разстилавшейся предо мною картины, и нѣтъ словъ передать ея чарующую прелесть: все, что ни напишешь, будетъ ниже дѣйствительности. Мы остановили дилижансъ, вышли и долго, долго въ нѣмомъ восторгѣ любовались Гренадой.

Въ живописной долинѣ, изрѣзанной водопроводами, орошающими посѣвы хлопка, конопли, сахарнаго тростника, винограда, рису и тутовыхъ деревьевъ, недалеко отъ Vega de Grenada, находилась вилла Леи. Насъ не ждали; пріемъ былъ самый дружескій. Мужа Леи, Натана, не было дома: онъ отправился осматривать закупленные имъ виноградники и долженъ былъ воротиться дней чрезъ десять. Мы сговорились ждать его въ Гренадѣ и, по возвращеніи, всѣмъ вмѣстѣ отправиться въ Малагу.

Дни, проведенные мною у Леи, были одними изъ самыхъ счастливыхъ дней моей жизни. Искреннее, чисто родственное ко мнѣ расположеніе этой превосходной женщины, удобства привольной загородной жизни, чудный испанскій воздухъ, высокая температура котораго умѣряется въ Гренадѣ обиліемъ воды, проведенной всюду еще маврами, роскошная растительность всѣхъ странъ и климатовъ искусно сгруппировались въ небольшомъ, но отлично расположенномъ и содержимомъ садѣ. Ежедневныя прогулки въ Гренаду, глубокая привязанность къ Наимѣ, скрѣпленная ея интереснымъ положеніемъ и надеждою на возможность назвать Наиму рано или поздно моею супругой, чему обѣщала содѣйствовать Лея,—все это такъ хорошо расположило меня, что я былъ постоянно веселъ и въ высшей степени разговорчивъ и любезенъ. Сидя дома, мы разсказывали Леѣ наши путевыя впечатлѣнія; много говорилъ я ей о Россіи. Время летѣло незамѣтно.

Какъ ни поразилъ меня своею красотою видъ Гренады, первые два дня были вполнѣ посвящены семейной жизни на дачѣ Леи; потомъ мы отправились осматривать городъ. Не ищите въ немъ красоты

европейскаго города: узкія, извилистыя улицы, полуразрушенныя мавританскія постройки, новые дома, не представляющіе ничего особеннаго, церкви ничѣмъ не замѣчательныя, исключая большаго собора съ гробницей Фердинанда и Изабеллы. Но въ самой неправильности улицъ, вымощенныхъ небольшими цвѣтными камнями въ узоръ арабесковъ, въ почтенной древности и оригинальности мавританскихъ зданій чисто восточнаго характера, въ богатой растительности садовъ, оживленной обиліемъ фонтановъ, ручьевъ и канавокъ самой чистой воды, столько прелести, столько поэзіи, что Гренада непремѣнно произведетъ на васъ впечатлѣніе обаятельное; она васъ очаруетъ. Ея большая площадь Вивараmбла, за нею на холмѣ разрушающіяся стѣны и башни Альмамбры, еще выше, Хенералифе съ стройными кипарисами, возвышающимися надъ обрушившимися стѣнами крѣпости, великолѣпная Alameda, состоящая изъ аллей роскошныхъ и величественныхъ буковъ и вязовъ, съ ея чудными фонтанами, громадными олеандрами, шумнымъ, пѣнистымъ Хенилемъ и притокомъ его, золотоноснымъ Дарро; всюду прохлада, чистый, влажный, ароматическій воздухъ, и чѣмъ ярче свѣтитъ солнце, чѣмъ сильнѣе жаръ, тѣмъ болѣе таетъ снѣгъ на вершинѣ Сіерры Невады, тѣмъ обильнѣе льются потоки съ окружающихъ горъ, тѣмъ стремительнѣе бѣгутъ ручьи, бьютъ фонтаны; враждующія стихіи: огонь и вода мирятся, дружатся въ Гренадѣ, и взаимное ихъ дѣйствіе даетъ древней столицѣ мавровъ такой климатъ, такую растительность, какихъ нельзя встрѣтить въ другихъ странахъ Европы. По истинѣ, это рай земной.

Прибавьте къ этому памятники мавританской архитектуры, встрѣчающіеся на каждомъ шагу; историческія воспоминанія о господствѣ мавровъ, живущія въ памяти настоящаго населенія; ихъ цивилизацію и культуру, стоявшую выше, чѣмъ у другихъ средневѣковыхъ народовъ, ихъ рыцарскую честность и отвагу, ихъ романическія, почти сказочныя похожденія, ихъ нравы и обычаи, вошедшіе въ жизнь, въ природу андалузянъ, и наконецъ мавританскую кровь, которая течетъ въ большей части жителей южной Испаніи, и вы не удивитесь, когда скажу, что Гренада до того меня очаровала, что, когда, по возвращеніи Натана, нужно было думать объ отъѣздѣ, мнѣ крайне не хотѣлось раз-

статься съ Гренадой; каждый день просилъ я отсрочки и тогда только согласился ѣхать въ Малагу, когда Натанъ объявилъ, что его присутствіе тамъ необходимо по коммерческимъ дѣламъ.

Понятны мнѣ стали слезы мавровъ при прощаніи ихъ съ Гренадой, памятно мѣсто на одной изъ окружающихъ горъ: cuesta de las lagrymas, съ котораго, рыдая, Боабдиль, послѣдній владыка Мавровъ, въ послѣдній разъ взглянулъ на Гренаду. Скала эта называется: el ultimo sospiro del moro, послѣдній вздохъ мавра.

Описывать достопримѣчательности Гренады не стану: о дворцахъ Альамбры и Хенералифе такъ много писали, что эти памятники мавританскаго зодчества болѣе или менѣе всѣмъ извѣстны. Но не могу не прибавить, что всѣ описанія, рисунки и гравюры Альамбры могутъ дать только слабое понятіе о тонкомъ изяществѣ, рѣдкой красотѣ и чисто восточномъ богатствѣ отдѣлки мавританскаго дворца. Нужно его видѣть, чтобы вполнѣ оцѣнить и навсегда запечатлѣть въ своей памяти это образцовое, геніальное произведеніе арабскаго искусства. Оно васъ поражаетъ не громадностью размѣровъ; напротивъ, величина построекъ очень ограничена; но необыкновенною легкостью, кружевными узорами лѣпной работы, утонченностью вкуса, и поражаетъ, несмотря на довольно неудовлетворительное состояніе этого дворца, требующаго тщательнаго исправленія и болѣе заботливаго содержанія. Нѣкоторыя части зданія разрушаются, а другія давно уже обратились въ груду развалинъ.

Я очень полюбилъ Натана; мы вскорѣ подружились; это былъ честный и умный негоціантъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Нрава онъ былъ кроткаго, веселаго и любезнаго.

Возвратясь въ Малагу, мы постоянно проводили время въ троемъ; Натанъ былъ занятъ дѣлами и только по вечерамъ удѣлялъ намъ нѣсколько часовъ. Мы много читали, занимались музыкой и съ захожденіемъ солнца всегда отправлялись на Аламеду.

Однажды мы усѣлись на скамейкѣ; къ Наимѣ подошелъ незнакомый мнѣ высокій, статный молодой человѣкъ и заговорилъ съ нею. Разговоръ продолжали довольно долго. Это мнѣ не понравилось. Возвращаясь домой, я спросилъ Наиму, кто былъ ея собесѣдникомъ? Она

отвѣтила, что молодой человѣкъ маркизъ Б., сынъ испанскаго гранда, знакомый ей со времени послѣдняго пребыванія у Леи. Маркизъ каждый вечеръ подходилъ къ Наимѣ, познакомился со мной, но встрѣтилъ самый холодный пріемъ. Маркизъ былъ очень красивъ и любезенъ; возбудилъ во мнѣ большую антипатію; всюду преслѣдовалъ Наиму, бросалъ на нее пламенные взгляды и раздражалъ меня. Ревность или простая антипатія дѣлали присутствіе маркиза для меня невыносимымъ. Когда онъ появлялся, я подавалъ руку Наимѣ и мы уходили. Наконецъ маркизъ затѣтилъ мое къ нему нерасположеніе; мы обмѣнялись выразительными взглядами, въ которыхъ просвѣчивалась непримиримая вражда, и болѣе не встрѣчались. Тѣмъ не менѣе я такъ ненавидѣлъ маркиза, что не могъ равнодушно о немъ вспомнить и мысленно сопровождалъ его недобрыми пожеланіями.

Насталъ октябрь, стало прохладнѣе, но все еще днемъ мало выходили изъ домовъ, закрывали двери и окна. По возвращеніи съ гулянья, мы остальную часть вечера, до глубокой ночи, проводили обыкновенно въ patio, внутреннемъ дворикѣ, устраиваемомъ при каждомъ испанскомъ домѣ. Дворикъ этотъ обсаженъ обыкновенно лучшими растеніями и цвѣтами; по срединѣ, или въ сторонѣ фонтанъ, колонны обвиты вьющимися растеніями, образующими вмѣсто потолка, непроницаемый для лучей солнца сводъ изъ зелени. Садовая мебель, зеркало, мраморные столы, иногда статуи служатъ украшеніемъ patio, на который выходятъ двери и окна внутреннихъ покоевъ. Съ patio на улицу ведетъ большая желѣзная, сквозная дверь; днемъ ее завѣшиваютъ, въ сумерки открываютъ; вечеромъ patio всегда освѣщается. Дворикъ этотъ служитъ гостиной и составляетъ роскошную, относительно богато убранную часть домовъ, отличающихся вообще необыкновенной простотой отдѣлки и меблировки.

Лея ухаживала за Наимой, какъ нѣжная мать. Наима чувствовала себя хорошо и безъ страданій переносила беременность. Оставалось два мѣсяца до разрѣшенія.

Въ одну изъ субботъ, Наима, по обыкновенію, въ сопровожденіи Леи и Натана отправилась въ свой молитвенный домъ.

Я остался дома и былъ занятъ сочиненіемъ фантазіи для оркестра на мотивъ, записанный мною въ Римѣ съ голоса старой еврейки.

Внезапно былъ я выведенъ изъ музыкальнаго самозабвенія необыкновеннымъ движеніемъ въ домѣ; вбѣгаетъ ко мнѣ Натанъ блѣдный, разстроенный, и объявляетъ, что Наимѣ очень дурно. Опрометью я бросился къ ней. Наима безъ чувствъ лежала на кровати. Вотъ, что случилось. Въ синагогахъ и еврейскихъ молитвенныхъ домахъ, какъ извѣстно, мужчины помѣщаются внизу, женщины на хорахъ. Спускаясь съ крутой, темной лѣстницы, Наима оступилась и упала; выходившія за нею женщины попадали на нее и ушибли Наиму. Она лишилась чувствъ; ее принесли домой. Послали за лучшимъ докторомъ; онъ привелъ Наиму въ чувство кровопусканьемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ начались мучительныя боли и къ вечеру Наима скончалась, разрѣшившись преждевременно ребенкомъ, который остался живъ. Я его возненавидѣлъ...

Катастрофа эта случилась такъ неожиданно, такъ быстро, что потрясающія подробности не успѣли напечатлѣться въ моей памяти. Помню только, что всю ночь я провелъ у бездыханнаго трупа Наимы, и когда на другой день меня оторвали отъ ея смертнаго ложа, и Лея поднесла мнѣ новорожденнаго, я оттолкнулъ его и сказалъ, что не хочу видѣть ребенка, жизнь котораго стоила жизни Наимѣ. Лея отвѣтила, что усыновляетъ моего сына.

Что было потомъ со мною, вспомнить не могу: я находился въ сильно возбужденномъ, горячечномъ состояніи. Припоминаю впрочемъ, что, не простясь, бѣжалъ изъ Малаги и ускакалъ верхомъ въ Гренаду, куда влекло меня воспоминаніе о счастливыхъ дняхъ; но не остался въ Гренадѣ долго: становилось слишкомъ грустно, и безъ цѣли, безъ всякаго побужденія отправился въ Севилью.

Севилья не замѣчательна ни постройками, ни мѣстоположеніемъ, ни растительностью. Заслуживаетъ вниманія громадный соборъ, уступающій размѣрами одному храму св. Петра въ Римѣ; внутренность собора очень богато убрана, великолѣпна, чисто готическаго стиля, и заключаетъ въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ произведеній кисти Мурильо и другихъ испанскихъ живописцевъ. Въ часовнѣ для крещенія находится лучшее

произведеніе Мурильо: св. Антоній Падуанскій. Наружность собора болѣе чѣмъ проста; арабскій минаретъ, замѣчательная башня Хиральда служитъ колокольней. Алькасаръ, мавританскій дворецъ, отличающійся необыкновенно тонкою, кружевною рѣзьбою изъ камня въ подковообразныхъ аркахъ и украшеніяхъ колоннъ и деревянными арабесками потолковъ, находился въ самомъ плачевномъ видѣ. Alame da del duque, обсаженная акаціями; по срединѣ большой фонтанъ, кофейни, лавочки,—вотъ и все. Гвадалквивиръ течетъ за городомъ; вокругъ пустыня, на которой возвышаются полуразрушенныя стѣны Севильи.

Но кто разъ побывалъ въ Севильѣ, тотъ никогда не забудетъ чарующей прелести ея обычаевъ и нравовъ. Здѣсь вы переноситесь въ ту Испанію, о которой мечтали въ годы молодости, читая Фигаро, слушая Севильскаго цирюльника; предъ вами разыгрываются сцены и эпизоды испанскаго романа; вы чувствуете себя въ средѣ волшебной, въ осуществленной фантазіи восторженнаго воображенія, вращаетесь въ мірѣ поэзіи.

Бываютъ страшныя, необъяснимыя перемѣны въ состояніи нашего духа. Никого не любилъ я такъ сильно, какъ Наиму; никогда ни одна женщина не останавливала на себѣ моего вниманія, покуда жила Наима. Въ Гренадѣ, во время вторичнаго ея посѣщенія, грустный убитый горемъ, бродилъ я по пустыннымъ улицамъ. Въ Севильѣ вдругъ сталъ другимъ человѣкомъ: откуда взялась необыкновенная энергія, лихорадочная дѣятельность, бодрость духа, неудержимая сила воли—объяснить не могу. Уступчивый, благодушный, мягкосердый, я мгновенно превратился въ сталь. Бывало, не могъ безъ сожалѣнія, участвуя въ охотѣ, смотрѣть на травлю звѣрей; въ Севильѣ, постоянно присутствовалъ на боѣ, или какъ выражаются испанцы, на бѣгѣ быковъ и не только безъ отвращенія и жалости смотрѣлъ на раненыхъ и убитыхъ людей и лошадей, но находилъ въ этомъ варварскомъ развлеченіи особенное удовольствіе. Хотя сердце и не влекло меня ни къ кому въ особенности, хотя я чувствовалъ, что нѣтъ болѣе во мнѣ привязанности и любви, тѣмъ не менѣе съ неудержимымъ стремленіемъ бросился въ водоворотъ вѣчнаго севильскаго карнавала; это было какое-то неесте-

ственное возбужденіе, своего рода опьяненіе, послѣдняя вспышка потухавшаго вулкана.

Днемъ Севилья отдыхаетъ, нѣтъ движенія, нѣтъ жизни, словно мертвый городъ. Настаетъ вечеръ, зажигаютъ фонари, отворяютъ двери, окна и балконы, улицы наполняются народомъ; на Calle de las Sierpes рядъ великолѣпныхъ кафе, наполненныхъ мужчинами, и огромныхъ магазиновъ, совершенно открытыхъ, гдѣ во множествѣ сидятъ на стульяхъ прелестныя севильянки высшихъ слоевъ общества и разсматриваютъ товары, предлагаемые услужливыми приказчиками; на Alameda del Duque появляется несмѣтная толпа, идутъ tomar fresco. Севилья оживаетъ, оживляется, веселится. Слышится бряцанье гитаръ, танцовальный напѣвъ, стукъ кастаньетъ, шумный говоръ; разныя группы танцуютъ: фанданго, олу, хаясо; крики одобренія привѣтствуютъ ловкихъ танцовщицъ. Въ танцовщицѣ цѣнится въ особенности гибкость тѣла и пластичность ногъ; верхъ искусства составляетъ первическое дрожаніе бедръ. И чѣмъ дольше продолжается это ночное гулянье, тѣмъ большаго оживленія достигаетъ оно. Наступила ночь, на балконахъ появляются севильянки, у каждаго балкона кавалеръ съ гитарой. Это novio; онъ пришелъ ухаживать за своей возлюбленной, pelar la pava, какъ выражаются испанцы. Почти нигдѣ не видно европейскаго платья; вездѣ богатые андалузскіе костюмы majo, темный плащъ, андалузская шляпа. И что за симпатичный, ловкій и красивый народъ!

Но вотъ мелькаютъ черныя тѣни андалузскихъ красавицъ; вы ихъ не видите во тьмѣ ночной, но чувствуете неотразимую ихъ прелесть, жадно вдыхаете въ себя упоительный запахъ цвѣтка въ ихъ волосахъ, ищете свѣта и при тускло горящемъ фонарѣ васъ обдаетъ, какъ молніей, жгучій андалузскій взглядъ. Электрическій токъ пробѣгаетъ по жиламъ, васъ влечетъ какая-то неодолимая сила, вы вступаете въ разговоръ съ красавицей. Заговорить съ незнакомой женщиной—здѣсь вещь общепринятая; отвѣчаютъ всегда вѣжливо, развязно, свободно и любезно; когда узнаютъ, что вы estranjero, съ вами обращаются еще любезнѣе: непремѣнно получите приглашеніе пожаловать въ домъ, продолжать знакомство.

Севильянка—чудный самородокъ; въ ней все природа, нѣтъ изысканной сдержанности, образованія, начитанности женщинъ другихъ націй; но умъ, неподдѣльная веселость, ласковость, любезность, разговорчивость составляютъ главныя ея достоинства. Что касается наружности, то неуловимой и непередаваемой прелести нельзя не посвятить нѣсколькихъ строкъ.

Андалузянки вообще, севильянки въ особенности, представляютъ типъ, совершенно не похожій на принятыя условія европейской красоты. Женщины Севильи не велики, не массивны, роста ниже средняго, худощавы; маленькая ножка, обутая въ башмачекъ, едва прикрывающій пальцы; крохотная ручка въ черной ажурной митени; руки, обнаженныя до плечъ; тонкій, стройный, гибкій станъ; чудныя формы шеи и груди, просвѣчивающіяся сквозь кружево черной мантиліи, накинутой сверхъ чернаго платья. Это миніатюрное созданіе скрѣплено твердыми, упругими, какъ сталь, мускулами, изгибается съ неподражаемой, врожденной граціею, не имѣющею ничего общаго съ выдержкою и выправкой европейскихъ женщинъ другихъ странъ. Севильянки необыкновенно живы, ловки, развязны и скорѣе порхаютъ, чѣмъ ходятъ; искусство владѣть вѣеромъ, блескъ глазъ, увѣренная походка и гибкость таліи придаютъ имъ совершенно особенную физіономію. У испанцевъ существуетъ особенное выраженіе для передачи ловкости, граціи, непринужденности движеній и остроумія женщины: dona Salada (соленая женщина). Здѣсь говорятъ женщинѣ: »какъ вы *солоны*«, и нѣтъ выше этого комплимента. Что касается лица севильянки, то не ищите въ немъ классической правильности, характеризующей европейскую красоту. Попадаются иногда головки классическія, но по большей части черты лица неправильныя. Неправильность эта проходитъ совершенно незамѣтною и нисколько не уменьшаетъ красоты андалузской женщины. Въ ней болѣе всего поражаютъ большіе, продолговатые, черные, бархатистые глаза, осѣненные длинными рѣсницами, пурпуровый, какъ гранатовый цвѣтокъ, маленькій, свѣжій ротикъ, зубы алебастровой бѣлизны и черные съ синимъ отливомъ, роскошнѣйшіе волосы, подъ тяжестью которыхъ гнется очаровательная головка. Цвѣтъ лица—блѣдно-матовый, прозрачный; не смотря на блѣдность, здѣшнія женщины дышатъ здоровьемъ.

Самыя красивыя принадлежатъ къ числу Morenas, отличающихся темнымъ, оливковымъ цвѣтомъ, который увеличиваетъ прелесть пурпуроваго ротика и блескъ глазъ. Прибавьте къ этому необыкновенную живость, подвижность физіономіи, взглядъ, какъ выражаются испанцы, дня и ночи, блеска и мрака, взглядъ, выразительностью своею приводящій въ волненіе, электризирующій, сверкающій молніей, взглядъ, которому испанскій языкъ посвятилъ особенный глаголъ: ojear (бросать взглядъ), и будете имѣть слабое понятіе о чарующей, обаятельной красотѣ андалузской женщины. Бросанье взгляда заключается въ томъ, что при встрѣчѣ съ мужчиной севильская испанка опускаетъ вѣки, затѣмъ быстро открываетъ глаза, обливаетъ васъ своимъ взглядомъ и опускаетъ рѣсницы; выдержать равнодушно подобный взглядъ—не возможно. На югѣ Испаніи мавры оставили по себѣ неизгладимые слѣды въ типичности жителей. Сколько ни изгоняли мавровъ изъ Испаніи, сколько ни убивали и ни жгли ихъ на auto da fé, мавританская кровь течетъ въ жилахъ жителей Андалузіи, и ей андалузянки обязаны тою особенностью своей породы, тою прелестью формъ и необычайною красотою, которыя дѣлаютъ ихъ самыми очаровательными женщинами въ мірѣ.

Болѣе мѣсяца прожилъ я въ Севильѣ; остался-бы и долѣе, еслибы совершенно неожиданное происшествіе не заставило меня выѣхать изъ Испаніи.

Однажды, въ поздній часъ ночи, пробирался я по одной изъ извилистыхъ, въ то время совершенно пустынныхъ улицъ въ Севильи. У низенькаго балкона стоялъ кавалеръ, завернутый въ плащъ; на балконѣ дама. Я прошелъ мимо тихими шагами; кавалеръ забренчалъ на гитарѣ; разговоръ прервался. Въ темнотѣ я не могъ разглядѣть лица кавалера. Необъяснимое, инстинктивное чувство овладѣло мною; не знаю почему и для чего мнѣ непремѣнно захотѣлось увидѣть лице кавалера. Пройдя нѣсколько шаговъ, я повернулъ назадъ; кавалеръ не успѣлъ закрыться плащемъ, въ немъ я узналъ маркиза Б.

Пройдти раза два-три мимо балкона, занятаго дамой и кавалеромъ, преднамѣренно или случайно помѣшать ихъ ночному свиданію,

въ Испаніи вещь очень опасная; такія столкновенія обыкновенно оканчиваются добрымъ ударомъ ножа или стилета.

Ненависть къ маркизу громко, неудержимо заговорила во мнѣ; я въ третій разъ прошелъ мимо балкона. Дама исчезла, маркизъ бросился ко мнѣ, въ рукѣ его сверкнулъ кинжалъ. Я схватилъ маркиза за руку съ занесеннымъ оружіемъ и сказалъ ему: погодите, маркизъ! я безоруженъ и нападать на меня съ кинжаломъ было-бы неблагородно; считаю для себя счастливою встрѣчу съ вами и надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи принять вызовъ, согласно правиламъ чести образованныхъ и порядочныхъ людей. Вотъ моя карточка; когда и гдѣ угодно—я къ вашимъ услугамъ!

— Вотъ и моя; я васъ не узналъ, извините, отвѣтилъ маркизъ, освобождая свою руку; между нами старые счеты, и оскорбленіе, которое вы нанесли мнѣ теперь, не можетъ остаться безъ удовлетворенія; завтра буду имѣть честь прислать къ вамъ моего секунданта.

Затѣмъ мы вѣжливо раскланялись и разошлись.

Пріѣдя домой, я заснулъ богатырскимъ сномъ; на другой день стукъ въ мою дверь разбудилъ меня. Я просилъ подождать немного, накинулъ на себя альмавиву и отворилъ, въ полной увѣренности увидѣть секунданта маркиза. Вообразите мое удивленіе и радость, когда предо мною очутился Натанъ. Я бросился въ его объятія, распрашивалъ о Леѣ. Натанъ такъ былъ счастливъ меня видѣть, что слегка упрекнулъ меня за внезапный побѣгъ изъ Малаги; долго не могъ онъ объяснить моего загадочнаго исчезновенія и молчанія, но предполагая, что въ разстроенномъ моемъ состояніи со мною могло случиться несчастье, онъ поѣхалъ отыскивать меня въ Гренадѣ; послѣ долгихъ поисковъ, не найдя меня тамъ, случайно узналъ, что я отправился въ Севилью. Въ Севильѣ, послѣ двудневныхъ поисковъ, узналъ, гдѣ я квартирую.

Теплое участіе Натана вызвало во мнѣ глубокую благодарность; съ чувствомъ пожимая его руку, я разсказалъ Натану о вчерашней встрѣчѣ и присовокупилъ, что сама судьба посылаетъ его мнѣ въ настоящемъ затруднительномъ положеніи. И дѣйствительно, я не былъ ни

съ кѣмъ хорошо знакомъ въ Севильѣ и не могъ-бы пріискать секунданта.

Натанъ старался убѣдить меня, что я не правъ въ дѣлѣ съ маркизомъ, и склонялъ къ извиненію, которое по всей вѣроятности удовлетворило-бы маркиза въ виду ничтожнаго предлога ссоры. Я просилъ не говорить болѣе объ этомъ, считая невозможнымъ и несогласнымъ съ моимъ достоинствомъ предлагать извиненія.

На просьбу мою принять участіе въ дуэли, Натанъ покачалъ головой и отвѣтилъ, что не смотря на всю его привязанность ко мнѣ, онъ не можетъ исполнить моего желанія.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него. Тебя это удивляетъ, говорилъ Натанъ, ты не знаешь нравовъ и обычаевъ Испаніи: въ дуэли дворянина съ сыномъ гранда и маркизомъ секундантъ твой долженъ быть hidalgo по меньшей мѣрѣ. Маркизъ знаетъ, что я негоціантъ; купцы не пользуются въ Испаніи почетомъ, и меня никогда не допустятъ быть твоимъ секундантомъ. Нужно найти другого; не достаточно, чтобы онъ былъ hidalgo; въ дѣлѣ чести требуется, чтобы онъ былъ caballero: испанцы говорятъ, что король дѣлаетъ благородными, но одинъ Богъ создаетъ кавалеровъ.

— Въ такомъ случаѣ я буду драться безъ секунданта.

— Не думаю, чтобы это было возможно.

— А если-бы я предложилъ посланному отъ маркиза быть нашимъ общимъ секундантомъ?

— Быть можетъ, онъ и приметъ твое предложеніе, но въ такомъ случаѣ ты совершенно предашь себя въ ихъ руки.

— Знаешь что, Натанъ? Я мало знакомъ съ испанцами, но на сколько ихъ знаю, кажется, вполнѣ можно положиться на ихъ честный, рыцарскій характеръ. Novio, по принятому обычаю, въ гнѣвѣ готовъ нанести ударъ ножемъ или стилетомъ; hidalgo, вызванный на дуэль иностранцемъ не уклонится отъ правилъ чести.

— Съ этимъ я согласенъ, но бываютъ исключенія.

— Что-жъ они могутъ сдѣлать? Не убьютъ измѣннически?

— Это конечно трудно предполагать. Но я во всякомъ случаѣ про-

силъ-бы тебя дозволить мнѣ издали слѣдить за вами. Не откажи въ этомъ; какъ знать, что случится? За исходъ поединка никогда нельзя ручаться.

— Вѣришь-ли въ предопредѣленіе? Чему быть, тому не миновать, говоритъ русская пословица. Я твердо убѣжденъ въ счастливомъ для меня исходѣ этого дѣла.

— Такъ или иначе, я не оставлю тебя и если не пріищу секунданта, на котораго вполнѣ можно было-бы положиться, буду слѣдить за вами.

— Дѣлай, какъ знаешь; позволь обнять тебя за твою дружбу, за твою братскую привязанность.

— Натанъ ушелъ. Я занялся туалетомъ. Часовъ въ одинадцать опять стукъ въ двери. Отворяю. Предо мною не большаго роста, красивый, въ высшей степени симпатичный молодой человѣкъ.

— Съ сеньоромъ-ли С. имѣю честь говорить?

— Точно такъ. Неугодно-ли сѣсть. Вы пожаловали вѣроятно по порученію маркиза Б.?

— Графъ П., секундантъ маркиза Б., къ услугамъ вашей милости.

Большіе сѣрые глаза молодого человѣка смотрѣли съ такимъ выраженіемъ благодушія и благородства, особа графа была такъ привлекательна, что онъ внушилъ мнѣ невольное къ нему сочувствіе и полное довѣріе.

Когда мы согласились на счетъ времени, мѣста и условій поединка, я ему сказалъ о моемъ затруднительномъ положеніи въ отношеніи секунданта и просилъ графа быть нашимъ общимъ секундантомъ.

Графъ отвѣтилъ, что предложеніе мое противорѣчитъ принятымъ правиламъ о дуэляхъ; благодарилъ за оказываемую честь и довѣріе и сказалъ, что если маркизъ согласится, онъ отдастъ себя въ наше полное распоряженіе.

Послѣ тщетныхъ поисковъ, Натанъ возвратился съ длиннымъ, блѣднымъ лицемъ. Я успокоилъ его, передалъ разговоръ съ графомъ П.

и упомянулъ о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня этимъ молодымъ человѣкомъ. Натану хотѣлось узнать подробности условій дуэли. Я сообщилъ ему, что завтра въ семь часовъ утра, за городомъ, мы должны драться на шпагахъ. Натану это крѣпко не понравилось; онъ упрекалъ меня въ томъ, что я согласился драться на шпагахъ, стрѣляя отлично изъ пистолета. Какъ ни старался я объяснить ему, что выборъ оружія зависѣлъ отъ маркиза и что деликатность не позволяла предложить бой на оружіи, которымъ я владѣлъ слишкомъ хорошо, Натанъ не могъ понять излишняго, какъ онъ выражался, великодушія. Онъ впрочемъ пересталъ безпокоиться, когда я сказалъ, что и шпагою владѣю не дурно, хотя очень давно не фехтовалъ.

Весь день былъ посвященъ воспоминанію о Наимѣ. Натанъ много говорилъ о ея дѣтствѣ, превосходныхъ ея качествахъ. Я навелъ разговоръ на знакомство Наимы съ маркизомъ. Натанъ объяснилъ мнѣ, что дѣвицы въ Испаніи пользуются большою свободою, часто вступаютъ въ довольно интимныя отношенія къ молодымъ людямъ, которымъ нравятся, что иностранцу можетъ казаться страннымъ и неприличнымъ. Наима-же, не смотря на свою красоту и любезный характеръ, никогда и никѣмъ не была занята, всегда была безупречна; первая и единственная ея привязанность вполнѣ принадлежала мнѣ. Маркизъ дѣйствительно желалъ за нею ухаживать; но не нравился Наимѣ, и знакомство ограничилось встрѣчами на гуляньи до отъѣзда Наимы въ Берлинъ. По мнѣнію Натана, маркизъ былъ пустой, но честный и добрый молодой человѣкъ и пользовался нѣкоторымъ успѣхомъ у андалузскихъ красавицъ.

Передъ вечеромъ я получилъ съ нарочнымъ слѣдующую записку: Иностранецъ, довѣряющій чести испанца, достоинъ полнаго уваженія. Предложеніе ваше принято. До завтрего. Графъ П.

Меня взяло раздумье, мнѣ стало совѣстно драться съ человѣкомъ, который въ сущности ничѣмъ меня не обидѣлъ и котораго я вывелъ изъ терпѣнія неумѣстнымъ и въ высшей степени оскорбительнымъ, по понятіямъ мѣстныхъ жителей, поступкомъ. Вызовъ мой былъ слѣдствіемъ ненормальнаго, возбужденнаго состоянія духа; но размышленіе

пришло поздно: ложный стыдъ удерживалъ меня отъ извиненія; жребій былъ брошенъ.

Я написалъ два письма: одно дорогой моей матери, другое Леѣ и просилъ Натана, въ случаѣ несчастнаго для меня исхода дуэли, отправить первое по почтѣ, а второе передать доброй Леѣ. Вечеръ мы провели въ дружеской, братской бесѣдѣ.

На другой день, въ шесть часовъ утра Натанъ пришелъ ко мнѣ и возобновилъ просьбу дозволить ему издали слѣдить за нами. Я не согласился.

Въ семь часовъ я былъ за городомъ, на берегу Гвадалквивира и засталъ тамъ маркиза Б. и графа П. Мы молча обмѣнялись поклонами, я пожалъ руку графа. Онъ поднесъ мнѣ двѣ толедскія шпаги, прося выбрать одну изъ нихъ. Сбросивъ верхнюю одежду, мы съ маркизомъ стали въ позицію.

— Одно слово, господа, сказалъ графъ; позвольте сдѣлать предложеніе лично отъ меня: я полагалъ-бы возможнымъ ограничить бой первой раной, полученной каждымъ изъ сражающихся, или двумя, нанесенными одному и тому-же изъ почтенныхъ противниковъ.

Маркизъ и я изъявили на это согласіе. Маркизъ владѣлъ хорошо шпагой и нападалъ очень бойко; я защищался и отпарировалъ нѣсколько ударовъ. При одномъ изъ приступовъ, моя шпага, вмѣсто того, чтобы отбить въ сторону, скользнула по шпагѣ маркиза снизу вверхъ, и остріе его шпаги вонзилось въ верхнюю мою губу; ударъ былъ не очень силенъ, но боль невыносимая. Мы вновь стали въ позицію, я перешелъ въ наступательное положеніе; мои первые удары были отпарированы; на четвертомъ шпага моя проколола маркиза въ грудь съ правой стороны и проколола такъ сильно, что я съ трудомъ могъ ее вытащить. Маркизъ упалъ на руки графа, кровь заструилась изъ раны маркиза.

Я былъ крѣпко взволнованъ; мысль, что нанесъ смертельную рану маркизу, приводила меня въ отчаяніе; я бросился къ нему и съ сожалѣ-

ніемъ, съ глубокимъ раскаяніемъ взоръ мой остановился на покрытомъ мертвенною блѣдностью лицѣ маркиза.

Графъ свистнулъ; явились служители. Графъ П. положилъ на рану компрессъ холодной воды, далъ раненому проглотить нѣсколько капель рому, и маркизъ очнулся. Я протянулъ ему руку, и просилъ простить меня.

Легкое пожатіе руки маркиза и взглядъ, полный примиренія, были его отвѣтомъ.

Наскоро устроили носилки, положили на нихъ маркиза, и печальное шествіе направилось къ его квартирѣ; я просилъ позволенія сопровождать его. Графъ охотно согласился. Послали за докторомъ; онъ объявилъ, что рана очень опасна. Окончивъ перевязку раны маркиза, докторъ обратился ко мнѣ, изслѣдовалъ мою рану на губѣ; губа оказалась проколотою насквозь, шпага разрѣзала и десну. Обмывъ запекшуюся кровь, докторъ сшилъ рану булавками, далъ какую-то примочку, и спросивъ мой адресъ, сказалъ, что завтра посѣтитъ меня. Съ графомъ мы разстались совершенными друзьями.

По возвращеніи домой, я засталъ Натана въ большомъ безпокойствѣ; долгое мое отсутствіе тревожило его и наводило на мысль, что со мною случилось несчастіе. Когда я ему разсказалъ, какъ было дѣло, онъ успокоился.

Въ душевномъ моемъ состояніи произошелъ сильный переломъ: возбужденіе духа исчезло совершенно и дало мѣсто такому упадку нравственныхъ и физическихъ силъ, что нѣтъ словъ описать мое тогдашнее положеніе.

Неожиданная, почти внезапная смерть Наимы, глубокая привязанность моя къ этой прелестной женщинѣ, жертвы, принесенныя ею, благородный, возвышенный ея характеръ, чистая ангельская душа и горячая ко мнѣ любовь, бѣгство изъ дома Леи, отвращеніе къ сыну, безумная, непрерывная оргія Севильи, ничѣмъ неоправдываемая ссора съ маркизомъ, убійство,—все это, взятое вмѣстѣ, грызло, мучило, терзало меня. Словно завѣса спала съ глазъ моихъ; словно взглядъ просвѣтлѣлъ, и я прозрѣлъ и сталъ ненавистенъ самъ себѣ.

Когда Натанъ, замѣтивъ перемѣну во мнѣ, съ участіемъ спросилъ, что со мною, и не страдаю ли отъ ранъ, я отвѣтилъ, что физическая боль ничто въ сравненіи съ нравственнымъ мученіемъ, и произнесъ строфу Метастиза, которая вѣрно передавала мое тогдашнее настроеніе:

Ogni oggetto ch' altrui piace
Per me licto più non è:
Ho perduta la mia pace,
Son io stesso in odio a me.

Ночь провелъ я безъ сна. Утромъ пришелъ докторъ и остался доволенъ положеніемъ моей раны; опухоли не было, но сильная боль не унималась. Я спросилъ о маркизѣ, докторъ отвѣтилъ, что за выздоровленіе ручаться нельзя, но лихорадочное состояніе уменьшилось.

На третій день послѣ дуэли, я навѣстилъ маркиза; ему не было ни лучше, ни хуже, онъ все время находился въ безпамятствѣ, лихорадка впрочемъ ослабѣвала. Я долженъ былъ уѣхать изъ Севильи: дѣло о дуэли огласилось; законы строго преслѣдовали дуэлистовъ. Графъ и Натанъ совѣтовали мнѣ выѣхать изъ Испаніи. Я рѣшился послѣдовать ихъ совѣту. Простился съ графомъ П. и убѣдительно просилъ его писать мнѣ о маркизѣ въ Марсель, гдѣ располагалъ провести нѣсколько времени.

Прощаніе съ Натаномъ было трогательно; я крѣпко къ нему привязался, полюбилъ какъ брата. Онъ возвратилъ мнѣ письмо, назначенное матушкѣ, и оставилъ у себя писанное къ Леѣ. Въ немъ я просилъ прощенія въ бѣгствѣ изъ Малаги, благодарилъ за дружеское, родственное ко мнѣ расположеніе и изъявлялъ глубокое сожалѣніе о необходимости проститься съ Леею навсегда, если меня убьютъ, или на долго, если останусь живъ. О сынѣ ни слова. Заѣхать въ Малагу я не могъ: это было выше силъ моихъ. Обѣщалъ писать изъ Марселя, куда Натанъ долженъ былъ отправить мои вещи. Болѣе всего я дорожилъ портретомъ Наимы и просилъ не забыть прислать его.

На пароходѣ отправился я изъ Севильи въ Кадиксъ, и въ день моего туда пріѣзда отплылъ въ Марсель. Во время переѣзда полная апатія и болѣзненная сонливость овладѣли мною.

Очнулся, пришелъ въ себя только въ Марсели. Нужно было отдохнуть отъ нравственныхъ потрясеній, собраться съ мыслями, окрѣпнуть духомъ и принять какое нибудь рѣшеніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 ГОДЪ.

(Продолженіе) [1]).

XVI. Обратное путешествіе на родину.

Заграничный мой паспортъ былъ безсрочный, я имѣлъ право путешествовать въ чужихъ краяхъ въ теченіи пяти лѣтъ; оставалось еще болѣе трехъ лѣтъ. Родители мои не ограничивали никакимъ срокомъ пребыванія моего за границей; матушка впрочемъ писала, чтобы я не заживался тамъ долго, и чѣмъ скорѣе возвращусь, тѣмъ болѣе удовольствія доставитъ ей мой пріѣздъ.

Первымъ движеніемъ моего сердца было согласоваться съ желаніями матушки, но показаться ей въ тогдашнемъ плачевномъ моемъ состояніи я не рѣшался.

Узналъ, что изъ Марсели недѣли чрезъ двѣ отправляется въ кругосвѣтное плаваніе хорошо устроенный компаніей морскихъ путешествій пароходъ. Путешествіе должно было продолжаться два съ половиной года; плата за каюту перваго класса съ продовольствіемъ десять тысячъ франковъ. Плаваніе вокругъ свѣта заинтересовало меня, оно мнѣ представлялось необходимымъ развлеченіемъ; я спросилъ программу путешествія, въ которой обозначены были мѣста стоянки и вре-

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1884 г., іюньск. кн., стр. 239—266.

мя посѣщенія новыхъ, невѣдомыхъ мнѣ странъ. Программа мнѣ понравилась, и я рѣшился на кругосвѣтное плаваніе, не смотря на отвращеніе къ долгимъ переѣздамъ моремъ.

Съ вещами присланными Натаномъ, между которыми находился и драгоцѣнный для меня портретъ Наимы, получилъ я письмо Леи. Оно дышало дружеской привязанностью, родственной любовью. Лея поняла, что пріѣхать въ Малагу я не могъ, просила не забывать ее, любить по прежнему, писать почаще.

Отъ графа П. имѣлъ извѣстія довольно благопріятныя: маркизу стало лучше, и докторъ не сомнѣвался въ скоромъ и совершенномъ его выздоровленіи. Тяжелый камень свалился съ моей совѣсти; я вздохнулъ свободнѣе, вознесъ теплую благодарственную молитву Богу: я не былъ убійцей. Въ воспоминаніе этого радостнаго событія, я далъ обѣтъ: никогда не употреблять оружія безъ особенной надобности самосохраненія, воздерживаться и воздерживать другихъ отъ дуэлей.

Въ день назначенный для взятія билета и подписанія условія на кругосвѣтное плаваніе я получилъ письмо отъ матушки. Оно было отвѣтомъ на увѣдомленіе о кончинѣ Наимы, посланное мною изъ Севильи. Матушка требовала немедленнаго моего возвращенія. Воля обожаемой мною матери была для меня священна; въ сердцѣ моемъ не было другой привязанности; при мысли о скоромъ свиданьи съ матушкой я ожилъ, окрѣпъ и, нигдѣ не останавливаясь, прибылъ въ Дрезденъ, взявъ самый краткій путь на Ліонъ, Мецъ, Мангеймъ, Франкфуртъ и Веймаръ.

Предъ отъѣздомъ изъ Марсели поблагодарилъ я письменно графа П. за добрую вѣсть о маркизѣ и написалъ длинное посланіе Леѣ, извѣстивъ ее, что возвращаюсь на родину, куда просилъ адресовать ея письма.

Въ числѣ вещей, присланныхъ изъ Малаги, была и віолончель. Однажды въ Марсели вздумалось мнѣ поиграть на ней; звуки моего гварнерія сильно разстроили меня, голосъ віолончели такъ живо напомнилъ мнѣ пѣніе Наимы, что я продолжать не могъ, разбилъ драгоцѣнный инструментъ въ дребезги и затопилъ ими каминъ. Съ тѣхъ поръ никогда уже не игралъ я на віолончели.

При переѣздѣ изъ Веймара въ Дрезденъ мнѣ досталось внутреннее, среднее мѣсто въ большомъ шестимѣстномъ дилижансѣ; ѣхали тихо, какъ ѣздятъ въ Германіи. Не смотря на ноябрь, погода стояла теплая; въ дилижансѣ съ поднятыми стеклами было душно, я едва могъ дышать, не совсѣмъ зажившая рана на губѣ начинала меня безпокоить. Въ угловыхъ мѣстахъ, на лѣво, сидѣла почтенная дама, напротивъ какой-то старикъ нѣмецъ. Я попросилъ у нихъ позволенія открыть окно, они вѣжливо отвѣтили, что просятъ не отворять: у дамы болѣли зубы, старикъ кашлялъ. Я обратился къ счастливымъ обладателямъ угловыхъ мѣстъ правой стороны; рядомъ со мною сидѣлъ какой-то толстый краснощекій бюргеръ, противъ него рыжій англичанинъ. Я заявилъ о моемъ желаніи англичанину; представитель Альбіона отвѣтилъ, что ничего противъ этого не имѣетъ и самъ желалъ опускать стекло, но нѣмецъ не дозволилъ; я обратился къ бюргеру и получилъ отвѣтъ, что какъ онъ сидитъ у окна, то можетъ имъ распоряжаться по своему усмотрѣнію и открыть не дозволитъ. Какъ ни старался я его убѣдить, что право открывать окна принадлежитъ всѣмъ путешественникамъ, а не ему одному, онъ стоялъ на своемъ и оставался непреклоненъ. Я выбилъ стекло, и свѣжій осенній воздухъ оживилъ меня. Бюргеръ былъ внѣ себя отъ негодованія, началъ кричать, остановилъ дилижансъ. Съ меня взяли за разбитое стекло, но до Дрездена оно не было вставлено. Англичанину очень понравилась моя выдумка, и онъ благодарилъ меня.

Въ Дрезденѣ я остановился въ hôtel de Saxe, въ томъ самомъ номерѣ, изъ котораго уѣхалъ съ Наимой. Хотѣлъ остаться день, другой, но заболѣлъ и прожилъ тамъ три недѣли.

Сильная боль въ груди съ кровохарканьемъ свалила меня съ ногъ; нравственное мое состояніе было еще хуже. Послалъ за Вальтеромъ; онъ мнѣ помогъ, но не хотѣлъ отпустить скоро изъ Дрездена. Ганфштенгель постоянно сидѣлъ у меня, бралъ съ собою свою работу, прилежно ею занимался, развлекая меня своими разсказами и ухаживая за мною, какъ родной. Я просилъ снять копію съ портрета Наимы, онъ исполнилъ это охотно и очень удачно. Я ее послалъ Леѣ.

Въ самомъ грустномъ, плачевномъ расположеніи духа находился я: и болѣзнь, и душевныя страданія, и нетерпѣніе возвратиться на ро-

дину терзали меня. Когда оставался одинъ, цѣлые часы проводилъ я въ самозабвеніи, не отрывая взоровъ отъ портрета Наимы, и не разъ горячія слезы струились изъ глазъ моихъ....

Однажды я легъ спать позже обыкновеннаго и долго не могъ заснуть; во снѣ или на яву вижу Наиму; съ грустной улыбкой на блѣдныхъ устахъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: благодарю, не забылъ ты меня, мой другъ; не печалься, не тужи, мы увидимся, хотя не скоро. Наима поцѣловала меня въ лобъ, то было прикосновеніе мрамора. Видѣніе исчезло.

Безсонница продолжалась, я забылся только къ свѣту. И грезится мнѣ старикъ К., покрытый бѣлымъ саваномъ, съ сверкающими глазами; гробовымъ голосомъ спрашиваетъ меня: что сдѣлалъ ты съ Наимой? Я ему отвѣтилъ: Наима умерла.

— Ты убилъ мою Наиму, ты преждевременно свелъ въ могилу ея отца. Будь.....

— Не проклинай меня, никто не могъ любить Наиму такъ сильно, какъ я любилъ, и вѣрь мнѣ: я бы отдалъ мою жизнь, что-бы возвратить жизнь Наимы.

— Прошедшаго не воротишь, мертвыхъ не воскресишь, но безъ кары не останешься: кого-бъ ты не полюбилъ, къ кому бы искренно, глубоко ни привязался, всѣ будутъ умирать, какъ умерла дочь моя, моя Наима. Ты отвергъ ея сына, и не будетъ у тебя сыновей.

Кровь въ жилахъ оледѣнѣла, мнѣ стало страшно; въ мгновенье, когда я хотѣлъ броситься къ К. и просить его измѣнить суровый, не справедливый приговоръ, старикъ исчезъ, бросивъ на меня взглядъ, полный ненависти.

Съ разсвѣтомъ я вновь уснулъ, и вижу третій сонъ, скорѣе третье видѣнье. То былъ сѣдой, какъ лунь старикъ, черты его лица были мнѣ знакомы, но я никакъ не могъ припомнить, гдѣ его я видѣлъ.

— Тебя грызетъ тоска, тебя мучитъ сомнѣнье на счетъ твоего здоровья, сказалъ онъ мнѣ. Не упывай: тяжкая потеря надолго оставитъ глубокіе слѣды въ душѣ твоей; но тѣлесныя силы вскорѣ окрѣпнутъ, ты будешь жить.

— Для чего жить, когда нѣтъ жизни въ сердцѣ? Существовать, прозябать, какая въ этомъ польза?

— Живи и надѣйся. Время врачуетъ. А жить тебѣ еще долго.

— Долго, говоришь ты?

— Ты любопытенъ, значитъ, хочешь жить; хочешь знать, долго-ли проживешь? Могу исполнить твое тайное желаніе: на твоемъ письменномъ столѣ купленный въ Амстердамѣ ящикъ съ сигарами, не такъ давно начатый; сочти сигары, и сколько ихъ будетъ, столько лѣтъ тебѣ еще жить съ завтрешняго дня.

— Благодарю за предсказанье, сигары будутъ сочтены. Скажи лишь, кто ты? Твой голосъ, твое лице мнѣ издавна знакомы.

— Если-бы ты чаще вспоминалъ обо мнѣ, еслибы слова мои, сказанныя тебѣ въ Кіевѣ, рѣзче напечатлѣлись въ твоей памяти, быть можетъ плачевное состояніе, въ которомъ ты находишься теперь, и не было-бы твоимъ удѣломъ. Прощай, не заживайся здѣсь, тебя ждетъ любящее сердце матери.

Я очнулся и вспомнилъ, что послѣднимъ видѣніемъ былъ старикъ, котораго я встрѣтилъ въ Кіевѣ, послѣ ссоры съ Каровскимъ, у развалинъ масонской ложи.

Не придавая особеннаго значенія его предсказанью, я впрочемъ пересчиталъ сигары, запечаталъ ящикъ и предположилъ выкуривать по одной сигарѣ каждый годъ въ день моего рожденія. Въ ящикѣ оставалось пятдесятъ сигаръ, мой двадцать третій годъ былъ на исходѣ.

Второе видѣнье тревожило меня. Я просилъ Ганфстенгеля справиться въ конторѣ дрезденскаго К. о его берлинскомъ родственникѣ. Вообразите мое смущеніе, мой ужасъ, когда Ганфстенгель возвратился съ отвѣтомъ, что отецъ Наимы скончался скоропостижно въ Берлинѣ, получивъ извѣстіе изъ Испаніи о смерти его младшей дочери. Страшно отозвались въ душѣ моей слова привидѣнья.

Невольно мысли мои обратились къ Наимѣ, взглядъ остановился на ея портретѣ, и первое видѣнье предстало воображенію моему; возобновились въ памяти, въ сердцѣ моемъ, дни счастья и любви, вселилась въ душу твердая надежда на свиданіе за гробомъ..

Молодость вскорѣ осилила болѣзнь. Оправившись, я остался еще нѣсколько дней въ Дрезденѣ, совершалъ отдаленныя прогулки по совѣту доктора Вальтера и познакомился со многими русскими путешественниками, въ числѣ которыхъ находился художникъ Рамазановъ, пріѣхавшій въ Дрездевъ изъ Петербурга съ Бальзакомъ. Чрезъ Позенъ я отправился въ Варшаву. Въ Познани разсказывали о выстрѣлахъ сдѣланныхъ въ экипажъ государя Николая Павловича при обратномъ его путешествіи изъ Берлина. Темная исторія; злоумышленники никогда не были открыты.

Въ Варшавѣ я остался три дня, остановился въ Европейской гостинницѣ. Вечеромъ, наканунѣ моего отъѣзда, слышу въ сосѣднемъ номерѣ звуки гитары и мотивъ испанскаго танца: *ола*. Заинтересованный въ высшей степени, призываю служителя, чтобы узнать, кто квартируетъ рядомъ со мною. Сосѣдкой оказывается Лола Монтесъ. Я немедленно отправился къ ней. Лола была въ самомъ дурномъ расположеніи духа: утромъ на репетиціи она дала пощечину оберъ-полицмейстеру Абрамовичу, завѣдывавшему варшавскими театрами, и князь намѣстникъ, какъ звали Паскевича, приказалъ ей выѣхать въ 24 часа изъ Варшавы за границу. Лола Монтесъ тотчасъ меня узнала, очень мнѣ обрадовалась, повеселѣла, и мы въ двоемъ провели весь вечеръ; вспоминали о Листѣ, о Берлинѣ; Лола разсказала нѣсколько новыхъ эпизодовъ изъ своей, обильной приключеніями жизни, много говорили объ Испаніи... Утромъ Лола отправилась въ Берлинъ, я въ Кіевъ. Хороша была она; но дикая, необузданная, страстная натура, излишняя свобода въ обращеніи, нахальство, доходившее до невѣроятія, дѣлали ее сиреной опасной для неопытныхъ молодыхъ людей и въ особенности для старцевъ ловеласовъ.

Варшава не произвела на меня особенно пріятнаго впечатлѣнія; городъ грязный, но довольно оживленный. Варшавянки не дурны собою, развязны, кокетливы и, говорятъ, не очень строгихъ нравовъ.

Утомленный ѣздой на почтовыхъ, отъ Кременца до Кіева я нанялъ еврея, у котораго былъ рессорный крытый экипажъ, по мѣстному названію: кочь-карета. Полякъ, помѣщикъ волынской губерніи Д., былъ моимъ попутчикомъ. Я съ нимъ много говорилъ и въ качествѣ больного дремалъ постоянно, начиналъ жить воспоминаніями.

За Кременцомъ, верстахъ въ тридцати, еврей заѣхалъ въ корчму, чтобы напоить лошадей; попутчикъ мой отправился въ корчму, я оставался въ экипажѣ. Подъѣхала тройка съ колокольчикомъ, изъ повозки выскочилъ чиновникъ съ краснымъ околышкомъ на фуражкѣ. Онъ вошелъ въ корчму, потомъ подошелъ ко мнѣ и на польскомъ языкѣ спросилъ мой паспортъ. Окончаніе моей фамиліи *на-цкій* дало ему поводъ принять меня за поляка. Чиновникъ начинаетъ говорить, что паспортъ у меня *женскій* и что дальше я ѣхать не могу. Это меня крайне удивило; я отвѣтилъ по польски, что паспортъ мой въ порядкѣ, вездѣ визированъ и даже прописанъ въ Варшавѣ; чиновникъ ушелъ. Является еврей и объявляетъ, что становой приставъ приказалъ отпречь лошадей и требуетъ меня для объясненій. Внѣ себя отъ негодованія, я объяснился съ нимъ на такомъ чисто русскомъ языкѣ и такими энергическими выраженіями, которыя не представляли никакого сомнѣнія въ моей національности; упомянулъ и о Бибиковѣ. Объясненія мои такъ подѣйствовали на станового, что онъ началъ извиняться, тотчасъ отдалъ мнѣ паспортъ и велѣлъ запрягать нашихъ лошадей. Могущественное вліяніе полиціи въ юго-западномъ краѣ было такъ велико, что ни отъ извощика, ни отъ еврея, содержавшаго корчму, я не могъ узнать фамилію становаго. Попутчикъ мой сталъ обращаться со мною съ большимъ подобострастіемъ, услыхавъ, что я знакомъ съ Бибиковымъ, и увидавъ, что могу, не откупаясь, отдѣлываться грозными фразами отъ несправедливыхъ требованій полиціи.

Безъ всякихъ приключеній, благополучно прибылъ я въ Кіевъ. Помѣщикъ Д. поручалъ себя моей памяти и просилъ протекціи. Я имѣлъ возможность оказать ему позже нѣкоторыя услуги.

Въ Кіевѣ я пробылъ недолго. Посѣтилъ дядю Лукашевича на его дачѣ. Тетушка скончалась во время моего путешествія. Извѣстіе о ея кончинѣ я получилъ, уѣзжая изъ Дрездена съ Наимою; дядя, извѣщая о смерти тетушки, въ письмѣ своемъ просилъ меня возвратиться немедленно въ Кіевъ, имѣя намѣреніе передать мнѣ на извѣстныхъ условіяхъ недвижимое свое имѣніе въ полтавской губерніи. Но изъ за сдѣлки этой я не могъ разстаться съ Наимою въ первое время моего съ нею сближенія; отвѣтилъ дядѣ благодарностью и просьбою подо-

ждать моего возвращенія или обратиться къ моему отцу по этому дѣлу. Дальнѣйшей переписки не послѣдовало. Дядя Платонъ Яковлевичъ былъ очень радъ моему возвращенію, принялъ меня со слезами на глазахъ и выразилъ большое сожалѣніе, что я опоздалъ. Оказалось, что за двѣ недѣли до моего прибытія въ Кинь-грусть, дядя, удрученный годами и болѣзнію и обремененный долгами, передалъ свое имѣніе другому племяннику Ивану Яковлевичу Лукашевичу, съ условіемъ, чтобы онъ взялъ на себя уплату всѣхъ долговъ и давалъ дядѣ пожизненное содержаніе въ четыре тысячи рублей въ годъ.

Этого племянника тетушка терпѣть не могла, да и дядя не очень любилъ. Обезображенный до нельзя оспой, дурно воспитанный, грубый и скупой до невѣроятія, Иванъ Яковлевичъ былъ въ высшей степени антипатиченъ, но имѣлъ громадное состояніе и живя постоянно въ деревнѣ, пользовался въ своемъ околоткѣ извѣстнымъ почетомъ. Домъ въ Кіевѣ и дачу Кинь-грусть тетушка оставила въ пожизненное владѣніе дяди, а по смерти его завѣщала своимъ племянницамъ Гинцъ.

Хотя имѣніе дяди и было довольно значительное, но уплата долговъ и выплата содержанія могли-бы поставить меня въ затруднительное положеніе: хозяйственными дѣлами я никогда не занимался и не имѣлъ къ нимъ наклонности. Признаюсь, я былъ отчасти радъ, что сдѣлка эта не состоялась въ мою пользу; стяжательность и разсчетливость никогда не были моимъ удѣломъ. Притомъ надъ совѣстью моею тяготѣлъ долгъ довольно значительный по тогдашнему моему положенію. Я считалъ себя обязаннымъ возвратить Леѣ десять тысячъ талеровъ, подаренныхъ ею Наимѣ и издержанныхъ нами, упоминалъ объ этомъ Леѣ въ одномъ изъ писемъ; она отвѣтила, что никогда не приметъ отъ меня денегъ, данныхъ на путешествіе и гардеробъ сестры; тѣмъ не менѣе требованіе совѣсти возлагало на меня обязанность разсчитаться съ Леей рано или поздно. Поэтому принять на себя еще долги дяди, хотя и обезпеченные имѣніемъ, казалось мнѣ дѣломъ очень рискованнымъ.

Въ Кіевѣ я поѣхалъ къ Димитрію Гавриловичу Бибикову. Былъ принятъ очень благосклонно. Просидѣлъ у него болѣе часу. Распрашивалъ о познанскомъ происшествіи, о моихъ путешествіяхъ и о впечатлѣніи, произведенномъ за границей книгой Кюстина la Kupie et les Kupes;

остался очень доволенъ моими разсказами. При прощаньи спросилъ, что располагаю дѣлать и не желаю-ли поступить на службу. Я ему отвѣтилъ, что ѣду въ деревню и переговоривъ съ отцемъ и матушкой, приму рѣшеніе, согласное ихъ желаніямъ.

Служить слѣдуетъ, возразилъ Бибиковъ, пожимая мнѣ руку: захотите служить въ Кіевѣ —милости просимъ. Кланяйтесь батюшкѣ.

Трудно описать восторгъ, съ какимъ встрѣтила меня матушка послѣ долгой разлуки. Отца не было дома, онъ уѣхалъ въ уѣздный городъ по своимъ предводительскимъ дѣламъ.

Сестры Софія и Марія, окончивъ воспитаніе въ полтавскомъ институтѣ, были съ матушкой. Я ихъ не видѣлъ нѣсколько лѣтъ и нашелъ въ нихъ большую перемѣну къ лучшему. Болѣе другихъ любилъ я сестру Софію Димитріевну Бразоль, за ея доброе сердце, притомъ она была похожа на матушку.

Помолившись въ образной, въ спальнѣ моей матери, я разсказалъ матушкѣ мои отношенія къ Наимѣ. Все утро мы провели вмѣстѣ; счастливыя и печальныя воспоминанія давали пищу откровенному разговору. Къ обѣду возвратился отецъ и обошелся со мною очень ласково.

Отецъ мой былъ занятъ хозяйствомъ и дѣлами по должности; всѣ собирались, какъ водится въ деревнѣ, къ утрешнему и вечернему чаю и къ обѣду. Утро я всегда проводилъ въ бесѣдѣ съ матушкой, и чѣмъ дальше говорили мы другъ съ другомъ, тѣмъ больше убѣждался я въ высокихъ нравственныхъ качествахъ и замѣчательномъ ея умѣ, тѣмъ сильнѣе становилась привязанность моя къ ней. Смотрѣть ей въ глаза, угадывать каждое желаніе, предупреждать всякую просьбу было для меня истиннымъ наслажденіемъ; казалось, всѣ силы моего осиротѣвшаго сердца сосредоточились на ней, и матушка была единственнымъ предметомъ нѣжности моихъ чувствъ. Съ нею одной дѣлилъ я время очень пріятно и былъ вполнѣ откровененъ.

Матушка и Софія разучили мою симфонію, играли и часто на фортепьяно въ четыре руки; я дирижировалъ, потомъ матушка исполняла одну изъ любимыхъ моихъ сонатъ Бетховена и каждый день заставляла меня импровизировать.

Усадьба наша лежитъ на большой почтовой дорогѣ на Кіевъ, не проходило дня, что-бы кто нибудь не посѣтилъ насъ; посѣщенія эти мнѣ крѣпко надоѣдали. Скучные сосѣди забрасывали меня разспросами о путешествіи; разсказывать каждому мои впечатлѣнія было утомительно, невеселое расположеніе духа и пустота деревенской болтовни заставляли меня удаляться къ себѣ во флигеть, гдѣ я занимался чтеніемъ и приведеніемъ въ порядокъ моихъ путевыхъ замѣтокъ.

Настали рождественскія святки, сосѣди стали учащать, нелюбезность моя увеличивалась. Матушка могла удѣлять мнѣ не много времени и просила быть привѣтливѣе съ посѣтителями. Какъ ни старался я исполнить ея желаніе, удавалось не всегда. Наконецъ и мы въ свою очередь должны были сдѣлать нѣсколько визитовъ. Всѣ были для меня невыносимо скучны, къ счастію посѣщенія ограничивались поѣздками на одинъ день къ ближайшимъ сосѣдямъ. На праздникахъ мы всѣ поѣхали въ Яготинъ къ князю Николаю Григорьевичу Репнину. Мои воротились въ тотъ же день, я провелъ тамъ нѣсколько дней.

Послѣ долговременнаго пребыванія за границей, Репнины: князь съ княгиней и дочерью, княжной Варварой Николаевной поселились въ Яготинѣ. Тамъ-же жилъ тогда и сынъ князя, Василій Николаевичъ, женатый на Балабиной.

Княгиня, рожденная Разумовская, была тѣломъ стара, но привѣтлива и любезна. Князь Николай Григорьевичъ (Волконскій), внукъ знаменитаго фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина, принявшій въ родѣ по женскому колѣну фамилію Репнинихъ, былъ еще очень бодръ и обладалъ необыкновенною памятью. Отлично образованный, замѣчательно умный, привѣтливый и гостепріимный, онъ занималъ важный постъ вице-короля Саксоніи послѣ отечественной войны и потомъ долгое время былъ генералъ-губернаторомъ малороссійскимъ.

Управляя Саксоніей, получалъ очень ограниченное содержаніе и издержалъ на представительство болѣе милліона ассигнаціонныхъ рублей изъ своихъ средствъ, вслѣдствіе чего вошелъ въ значительные долги. Обѣщано было уплатить изъ казны издержанные Репнинымъ деньги, но по необъяснимому великодушію мы не брали контрибуцій, не взыскивали военныхъ издержекъ, и суммы, издержанныя Репнинымъ, не были

возвращены. Въ царствованіе государя Николая Павловича, въ тридцатыхъ годахъ, по доносу сдѣланному Александромъ Григорьевичемъ Строгановымъ, Репнинъ былъ удаленъ отъ должности малороссійскаго генералъ-губернатора, на имѣніе его наложено запрещеніе, назначено слѣдствіе, обвиняли князя въ незаконномъ расходованіи казенныхъ денегъ.—Долги росли, одно изъ значительныхъ имѣній князя продано съ публичнаго торга (Почепъ, купленный Клейнмихелемъ), въ концѣ концевъ оказалось, что князь былъ виновенъ въ неправильномъ позаимствованіи изъ полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія девятнадцати тысячъ рублей для окончанія постройки полтавскаго института. Между тѣмъ дѣло длившееся около десяти лѣтъ совершенно его разорило, и еслибы не состояніе, довольно значительное, княгини, князь былъ-бы лишенъ всѣхъ средствъ къ существованію.

Князь Николай Григорьевичъ, знавшій меня еще ребенкомъ, посѣщая часто нашъ домъ по пути изъ Повисовъ въ Яготинъ, принялъ меня въ высшей степени любезно и я провелъ у него два дня въ постоянныхъ разговорахъ, по большей части, съ старикомъ княземъ въ кабинетѣ. Не было новой книги мало-мальски замѣчательной, которую князь не прочелъ-бы; разговоръ его бывалъ интересенъ и поучителенъ. Любилъ вспоминать и старину, но ни слова о несправедливостяхъ, которыхъ былъ жертвой; единственнымъ проявленіемъ его неудовольствія въ этомъ отношеніи была раздача добрымъ знакомымъ портретовъ императоровъ изъ его обширной и замѣчательной картинной галлереи. Между прочимъ, портретъ Александра I-го во весь ростъ, превосходная копія Доу, достался моему отцу, особенно преданному памяти Благословеннаго.

Княжна Варвара Николаевна, энергичная, легко увлекавшаяся дѣвица зрѣлыхъ лѣтъ, худая, тоненькая, съ большими, живыми выразительными глазами, не могла скрывать своего негодованія на неблагодарность къ заслугамъ ея отца. Вспыхивала, какъ порохъ, при малѣйшемъ намекѣ на дѣла минувшихъ лѣтъ, но добрая, остроумная, милая и любезная, она была провидѣніемъ бѣдныхъ и несчастныхъ, раздавала, что у ней было, и принимала самое теплое участіе во всѣхъ прибѣгавшихъ къ ея помощи и совѣту.

Изъ посторонних въ то время жили въ Яготинѣ двѣ личности обращавшія на себя вниманіе. Въ качествѣ домашняго доктора находился постоянно Фишеръ, вывезенный княземъ изъ Саксоніи, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Гуфланда, очень умный, образованный, симпатичный человѣкъ и отличный медикъ. Проживалъ временно въ Яготинѣ въ одномъ изъ многочисленныхъ флигелей Шевченко, живописецъ по профессіи и поэтъ по призванію. Средняго роста, широкоплечій, крѣпкаго и здороваго тѣлосложенія, рябой, съ мутными карими, неглупыми глазами, угловатый, неуклюжій, не чесанный, не мытый, болѣе чѣмъ небрежно одѣтый—вотъ наружность Тараса Шевченки, далеко не изящная. Какъ живописецъ, онъ мало извѣстенъ: рисовалъ довольно посредственно; какъ поэтъ былъ замѣчателенъ чистотою малороссійскаго языка, плавнымъ, мѣрнымъ стихомъ, звучными строфами, задушевнымъ чувствомъ, мягкою сердечностью; его Кобзарь, въ особенности его Катерина можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ произведеній въ этомъ родѣ. Но въ Гайдамакахъ Шевченкѣ недоставало священного огня, проявленія страсти, широкой кисти, увлекательнаго дѣйствія, характеризующихъ историческую драму.

Какъ человѣкъ..., но de mortuis aut bene, aut nihil, въ особенности принимая во вниманіе тяжкую судьбу, постигшую несчастнаго поэта.

Старые князь и княгиня удалялись тотчасъ послѣ вечерняго чая въ свои комнаты; мы, оставшись съ молодыми Репнинымъ, съ княжной, заставляли Шевченку читать Катерину и неизданныя имъ стихотворенія; расходились рано. Ко мнѣ обыкновенно приходилъ Фишеръ и Шевченко, болтали до поздней ночи. Разсказы Фишера были очень интересны; онъ ѣздилъ въ Египетъ, на мысъ Доброй Надежды и знакомилъ насъ съ этими отдаленными странами.

Шевченко говорилъ о своемъ прошедшемъ и, казалось, былъ совершенно доволенъ настоящимъ.

Уроженецъ кіевской губерніи, Шевченко принадлежалъ къ семейству крѣпостныхъ крестьянъ, помѣщика Э. Въ былое время помѣщики отправляли крѣпостныхъ мальчиковъ въ Петербургъ для изученія какого нибудь ремесла. На долю Шевченка выпало малярное искусство; мальчикъ вскорѣ оказалъ такіе успѣхи, что его опредѣлили въ ака-

демію художествъ, и живопись сдѣлалась его постояннымъ занятіемъ. Онъ рисовалъ портреты. Какой-то генералъ заказалъ ему свой портретъ за сто рублей ассигнаціями. Портретъ, нарисованный Шевченкомъ, не понравился заказчику; генералъ предлагалъ впрочемъ взять портретъ за половину цѣны. Шевченко обидѣлся и не согласился; замѣнивъ мундиръ и эполеты бѣлой рубахой, онъ сдѣлалъ изъ портрета генерала вывѣску цирульника. Генералъ, проѣзжая однажды мимо цирульни, увидѣлъ себѣ на вывѣскѣ и пришелъ въ сильное негодованіе. Помѣщикъ Э. случился въ то время въ Петербургѣ; генералъ просилъ его продать ему Шевченку, предлагая двѣ тысячи рублей. Э. согласился. Шевченко писалъ уже стихи и былъ нѣсколько извѣстенъ Жуковскому. Видя неминуемую бѣду, Шевченко обратился къ знаменитому поэту. Жуковскій доложилъ императрицѣ о горькой участи Шевченки. Э—ду заплатили требуемый выкупъ и, по милости государыни, Шевченко былъ свободенъ отъ крѣпостной зависимости. Выкупъ былъ сдѣланъ посредствомъ розыгрыша въ лотерею портрета Жуковскаго, написаннаго по этому случаю Брюловымъ; нѣтъ надобности упоминать, что императрица взяла всѣ билеты. Какъ ни была черства душа человѣка, она должна была проникнуться священной благодарностью, и чѣмъ болѣе безобразія представляло крѣпостное право, тѣмъ глубже, *тѣмъ сильнѣе* должна была быть благодарность за освобожденіе; увидимъ далѣе, какъ поступилъ Шевченко въ этомъ отношеніи.

Нѣсколько разъ игралъ я на фортепьяно въ Яготинѣ, и музыка моя очень нравилась; Варвара Николаевна предложила мнѣ написать оперу, либретто взялся составить Шевченко, сюжетомъ избрали Мазепу. Сюжетъ для оперы дѣйствительно богатый. Много драматизма, дѣйствія, разнородные элементы: велико и малорусскій, шведскій, польскій. Но въ разработкѣ драмы и въ языкѣ либретто мы расходились. Всѣ стояли за личность Мазепы и хотѣли представить его поборникомъ свободы въ борьбѣ съ деспотизмомъ Петра. Хотя Петръ никогда не былъ моимъ героемъ, но въ дѣйствіяхъ Мазепы я не находилъ также ничего героическаго и желалъ представить его такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Въ пылу спора у меня сорвалось слово: измѣнникъ, и мы чуть-чуть изъ за этого не разсорились. Варвара Ни-

колаевна и Шевченко хотѣли, чтобы либретто было написано на малорусскомъ языкѣ, я былъ противоположнаго мнѣнія и увѣрялъ, что Шевченко владѣетъ на столько русскимъ языкомъ, что хорошо напишетъ либретто; если писать оперу, говорилъ я, такъ писать оперу серьозную и на языкѣ обще-доступномъ, а не какую нибудь Наталку-Полтавку. Каждый остался при своемъ мнѣніи, тѣмъ дѣло и кончилось въ Яготинѣ.

Огромный деревянный яготинскій домъ, окруженный паркомъ въ полтораста десятинъ, съ закругленною рѣкой, представлялъ удобное и вполнѣ барское помѣщеніе. Исторія этого дома очень занимательна. Онъ былъ построенъ въ Кіевѣ гетманомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, на Печерскѣ, въ одной изъ лучшихъ мѣстностей надъ Днѣпромъ. Пріѣзжаетъ однажды къ бывшему гетману кіевскій комендантъ и докладываетъ ему, что на лѣто ожидаются многочисленныя войска, направляемыя чрезъ Кіевъ въ Турцію, и проситъ позволенія назначить въ домѣ Разумовскаго временный постой, наравнѣ съ другими обывателями. Кирилло Григорьевичъ изъявляетъ согласіе, но потомъ раздумался; пишетъ приказъ въ Яготинъ, чтобы немедленно выслали въ Кіевъ три тысячи подводъ и столько же крестьянъ съ топорами. Въ нѣсколько дней домъ былъ разобранъ и перевезенъ въ Яготинъ. Неправда-ли, оригинальный способъ избавиться отъ постоя? Домъ, какъ былъ, такъ и поставленъ въ Яготинѣ, а мѣсто въ Кіевѣ и флигеля Разумовскій подарилъ Трощанскому. Усадьба эта принадлежитъ теперь инженерному вѣдомству.

Ѣздилъ я потомъ въ Дехтяри, помѣстье Петра Григорьевича Галагана. Онъ былъ женатъ на Софіи Александровнѣ К., сестрѣ мужа моей кузины, о которой упоминалъ выше. Петръ Григорьевичъ былъ еще не старый, но болѣзненный человѣкъ, типъ богатаго малороссійскаго помѣщика, получившаго порядочное образованіе въ прежнее время. Софія Александровна была премилая и въ высшей степени любезная женщина. Громадный барскій домъ, великолѣпный садъ съ огромными оранжереями, безчисленною прислугою, большой и превосходный оркестръ дѣлали Дехтяри однимъ изъ пріятнѣйшихъ домовъ въ Малороссіи. Капельмейстеромъ былъ нѣмецъ Краузе, отличный музыкантъ; первая

скрипка: крѣпостной Артемъ, прожившій три года въ Дрезденѣ; онъ бралъ уроки на счетъ барина у Липинскаго; другіе солисты были также очень недурны. Очень отчетливо исполнили двѣ Бетховенскія симфоніи, сыграли хорошо и мою, а также нѣсколько увертюръ. Краузе хвалилъ мои произведенія, но какъ опытный капельмейстеръ посовѣтовалъ измѣнить оркестровку въ двухъ мѣстахъ моей симфоніи, что я тутъ-же и сдѣлалъ; эффектъ дѣйствительно былъ лучше прежняго. Разговорились мы какъ то съ Петромъ Григорьевичемъ о музыкѣ и объ окрестныхъ оркестрахъ. Я назвалъ Тарновскаго, Григорія Степановича.

Его оркестръ, сказалъ мнѣ Петръ Григорьевичъ, гораздо хуже моего, инструменты плохіе, капельмейстеромъ свой крѣпостной, да и самъ Григорій Степановичъ ни чего не смыслитъ въ музыкѣ, не знаетъ ни одного иностраннаго языка, ничему не учился. Ѣздилъ именно Тарновскій за границу лѣчиться, ни съ кѣмъ не могъ объясняться, и вообразите, претендуетъ, что его вездѣ принимали за турка; гдѣ ему дураку быть туркомъ. Насмѣшилъ меня Петръ Григорьевичъ своею антипатіей къ Тарновскому. Оказалось, что они соперничали во всемъ, но Галаганъ стоялъ несравненно выше своего сосѣда, съ которымъ мнѣ суждено было вскорѣ познакомиться.

У родственницы нашей Татьяны Густавовны Волховской въ день ея именинъ 12-го января бывалъ всегда пиръ горой. Старушка не имѣла дѣтей и прямыхъ наслѣдниковъ, жила открыто и издерживала всѣ свои доходы, довольно значительные—на пріемы, содержаніе огромнаго сада и большого дома. Доморощенный, многочисленный, но плохой оркестръ, отличный хоръ пѣвчихъ, пополняемый мужской и женской прислугой, дворня, состоявшая изъ полутораста человѣкъ, старая нѣмка Каролина Антоновна, разливавшая чай, вотъ обстановка Татьяны Густавовны.

Въ большіе праздники всегда бывало много гостей въ Мосевкѣ, помѣстьѣ Волховской, но къ 12 января съѣзжались не только ближайшіе сосѣди, но изъ дальныхъ мѣстностей всѣ ея знакомые. Собирались обыкновенно наканунѣ и проводили дня три, четыре у гостепріимной хозяйки.

На перепутьи къ намъ заѣзжали также многіе, въ томъ числѣ и Григорій Степановичъ Тарновскій съ супругой Анной Дмитріевной, рожденной Алексѣевой, внучатой сестрой моего отца, и съ племянницей Анны Дмитріевны, дѣвицей Троциной.

Григорій Степановичъ человѣкъ уже очень пожилыхъ лѣтъ, но бодрый, сухой, высокій, съ огромнымъ ястребинымъ носомъ и маленькими глазами, былъ типомъ мѣщанина. Толстая золотая цѣпочка для часовъ, спускавшаяся съ шеи по жилету, брилліантовыя запонки, кольца съ драгоцѣнными камнями были принадлежностями его повседневнаго туалета. Высокопарная рѣчь, по большей части безсмысленная, сознаніе своего достоинства, въ существѣ заключавшагося только въ богатствѣ и званіи камеръ-юнкера, пріобрѣтенномъ въ 60 лѣтъ не большими пожертвованіями, но сытными обѣдами въ Петербургѣ, посягательство на остроуміе, состоявшее въ предложеніи къ разрѣшенію общеизвѣстныхъ и избитыхъ загадокъ и шарадъ, претензіи на меценатство, ограничивавшееся приглашеніемъ двухъ, трехъ артистовъ на лѣто къ себѣ въ деревню, гдѣ имъ бывало не всегда удобно и пріятно, скупость, доходившая до скряжничества, при желаніи блеснуть и поразить роскошью, вотъ характеристическія черты Григорія Степановича.

Анна Дмитріевна была толстая, неуклюжая, молчаливая, но добрая и въ высшей степени благородная женщина. Особеннымъ умомъ она также не отличалась, недостатокъ этотъ впрочемъ пополнялся обходительностью, благодушіемъ и отсутствіемъ всякихъ претензій.

Старики Тарновскіе жили постоянно какъ голубки, дѣтей у нихъ не было. Они приняли въ домъ, какъ дочь, родную племянницу и крестницу Анны Дмитріевны, Анну Елисѣевну Троцину. Григорій Степановичъ давно передалъ Аннѣ Дмитріевнѣ по купчей крѣпости четыре тысячи душъ лучшаго своего состоянія, у Анны Дмитріевны было также порядочное имѣніе и множество брилліантовъ; все это предназначалось Аннѣ Елисѣевнѣ. Анна Елисѣевна была не хороша собою, но слыла не глупой, скромной и доброй дѣвушкою, получила порядочное домашнее образованіе, такое, какое могутъ дать богатые люди за деньги, не приложивъ къ тому ни надлежащаго личнаго надзора, ни необходимаго руководства и направленія.

Достаточно было легкаго намека моего отца, что Анна Елисѣевна превосходная партія и что не мѣшало-бы мнѣ заслужить ея вниманіе, дабы оттолкнуть меня отъ этой дѣвицы и ея родныхъ.

Съ Анной Дмитріевной я былъ еще довольно любезенъ по родству и по неисчерпаемому ея добродушію; съ Анной Елисѣевной говорилъ очень мало, а Григорій Степановичъ до того дѣйствовалъ на мои нервы, что я съ трудомъ могъ его переносить. У себя я былъ очень вѣжливъ и ни въ чемъ ему не противорѣчилъ; но что было отложено изъ уваженія къ гостю, то съ избыткомъ вознаграждено въ Мосевкѣ, куда отправились мы всѣ вмѣстѣ 11 января.

Началось съ литературы. Тарновскій, какъ попугай, заучилъ нѣсколько фразъ, когда-то и отъ кого-то слышанныхъ, но совершенно превратно толковалъ ихъ смыслъ; я конечно не оставилъ его безъ возраженій. Перешли къ музыкѣ: Григорій Степановичъ сожалѣлъ, что я, посѣтивъ Галагана, не пріѣхалъ къ нему послушать его оркестръ; я извинился недостаткомъ времени. Зашла рѣчь объ италіянской музыкѣ, потомъ о нѣмецкой: тутъ Тарновскій попесъ такую дичь, что я помиралъ со смѣху и разсмѣшилъ моими замѣчаніями многочисленный кружокъ собравшійся около насъ. Наконецъ Тарновскій перешелъ къ русской музыкѣ, считая себя на твердой почвѣ, по близкому знакомству съ Глинкой, гостившимъ у него въ деревнѣ въ теченіи цѣлаго лѣта. И говорить нечего, что Тарновскій считалъ Глинку непогрѣшимымъ авторитетомъ въ дѣлѣ музыки и геніальнымъ композиторомъ. Отдавая полную справедливость таланту Глинки, я находилъ много недостатковъ въ его „Жизни за Царя“ и имѣлъ неосторожность сказать, что произведеніе это, изобилуя многими превосходными мѣстами, глубокой ученостью и нѣсколькими пѣвучими мелодіями, въ общемъ представляетъ что-то непослѣдовательное, несвязное, неоконченное, что опера лишена драматизма, монотонна и скучна.

Негодованію Григорія Степановича не было конца, но оно дошло до крайнихъ предѣловъ, когда на объясненіе его, какъ сочинялъ Глинка при немъ нѣкоторые номера и потомъ отправлялъ къ Розену для написанія къ нимъ стиховъ, я возразилъ, что въ томъ и состоитъ отчасти ошибка Глинки, такъ какъ никто не пишетъ оперъ, подбирая стихи

подъ музыку, а обыкновенно пишутъ музыку къ либретто и способъ композиціи избранный Глинкою подтверждаетъ сказанное мною о недостаткахъ „Жизни за Царя".

Кончилось тѣмъ, что мы разстались не совсѣмъ дружелюбно: Григорій Степановичъ не вступалъ болѣе въ разговоръ со мною, но счелъ своею обязанностью пожаловаться на меня моей матушкѣ. Матушка желавшая, чтобы всѣ любили меня, была этимъ огорчена и просила не раздражать Григорія Степановича и обходиться какъ съ нимъ, такъ и со всѣми какъ можно любезнѣе. Достаточно было одного слова моей матушки, чтобы я исполнилъ ея желаніе; старался казаться веселымъ, болталъ съ дамами, пригласилъ даже на кадриль Анну Елисѣевну, не смотря на сильную къ ней антинатію.

Послѣ бала, продолжавшагося три дня въ Мосевкѣ, и пріема гостей у насъ, при обратномъ ихъ путешествіи, пробывъ еще нѣсколько дней дома, я отправился въ Кіевъ вслѣдствіе настоятельной просьбы матушки, желавшей, чтобы я не уѣзжалъ далеко отъ нея и поступилъ-бы на службу, не теряя времени. Меня влекло въ Одессу, къ Воронцову, но я долженъ былъ уступить желанію матушки и рѣшился избрать новое поприще для службы въ Кіевѣ. Судьба вновь привела меня въ этотъ городъ: какъ ни казался мнѣ Кіевъ скучнымъ и безлюднымъ, съ нимъ мирила меня мысль, что я часто буду имѣть возможность видѣться съ матушкой.

(Окончаніе главы и части слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Конецъ XVI главы и 1-й части)[1]).

Въ Кіевъ я пріѣхалъ въ самый разгаръ контрактовъ и по затрудненію найти постоянное удобное помѣщеніе остановился у дяди въ Кинь-грусти. Мнѣ тамъ было очень хорошо, каждый день утромъ ѣздилъ я въ городъ, къ обѣду возвращался къ дядѣ, разсказывалъ ему мои путешествія, новости, читалъ газеты.

Бибиковъ принялъ меня весьма любезно и остался очень доволенъ моей просьбой принять на службу подъ его начальствомъ по административному вѣдомству; на прошеніи написалъ: опредѣлить немедленно, и сказалъ, чтобы я съѣздилъ къ правителю канцеляріи Писареву и съ нимъ переговорилъ бы о занятіяхъ на первое время въ канцеляріи до открытія вакансіи на штатную должность.

Писаревъ былъ тогда всемогущимъ человѣкомъ въ администраціи генералъ-губернатора; хотя и ходили довольно неблагопріятные слухи о причинахъ его вліянія и на счетъ нравственныхъ его качествъ, тѣмъ не менѣе, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ Бибикова, Писаревъ пользовался въ Кіевѣ большимъ почетомъ и игралъ не послѣднюю роль. Писаревъ былъ очень радъ меня видѣть, наговорилъ мнѣ много любезностей, съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ о матушкѣ, съ которой познакомился въ деревнѣ, посѣщая родичей своей супруги, и въ за-

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1884 г., августовск. кн., стр. 609—626.

ключеніе сказалъ: «не вамъ къ намъ проситься, а намъ васъ просить на службу. Потрудитесь заѣхать завтра, опредѣленіе ваше будетъ подписано, а для знакомства съ дѣлами я бы вамъ совѣтовалъ поступить въ секретное отдѣленіе канцеляріи, гдѣ сосредоточены всѣ важныя дѣла подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ».

Въ тотъ же день я былъ у Софіи Гавриловны Писаревой съ визитомъ; она приняла меня, какъ стараго знакомаго и близкаго роднаго: братъ ея былъ женатъ на моей старшей сестрѣ. Добрая, превосходная Софія Гавриловна сдѣлала на меня самое благопріятное впечатлѣніе, и съ перваго свиданія мы стали друзьями. Она не отличалась особеннымъ умомъ, воспитаніе ея было также довольно посредственное— институтское прежнихъ лѣтъ, но добродушіе, привѣтливость, чисто женская сердечность и замѣчательно красивая наружность дѣлали ее въ высшей степени симпатичною.

Писаревъ, получившій воспитаніе въ московскомъ благородномъ пансіонѣ, былъ мнѣ не по сердцу; въ его маленькой фигурѣ, въ его свѣтло голубыхъ, стеклянныхъ глазахъ, свѣтившихъ умомъ и фальшью, было что-то отталкивающее, антипатичное, но первое впечатлѣніе бываетъ иногда обманчиво, думалъ я.

31 января 1844 года я былъ зачисленъ на службу въ секретное отдѣленіе канцеляріи генералъ-губернатора и для ознакомленія со служебными порядками поступилъ въ распоряженіе М. А. Андреевскаго, завѣдывавшаго политическими дѣлами.

Славный человѣкъ былъ этотъ Андреевскій. Не получившій высшаго образованія, онъ служилъ еще при Левашовѣ и Гурьевѣ, отлично зналъ канцелярскій порядокъ, писалъ дѣловыя бумаги кратко, ясно, отчетливо, быстро изучалъ дѣло и давалъ ему вполнѣ законное и справедливое направленіе. Это былъ настоящій труженикъ и главный дѣятель секретнаго отдѣленія. Писаревъ читалъ черновые доклады, исправлялъ редакцію, а иногда и совершенно измѣнялъ проэктированныя Андреевскимъ распоряженія и всегда самъ отправлялся съ докладами къ Бибикову.

Какъ я уже сказалъ, въ секретномъ отдѣленіи Писаревъ сосредоточилъ всѣ важныя и интересныя дѣла; для многочисленныхъ текущихъ

дѣлъ, не представлявшихъ особенной важности, существовала общая канцелярія генералъ-губернатора; управляющихъ былъ номинально дежурный штабъ-офицеръ полковникъ Стоговъ, производили дѣла и докладывали Бибикову секретари отдѣленій: хозяйственнаго, суднаго и полицейскаго.

Общая канцелярія помѣщалась въ городскомъ домѣ, противъ дома генералъ-губернатора, секретная въ верхнемъ этажѣ занимаемой Писаревымъ квартиры, въ институтскомъ домѣ, такъ какъ Писаревъ состоялъ и правителемъ дѣлъ совѣта института благородныхъ дѣвицъ и потому пользовался обширнымъ казеннымъ помѣщеніемъ.

Послѣ контрактовъ я нанялъ флигель въ три комнаты съ передней, при домѣ г-жи Марковичевой, въ Липкахъ. Моя прислуга состояла изъ лакея, повара и кучера; я держалъ дрожки и пару лошадей. Сдѣлалъ нѣсколько оффиціальныхъ визитовъ, но съ обществомъ не знакомился. Ходилъ каждый день въ канцелярію, просиживалъ въ ней до трехъ часовъ и возвращался домой, захвативъ для просмотра и изученія нѣсколько дѣлъ. Вечера всегда проводилъ дома и, окончивъ служебныя занятія, посвящалъ остальное время музыкѣ. У меня былъ хорошій вѣнскій рояль и много музыкальныхъ идей; я занялся окончаніемъ начатой мною въ Малагѣ фантазіи на еврейскій мотивъ. Изъ нея вышла небольшая, но оригинальная и трогательная по своему грустному колориту увертюра, которую я назвалъ Noëmi; она была посвящена памяти моей незабвенной Наины.

Насталъ вскорѣ великій постъ, я говѣлъ въ лаврѣ, въ церкви на покояхъ. Митрополитъ Филаретъ обласкалъ меня; я заходилъ къ нему часто послѣ обѣдни. Простой, на видъ нѣсколько суровый, Филаретъ былъ человѣкомъ правды и добра, іерархомъ благодушнымъ и мягкосердымъ, христіаниномъ въ лучшемъ, самомъ высокомъ значеніи этого слова. Его безыскуственная, задушевная рѣчь, его теплая вѣра, твердое упованіе на благость Провидѣнія и устроеніе Господомъ всего ко благу неотъемлемому, къ жизни вѣчной, были такъ убѣдительны, такъ глубоко проникали въ разбитое мое сердце, что я съ истиннымъ наслажденіемъ проводилъ часъ, другой въ бесѣдѣ съ добродѣтельнымъ представителемъ нашей церкви. Въ немъ видѣлъ я не митрополита, а по истинѣ пастыря добраго.

Въ частной жизни своей Филаретъ отличался первобытной христіанской простотой: получая весьма значительное содержаніе, раздавалъ все нищимъ.

Исповѣдывался я у схимника Пароенія; онъ былъ схимонахомъ, жилъ въ лаврѣ, пользовался большимъ уваженіемъ какъ митрополита, такъ и всѣхъ кіевлянъ. Самой строгой жизни, чисто затворнической, Пароеній принималъ иногда приношенія, но въ тотъ-же день отдавалъ всѣ полученныя деньги и вещи бѣднымъ.

Доброе сѣмя, посѣянное въ сердцѣ человѣка, приноситъ всегда свой плодъ. Такъ было и со мною. Религіозное чувство, взлелѣянное съ дѣтства во мнѣ несравненной моей матушкой, не уступило критическому взгляду на дѣло вѣры и чтенію антирелигіозныхъ книгъ, не поддалось наплыву идеи невѣрія.

Въ молитвѣ—утоленіе печали, въ вѣрѣ—надежда и утѣшеніе.

Настала весна, природа оживилась, и съ нею и я какъ-бы ожилъ. Въ дни свободные отъ служебныхъ занятій, я ѣздилъ въ Кинь-грусть или отправлялся пѣшкомъ въ отдаленныя окрестности города. Любимымъ моимъ мѣстомъ сдѣлался Выдубицкій монастырь, расположенный на высокой горѣ надъ Днѣпромъ; кругомъ густой, тѣнистый лѣсъ, въ оградѣ монастырской кельи настоятеля и монаховъ, двѣ церкви, третья въ трапезѣ, и кладбище. Изъ бесѣдки, построенной надъ обрывомъ, чудный видъ на Днѣпръ и на теряющіеся въ отдаленномъ горизонтѣ сосновые лѣса черниговской губерніи, между ними кое-гдѣ мелькаютъ деревушки и хутора съ бѣлыми домиками и колокольнями сельскихъ церквей.

Бывало, придешь въ Выдубицкій и нѣсколько часовъ просидишь въ бесѣдкѣ, или на одной изъ окрестныхъ горъ; съ послѣдней видъ еще лучше, въ чертѣ Днѣпра и синей дали, въ другую сторону разстилается предъ вами Кіевъ, съ его золоченными куполами церквей и высокой лаврской колокольней.

Ѣзжалъ я также въ Голосѣевъ, лѣтнее мѣстопребываніе митрополита. Тамъ Филаретъ велъ жизнь отшельническую и не принималъ почти никого. Я имѣлъ дозволеніе бывать въ его церкви и заходить къ нему послѣ обѣдни. Нерѣдко митрополитъ водилъ меня по саду и въ лѣсу,

изъ котораго въ одномъ мѣстѣ открывался чудный видъ на Кіевъ. Посѣщалъ я иногда и китаевскую пустынь, замѣчательную своимъ мѣстоположеніемъ, необыкновенно роскошной растительностью вѣковыхъ деревьевъ въ обширномъ и дремучемъ лѣсу и прудами изъ ключевой воды. Здѣсь пробѣливаютъ воскъ для церковныхъ свѣчей, а внѣ монастырской ограды около церкви хоронятъ лаврскихъ монаховъ.

На охоту я не ходилъ, исполняя обѣтъ, данный мною не употреблять оружія безъ настоятельной въ немъ надобности.

Личныя мои отношенія съ Писаревыми были очень хороши. Софія Гавриловна въ особенности благоволила ко мнѣ, часто приглашала обѣдать. У Писарева проводилъ изрѣдка вечера; въ его кабинетѣ собиралось пять, шесть человѣкъ, говорили о разныхъ предметахъ часовъ до 10-ти, а въ 10-ть, когда садились за карточный столъ, я уходилъ домой. На путешественника, изъѣздившаго всю Европу, въ то время смотрѣли съ уваженіемъ и нѣкотораго рода завистью. Разсказъ мой слушали охотно и съ вниманіемъ, болѣе всего интересовались Парижемъ; объ Испаніи никто не имѣлъ никакого понятія, и заставляли меня часто возвращаться къ этой странѣ.

По службѣ сначала все шло хорошо, я быстро постигъ канцелярскую премудрость и былъ въ состояніи вести и отписывать дѣла вполнѣ удовлетворительно. Мой способъ изложенія очень нравился Писареву, но въ сущности дѣлъ, въ ихъ направленіи и разрѣшеніи мы отчасти расходились, и вскорѣ я убѣдился, что на этомъ пути мы никогда не сойдемся. И неудивительно, въ каждомъ дѣлѣ Писаревъ искалъ личной пользы и находилъ ее. Коль скоро дѣло представляло извѣстный интересъ, можно было быть увѣреннымъ, что оно получитъ направленіе, согласное съ большей или меньшей степенью ходатайства у всехогущаго правителя канцеляріи. Андреевскій смотрѣлъ на это равнодушно и привыкъ исполнять всѣ приказанія Писарева, я же не могъ не возражать, не приходить въ негодованіе въ виду несправедливыхъ послабленій съ одной и ни чѣмъ небъяснимой строгости съ другой стороны.

И говорить нечего, что главную роль въ то время играла политика; обращено было особое вниманіе на ослабленіе и подавленіе польскаго элемента въ краѣ. Общія мѣры въ этомъ отношеніи вездѣ

строго исполнялись, но вмѣстѣ съ тѣмъ бывали исключенія въ пользу нѣкоторыхъ личностей, которыя трудно было объяснить. Полиція получила значеніе, какого никогда она не имѣла. Всѣ ея члены, начиная отъ исправника и кончая помощникомъ становаго или засѣдателемъ полицейскаго управленія, были назначаемы властью генералъ-губернатора, мимо губернаторовъ; опредѣленіе и увольненіе чиновниковъ въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ составляло главное занятіе полицейскаго отдѣленія канцеляріи, но высшія должности давались не иначе, какъ съ соизволенія Писарева. Въ уѣздахъ полиція была всемогуща: ей былъ предоставленъ обширный кругъ дѣятельности и въ вопросахъ политическаго характера совершенный произволъ. Все было на откупу, полицейскіе чиновники составляли значительныя состоянія, и сжели находились личности, которыя, чувствуя себя ни въ чемъ не виновными, не платили полиціи извѣстной дани, то рано или поздно должны были раскаиваться въ этомъ. Посылался доносъ въ Кіевъ, помѣщика вызывали, сажали подъ арестъ, иногда въ крѣпость, допрашивали по нѣскольку мѣсяцевъ въ Кіевѣ, и въ концѣ концовъ все-же приходилось платить, но платили гораздо больше, чѣмъ платили обыкновенно мѣстной полиціи.

При поверхностномъ взглядѣ на администрацію, въ сторонѣ отъ подробностей и тайныхъ причинъ, приводившихъ въ дѣйствіе тѣ или другія мѣры, меня брало крѣпкое раздумье, и я готовъ былъ неоднократно оставить службу въ Кіевѣ, но увѣщанія и просьбы моей матери заставляли меня оставаться.

Бибикова я видѣлъ очень рѣдко, но онъ зналъ, что я занимаюсь, и, встрѣчая меня всегда очень любезно, говорилъ, что мною доволенъ, совѣтовалъ продолжать мои занятія. Иногда мнѣ казалось, что непріятный миражъ разсѣется и получивъ болѣе или менѣе самостоятельное назначеніе, я буду имѣть возможность принести извѣстную пользу. Нерѣдко канцелярская обстановка представлялась мнѣ искусно сплетенной паутиной, которою главный дѣятель опутывалъ главнаго начальника края; но съ другой стороны, зная твердый характеръ, непреклонную волю и замѣчательный умъ Бибикова, я не могъ объяснить себѣ возможности дать себя опутать до такой степени. Разсказывали, что однажды Бибиковъ сказалъ П—ву: «носятся слухи, что вы берете взятки.»

«Не всякому слуху слѣдуетъ вѣрить,» отвѣтилъ П—въ, «говорятъ также, будто ваше вы—ство въ связи съ моей женою. Я этому не вѣрю.» Повѣрялъ и я слухи, носившіеся въ городѣ объ отношеніяхъ Дмитрія Гавриловича къ Софіи Гавриловнѣ, но въ этомъ отношеніи факты совершенно противорѣчили слухамъ: Бибиковъ ухаживалъ тогда за дѣвицей Ш., дочерью начальника арсенала, которая вскорѣ вышла замужъ за какого-то пріѣзжаго чиновника и получивъ въ приданное тридцать тысячъ, уѣхала изъ Кіева. На счетъ приданаго дѣлали разныя предположенія, иные говорили, что арсеналъ давалъ большія средства, другіе увѣряли, что приданное шло изъ иного источника.

Передъ выходомъ дѣвицы Ш. замужъ, въ Кіевѣ поселилась графиня П., рожденная О—ва, съ двумя незамужними дочерьми. Младшая Елена, брюнетка, была очень хороша собою, и Дмитрій Гавриловичъ сталъ за нею ухаживать, каждый вечеръ отправлялся къ графинѣ на карты виста и любезничалъ съ Еленой Павловной. Старшая сестра Екатерина, блондинка, по подстриженнымъ волосамъ и развязнымъ манерамъ прозывалась козачкомъ, была очень не глупа, ловка и симпатична.

Чѣмъ больше знакомился я съ дѣлами, тѣмъ безвыходнѣе становилось мое положеніе, проэкты моихъ докладовъ были передѣлываемы. Оставалось или подчиниться вполнѣ требованіямъ Писарева, что по правиламъ моимъ было не мыслимо, или оставить занятія въ секретномъ отдѣленіи. Я рѣшился на послѣднее, когда случай доставилъ мнѣ возможность выйдти изъ затруднительнаго положенія. Открылась вакансія переводчика при управленіи генералъ-губернатора. Мнѣ ее предложили, я съ охотой принялъ.

Начавъ съ обратной стороны медали, такъ какъ она близко меня касалась, я ничего не сказалъ еще о лицевой. Въ короткое время Бибиковъ внушилъ къ себѣ такой страхъ въ польскомъ населеніи края, что тишина и спокойствіе вполнѣ были обезпечены, всѣ распоряженія правительства исполнялись безпрекословно, о враждебныхъ политическихъ проявленіяхъ не могло быть и рѣчи, польскіе помѣщики сидѣли у себя въ деревняхъ, занимались хозяйствомъ, пріѣзжали въ Кіевъ на контракты и выборы, вели себя прилично, самые благонадежные изрѣдка получали позволеніе ѣздить заграницу, произволъ крѣпостнаго права былъ факти-

чески ограниченъ строгими взысканіями за злоупотребленія власти и нѣсколькими благодѣтельными для крестьянъ распоряженіями.

Въ городѣ порядокъ и чистота небывалые, но и здѣсь полиціи предоставленъ такой просторъ, какимъ она не пользовалась въ другихъ городахъ. Старшій полиціймейстеръ пользовался властью почти неограниченною въ сферѣ своей дѣятельности. Разъѣзжая на тройкѣ, въ сопровожденіи двухъ конныхъ полицейскихъ съ нагайками, онъ чинилъ судъ и расправу непосредственно и имѣлъ сильную поддержку въ генералъ-губернаторѣ. По ночамъ постоянно ходилъ обходъ, разъѣзжали конные патрули. Воровство и разбой были явленіями чрезвычайно рѣдкими, можно сказать небывалыми. Жители пользовались полною безопасностью. Цѣны на всѣ предметы потребленія были самыя умѣренныя, монополія преслѣдовалась, базаръ и торговыя помѣщенія содержались превосходно.

Предъ полученіемъ новой должности я ѣздилъ въ деревню и провелъ тамъ двѣ недѣли въ искренней задушевной бесѣдѣ съ матушкой. Она вставала рано и обыкновенно отправлялась съ кускомъ хлѣба завтракать въ садъ фруктами. Я всегда сопровождалъ ее въ этихъ утреннихъ прогулкахъ, затѣмъ пили всѣ вмѣстѣ чай на балконѣ, обѣдали въ липовой вѣковой аллеѣ, дѣлали прогулки пѣшкомъ по хозяйству, въ старый садъ, расположенный у села, заходили въ церковную ограду поклониться гробу дѣдушки и бабушки, вечернія молитвы читали также въ саду; цѣлый почти день проводили на воздухѣ. Говорилъ я матушкѣ о моемъ желаніи перемѣнить службу, она упросила меня остаться въ Кіевѣ, въ полной увѣренности, что трудъ и добросовѣстность рано или поздно будутъ оцѣнены и приведутъ къ хорошимъ результатамъ. Мною и моимъ положеніемъ въ Кіевѣ она была довольна.

Должность переводчика, на которую я былъ назначенъ въ іюнѣ 1844 года, въ то время давала много занятій. Постоянная переписка съ президентомъ Галиціи по политическимъ дѣламъ и объ обоюдной выдачѣ русскихъ и австрійскихъ подданныхъ, занимала много времени. По принятому обычаю президентъ писалъ генералъ-губернатору по нѣмецки, нужно было дѣлать переводъ и передать въ канцелярію для дальнѣйшихъ распоряженій. Отвѣты писались по французски, къ нимъ

присоединялись допросы, показанія и свѣдѣнія также на французскомъ языкѣ. Сверхъ этого на переводчикѣ лежала обязанность вести всю частную корреспонденцію генералъ-губернатора, какъ по русски, такъ и на другихъ языкахъ. Это поставило меня въ непосредственныя отношенія къ Бибикову. Каждый день я долженъ былъ являться къ нему за полученными бумагами и письмами и къ двумъ часамъ изготовлять отвѣты; изъ всѣхъ чиновниковъ я одинъ имѣлъ доступъ въ кабинетъ генералъ-губернатора во всякое время, безъ доклада.

Бибиковъ хорошо говорилъ и читалъ по французски и по нѣмецки, но правильно писать не могъ ни на одномъ языкѣ. »Не удивляйтесь этому«, сказалъ онъ мнѣ однажды, »меня вѣдь учили на мѣдный грошъ«. Въ отпискѣ не было большого затрудненія: спросишь бывало, что отвѣтить, и получивъ опредѣлительное указаніе, дѣло сдѣлаешь скоро и удовлетворительно. — Но въ большомъ затрудненіи бывалъ я на первыхъ порахъ, когда Дмитрій Гавриловичъ желалъ писать собственноручный отвѣтъ.—Какъ извѣстно, онъ лишился подъ Бородинымъ лѣвой руки и писалъ правой крайне неразборчиво; неправильность орѳографіи еще болѣе усложняла трудность разбирать его почеркъ. Напишетъ бывало черновую, прикажетъ исправить и переписать и потомъ уже пишетъ на бѣло. Мѣсяца три долженъ былъ я употребить на то, чтобы разбирать черновыя его письма. Затѣмъ все пошло хорошо, и Бибиковъ былъ очень доволенъ моею редакціею и скромностью, довѣрялъ часто самыя важныя корреспонденціи, которыхъ нельзя было вести путемъ оффиціальнымъ.

По прежнему я нигдѣ почти не бывалъ, съ обществомъ не знакомился и слылъ загадочною личностью. Иные считали меня разочарованнымъ, разыгрывающимъ роль Чайлъдъ-Гарольда, другіе просто ипохондрикомъ, нелюдимымъ, знавшіе меня прежде думали, что я напускалъ на себя особенную серьезность и важность, чтобы слыть человѣкомъ дѣловымъ и заставить позабыть увлеченія молодости.

Въ Кіевѣ жила тогда графиня Меллина, вдова лѣтъ пятидесяти; у ней была падчерица, очень умная, любезная и развязная дѣвица не первой молодости и не красивой наружности, и сынъ, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, готовившійся къ поступленію въ университетъ, полуидіотъ.

Побывавъ въ Одессѣ, графиня привезла нѣкоторыя свѣдѣнія обо мнѣ. Откуда она уже почерпнула, не знаю, но дѣло въ томъ, что въ ея салонѣ меня возвели въ герои какого-то романа. Въ немъ, если хотите, была доля правды, но все было такъ увеличено и разукрашено въ мою пользу, что я не мало дивился изобрѣтательному воображенію графини. Чрезъ одного изъ молодыхъ людей она изъявила желаніе со мною познакомиться. Трудно было отказаться отъ любезнаго приглашенія, я ей сдѣлалъ визитъ, познакомился у ней съ нѣкоторыми дамами, къ нимъ долженъ былъ также поѣхать изъ приличія. Наконецъ Бибиковъ спросилъ меня, отъ чего я нигдѣ не бываю, и совѣтовалъ познакомиться съ графиней П., у которой собирались по вечерамъ. Въ короткое время я былъ уже знакомъ со всѣмъ кіевскимъ обществомъ, не многочисленнымъ, но довольно пріятнымъ. По вечерамъ выходилъ впрочемъ рѣдко изъ дому, предпочитая чтеніе и музыку вечерамъ, на которыхъ болтали о вещахъ мало интересныхъ или играли въ карты. Къ картамъ я никогда не имѣлъ особеннаго расположенія, но провинціальная жизнь у насъ такъ сложилась, что трудно было обойтись безъ этого скучнаго занятія; чтобы составлять партію въ исключительныхъ случаяхъ, когда не доставало партнеровъ, нужно было выучиться преферансу и возобновить мои свѣдѣнія въ вистѣ, и въ этомъ дѣлѣ учителемъ моимъ былъ Андреевскій: послѣ вечернихъ занятій въ канцеляріи онъ обыкновенно заходилъ къ брату П., жившему рядомъ съ канцеляріею, и въ короткое время я постигъ всю премудрость игры въ преферансъ. Сдержанный и хладнокровный я никогда не увлекался, не рисковалъ и былъ всегда почти въ выигрышѣ. Игрывали по маленькой, и проигрышъ или выигрышъ не составлялъ большой разницы въ кошелькѣ.

Въ это время поселился въ Кіевѣ богатый помѣщикъ черниговской губерніи М. О. Судіенко, сынъ Судіенка, бывшаго главноуправляющаго дѣлами и имѣніями князя Безбородко. Умный, хорошо образованный, онъ былъ очень пріятнымъ собесѣдникомъ. Жена его, рожденная Миклашевская, слыла когда-то красавицей и теперь была еще очень недурна собою, высокая, стройная, добрая и симпатичная женщина. У нихъ было многочисленное се-

мейство; для воспитанія дѣтей они переѣхали въ Кіевъ, и я вскорѣ сталъ ежедневнымъ ихъ посѣтителемъ. Но по вечерамъ и здѣсь нельзя было обойтись безъ карть. Тотъ-же преферансъ, но уже по большой, по четверти рубля. Мнѣ очень везло, и игра значительно увеличила мои средства; когда узнали, что я играю, не было возможности отказываться отъ партіи, и почти каждый день отъ 10 до 12 часовъ вечера я игралъ. То у П., то у Судіенка, а наконецъ чаще всего у Фундуклея, назначеннаго гражданскимъ губернаторомъ въ Кіевъ. Вицегубернаторомъ былъ Николай Петровичъ Бибиковъ, тоже любитель зеленаго стола. Губернскимъ предводителемъ дворянства состоялъ графъ Тышкевичъ, весьма ловкій и ужившчивый человѣкъ. Домъ его содержался на барскую ногу, и онъ жилъ весьма прилично. Открытый домъ составляло семейство Маршицкихъ. Старикъ Маршицкій былъ глупъ, но искателенъ и пользовался расположеніемъ Бибикова, жена его имѣла страсть говорить по французски, но такимъ языкомъ, что слушая ее, всѣ помирали со смѣху. Дмитрій Гавриловичъ часто любилъ забавляться ея слабостью въ этомъ отношеніи и заставлялъ произносить такія фразы, которыя изъ приличія не могутъ быть повторены здѣсь. Дочь ихъ Наталія была довольно простенькая, но видная и любезная дѣвица. Довольно пріятное семейство Проскуры, состоявшее изъ отца и очень умной матери, и двухъ взрослыхъ дочерей. Старшая была замужемъ за Шишкевичемъ, развелась и вышла впослѣдствіи за Мартынова Николая Соломоновича, сосланнаго въ Кіевъ за убійство на дуэли Лермонтова. Меньшая, очень красивая брюнетка, вышла замужъ за Грабянку, тоже не надолго. Комендантомъ былъ назначенъ А. Л. Пенхержевскій, отличный человѣкъ; старшая дочь его была замужемъ за И. В. Синельниковымъ, дальнимъ моимъ родственникомъ. Вотъ и все кіевское общество тогдашняго времени, исключая военныхъ, ученыхъ и чиновниковъ.

Вскорѣ отдѣленіе иностранной переписки значительно увеличилось молодыми людьми, поступавшими на службу къ генералъ-губернатору. Всѣхъ порядочныхъ и образованныхъ отдавали въ мое распоряженіе, и изъ нихъ составилась маленькая канцелярія, къ обязанностямъ которой отнесли, сверхъ обыкновенныхъ занятій, чтеніе иностранныхъ

газетъ, запрещенныхъ цензурой, и выписки изъ наиболѣе интересныхъ статей для генералъ-губернатора. Между этими молодыми людьми особеннымъ расположеніемъ моимъ пользовался графъ Эмиль Олизаръ. Сынъ бывшаго богатаго польскаго сенатора, приговореннаго къ смертной казни и конфискаціи имущества за мятежъ 1830 года, но ушедшаго переодѣтымъ изъ тюрьмы и эмигрировавшаго во Францію, молодой Олизаръ былъ очень недуренъ собою, хорошо образованъ и очень остроуменъ. Воспитанный съ братомъ Адольфомъ роднымъ дядею, Густавомъ Олизаромъ, бывшимъ кіевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, Эмиль, кромѣ самого ограниченнаго содержанія отъ дяди, едва достаточнаго для пополненія туалета, не имѣлъ никакихъ средствъ. Желая быть ему повозможности полезнымъ, я пригласилъ его занять комнату во флигелѣ, мною занимаемомъ и пользоваться моей прислугой и столомъ. Между нами установились самыя дружескія отношенія, онъ развлекалъ меня своею болтовнею, я заставлялъ его работать серьезно.

Съ января 1845 года я перемѣнилъ квартиру и перешелъ въ домъ Бѣлоградскаго въ Липкахъ около дворцоваго сада. У меня былъ въ бель-этажѣ большой залъ, спальня, передняя и буфетъ, Олизаръ помѣстился въ одной изъ комнатъ верхняго этажа. Онъ мнѣ рекомендовалъ въ камердинеры долго служившаго у его родственника, князя Четвертинскаго, негра Франца. Францу было лѣтъ подъ сорокъ; вывезенный въ Турцію изъ Дарфура, онъ попалъ въ Одессу, гдѣ Четвертинскій взялъ его къ себѣ, окрестилъ въ католическую религію и женилъ на дочери одного изъ своихъ экономовъ, православнаго исповѣданія. Францъ мнѣ очень понравился, былъ особенно внимателенъ, услужливъ и честенъ. Я его искренно полюбилъ, а онъ привязался ко мнѣ тою привязанностью, которая характеризуетъ негровъ. Пришлось только учить его русскому языку, такъ какъ Францъ плохо объяснялся по русски, живя постоянно въ домѣ польскаго магната.

Я отправился въ началѣ января на нѣсколько дней въ деревню къ матушкѣ съ тѣмъ, чтобы 12 января быть у Волховской. Дмитрій Гавриловичъ отпустилъ меня съ условіемъ, чтобы 13-го я непремѣнно возвратился къ его балу.

Свиданье съ матушкой было для меня въ высшей степени пріятно. Она была вполнѣ довольна мною, зная, что я занимаюсь прилежно службой и что Бибиковъ хорошо расположенъ ко мнѣ. Отъ П. я привезъ ей письмо. Вообразите мое удивленіе, когда матушка прочла мнѣ это письмо. Въ немъ отдавалась полная справедливость моимъ способностямъ и познаніямъ, но направленіе настоящей молодежи и мое въ особенности крайне не нравились П.; онъ называлъ насъ утопистами, мечтателями, проводителями новыхъ началъ, не свойственныхъ русской природѣ и нашему общественному строю. Въ заключеніе давалъ совѣтъ женить меня поскорѣе и предлагалъ въ невѣсты дѣвицу К., недавно поселившуюся въ Кіевѣ съ матерью, вдовой генерала отъ инфантеріи.

Не менѣе моего матушка была удивлена этимъ письмомъ; считая П. человѣкомъ очень умнымъ и хорошо къ намъ расположеннымъ, она не знала, что думать о его предложеніи. Я объяснилъ матушкѣ, что П. утопіей называлъ абсолютную честность новаго поколѣнія служащихъ и желаніе искоренить вошедшій въ кровь обычай брать взятки, и что въ этомъ вопросѣ мы никогда не сойдемся съ П. Что касается дѣвицы К., то я очень мало былъ знакомъ съ нею и всего раза три былъ у ея матери. Дѣвицѣ К. едва минуло шестнадцать лѣтъ, воспитывалась она въ лучшемъ частномъ пансіонѣ въ Москвѣ, была мала ростомъ, имѣла великолѣпные темно-сѣрые глаза, роскошные темно-каштановые волосы и прехорошенькій ротикъ; вообще была недурна собой, очень неглупа, разговорчива и любезна. За старшей ея сестрой Екатериной начиналъ ухаживать Бибиковъ послѣ отъѣзда изъ Кіева графини П. Вотъ и всѣ мои отношенія къ дѣвицѣ К., но предложеніе П. имѣло причину, которая объяснилась позже. Къ этому господину я относился недовѣрчиво, и не смотря на его заискиванія, старался держать себя подальше; какое то инстинктивное чувство отталкивало меня отъ него; не могъ дружить я съ отъявленнымъ взяточникомъ; послѣ письма къ матушкѣ, онъ сталъ мнѣ еще болѣе ненавистенъ. Матушка любезно, но уклончиво отвѣчала на письмо П.

Я возвратился въ Кіевъ къ балу Дмитрія Гавриловича, и Бибиковъ былъ очень доволенъ моею аккуратностью.

Графиня П., уѣзжая, купила мѣстечко Чернобыль, значительное

вершеніи акта пятьдесятъ тысячъ, а остальныя должна была уплачивать чрезъ каждые два года въ извѣстные сроки, до полной выплаты всего капитала. О сдѣлкѣ этой много говорили въ Кіевѣ: увѣряли, что дѣла графини П. въ такомъ положеніи, что она никогда не могла располагать наличною суммою въ пятьдесятъ тысячъ и что деньги эти пріобрѣтены какимъ-то темнымъ путемъ; разсказывали, что П. изъ угожденія свему начальнику устроилъ это дѣло.

Catherine К. вскорѣ вышла замужъ за генерала Л., Бибиковъ сталъ ухаживать за ея сестрой.

Ближайшіе мои сотрудники по дѣламъ служебнымъ и другіе молодые люди собирались часто въ моей залѣ и проводили время довольно весело; иногда я угощалъ ихъ обѣдомъ, приготовленнымъ весьма недурно моимъ поваромъ, воспитанникомъ главнаго повара моего отца, изучившаго поваренное искусство на лучшихъ кухняхъ Петербурга, въ томъ числѣ и на Нессельродовской. Въ большой залѣ, которую я занималъ, было много тепличныхъ растеній, до которыхъ я былъ большой охотникъ: между растеніями, на колоннахъ подъ мраморъ, стояли гипсовые бюсты государя и императрицы. 1-го мая, предъ поѣздкой въ Шулявскую рощу на гуляніе, у меня былъ большой обѣдъ; когда онъ кончился, подали шампанское, я всталъ, чтобы предложить тостъ за отсутствовавшихъ дамъ—и мысленно обратился къ матушкѣ. Раздался трескъ, и къ удивленію нашему бюстъ императрицы, расколотый въ длину, свалился на полъ, колонна осталась неповрежденною. Меня словно кольнуло въ сердце, едва устоялъ я на ногахъ. Бросились къ колоннѣ, старались объяснить причину паденія бюста, но она осталась необъяснимою, тѣмъ болѣе, что никто къ нему не подходилъ, и лакеи, разливавшіе вино, находились у противоположнаго конца стола; перешли потомъ къ шуткамъ: болѣе всѣхъ шутилъ Олизаръ, но я былъ не въ духѣ и отказался отъ поѣздки за городъ, предоставивъ мой экипажъ въ распоряженіе Олизара. Когда всѣ разъѣхались, подходитъ ко мнѣ мой негръ, котораго я очень полюбилъ, и говоритъ: нехорошо, господинъ, можетъ быть несчастіе. Эти слова врѣзались въ мою память, но прошло нѣсколько дней, занятія, развлеченіе, прогулки за городомъ разсѣяли грустное настроеніе духа, поговорили о разбившемся бюстѣ,

какъ о вещи очень обыкновенной, предполагая, что онъ былъ надломленъ, и забыли. 3-го мая получилъ я письмо отъ матушки и совершенно успокоился.

8-го мая передъ вечеромъ приносятъ письмо изъ деревни, адресъ былъ написанъ рукою моего отца. Вскрывши, читаю извѣщеніе о серьезной болѣзни матушки. Опрометью побѣжалъ я къ Бибикову, получилъ разрѣшеніе уѣхать, и ночью въ дорожной коляскѣ, не смотря на бурю и сильный дождь, мчался на почтовыхъ въ деревню. Взялъ съ собою Франца и неразлучнаго моего Мезора, великолѣпнаго кингчальса, подареннаго мнѣ дядей Олизаромъ.

Въ 7 часовъ утра я подъѣзжалъ уже къ нашей усадьбѣ Отрадѣ; у аллеи, усаженной гигантскими итальянскими тополями, я всталъ и отправился пѣшкомъ въ домъ, отправивъ экипажъ на черный дворъ, чтобы утреннимъ пріѣздомъ не обезпокоить матушку.

Была ранняя весна, въ большомъ подъѣздномъ дворѣ цвѣли сирени, левкои, розы и воздушные жасмины. Солнце свѣтило ярко; послѣ дождя воздухъ былъ необыкновенно чистъ и прозраченъ, благоуханіе распустившихся кустарниковъ заставляло съ наслажденіемъ вдыхать въ себя ароматическую атмосферу майскаго утра. Никогда дворъ этотъ не казался мнѣ такимъ красивымъ, никогда чудный бархатистый деревенскій воздухъ не представлялся мнѣ такимъ пріятнымъ: дышалось легко, но на сердцѣ было тяжело: недоброе предчувствіе овладѣло мною. У крыльца меня встрѣтилъ старый слуга, бывшій моимъ дядькой еще въ пансіонѣ, шестидесятилѣтній Марко. На вопросъ о здоровьи матушки, онъ покачалъ своей сѣдой головой и отвѣтилъ: нехорошо.

Въ домѣ всѣ еще спали, одна сестра Софія встрѣтила меня въ залѣ. Блѣдное ея лицо, заплаканные глаза служили дурнымъ предзнаменованіемъ. Она мнѣ разсказала, что матушка лечила на селѣ, что случалось постоянно, больную тифомъ крестьянку, и посѣщала ее ежедневно. Тифозная начала выздоравливать, но матушка заразилась этою опасною болѣзнію; съ первыхъ чиселъ мая чувствовала себя нехорошо, но перемогалась и разсчитывая на свое здоровье (матушка никогда не была больна), употребляла домашнія средства и не хотѣла прибѣгать къ помощи доктора. Когда сдѣлалось

хуже, послали за Фишеромъ въ Яготинъ и за уѣзднымъ врачемъ въ П., но надежды мало. Фишеръ живетъ постоянно въ Орадѣ, и не скрываетъ опаснаго положенія матушки: болѣзнь приняла дурной оборотъ, показались пятна.

Нѣтъ словъ выразить то грустное, потрясающее впечатлѣніе, которое испыталъ я при первомъ взглядѣ на тяжко больную мать мою. Въ нѣсколько дней болѣзнь до того измѣнила ея черты, что она была почти неузнаваема: не было и тѣни дышавшей здоровьемъ, жизненной силой и душевной энергіей женщины. Я осыпалъ поцѣлуями ея исхудалыя, горѣвшія лихорадочнымъ жаромъ руки; какъ ни крѣпился, не могъ выдержать и тихо зарыдалъ. Матушка поцѣловала меня въ лобъ. То было прикосновеніе раскаленнаго желѣза. Сухія, горячечныя губы, тяжелое дыханіе, мутный, неподвижный взглядъ, невнятное произношеніе, не позволяли сомнѣваться въ печальной дѣйствительности. Болѣе часу однако мы разговаривали съ матушкой о моемъ житьѣ-бытьѣ; все ее интересовало до малѣйшихъ подробностей [1]).

Въ 9 часовъ насъ позвали къ утреннему чаю въ столовую. Отецъ былъ очень радъ моему пріѣзду; въ немъ я не нашелъ никакой перемѣны. Фишеръ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку и на вопросъ о положеніи матушки съ грустью покачалъ головой. Сестра Магіе разливала чай и казалась совершенно спокойною. Sophie не отходила отъ матушки, проводила всѣ ночи у ея постели, и съ трудомъ можно было увести ее изъ спальни на нѣсколько мгновеній.

Мы разговаривали довольно долго, я упросилъ Sophie пойдти отдохнуть немного послѣ ночи безъ сна, проведенной у матушки; ее замѣнила сестра Магіе. Къ двумъ часамъ матушка забылась, я вышелъ; доложили о пріѣздѣ старшей моей сестры Аделаиды съ мужемъ В. Сѣли обѣдать. Обѣдъ прошелъ скучный, грустный. Къ вечеру матушкѣ стало хуже, жаръ усилился, она была въ полномъ безпамятствѣ, но утромъ слѣдующаго дня матушка пришла въ память, горячечное состояніе исчезло и взглядъ ея просвѣтлѣлъ.

---

[1]) Опускаемъ подробности описанія смерти матери автора «Записокъ» и излія его скорбныхъ чувствъ.—Ред.

Послѣ полудня матушка значительно ослабѣла, а предъ вечеромъ ей стало еще хуже, упадокъ силъ былъ такъ великъ, что она съ трудомъ могла произнести нѣсколько невнятныхъ словъ. Часовъ въ восемь, матушка шопотомъ, обращаясь ко мнѣ взорами, сказала: подойди ближе Pierre. Я сталъ на колѣни у ея изголовья, она съ трудомъ положила руку свою на мою голову, уста ея шевелились; произносили-ли они молитву или благословеніе, не знаю; нельзя было разслышать. Но когда я приподнялся, она взглянула на меня такъ жалостно, такъ грустно, что невольно слезы капнули изъ глазъ моихъ. Послѣ меня подходили по очереди мои сестры и цѣловали руку матушки, приблизился и отецъ. Видно было, что матушка желала что-то сказать, но слова замирали на ея устахъ, она продолжала смотрѣть съ сожалѣніемъ на всѣхъ; потомъ взглядъ ея упалъ на сестру Sophie, едва слышнымъ голосомъ проговорила она: бѣдныя дѣти! Эти слова были послѣдними словами матушки. Она впала въ безпамятство; началась агонія. Раннимъ утромъ 11-го мая матушка тихо скончалась.

Выносъ въ церковь послѣдовалъ на второй день, похороны на третій.

13-го мая заупокойная обѣдня началась въ 10 часовъ утра; и церковь, и паперть, и окружающая мѣстность какъ въ оградѣ, такъ и внѣ ея полны были народу. Къ печальной церемоніи съѣхались всѣ родные, всѣ знакомые, всѣ близкіе и дальніе сосѣди, сошлись крестьяне нашей деревни и окрестныхъ сёлъ; я никого не видѣлъ, ничего не слышалъ; не могъ оторвать взоровъ отъ драгоцѣннаго праха обожаемой матери и молился, просилъ у Бога чуда воскрешенія усопшей. Тщетно. По временамъ когда одинъ изъ священниковъ возглашалъ: объ упокоеніи рабы Божіей боярыни Маріи, я выходилъ изъ моего забытья и словно подверженный гальваническому удару, опускался на колѣни. Какъ происходило отпѣваніе, какъ понесли гробъ на семейное кладбище и опустили въ могилу, не помню. Припоминаю, что бросивъ горсть земли на гробъ стоявшій въ могилѣ, я долго еще молился и возвратился къ себѣ во флигель пѣшкомъ.

Къ обѣду я не пошелъ, это было выше силъ моихъ. Послѣ обѣда явились ко мнѣ непрошенные гости; я сидѣлъ на балконѣ и не могъ

отъ нихъ скрыться. Слышались слова участія, утѣшенія, слова доброй памяти о покойницѣ и все, что говорится въ подобныхъ случаяхъ; но вообразите мое негодованіе, когда сосѣдъ З., мой дрезденскій товарищъ по квартирѣ подошелъ ко мнѣ съ слѣдующей фразой: «ну, что горевать? все проходитъ; вспомните, что теперь Отрада ваша»! Во взглядѣ брошенномъ мною З. было столько презрѣнія, что онъ видимо сконфузился и растерялся. Я раскланялся съ посѣтителями и удалился въ свои комнаты, приказавъ Францу никого комнѣ не впускать. Съ тѣхъ поръ З. сталъ мнѣ противенъ, я его возненавидѣлъ.

Вскорѣ всѣ разъѣхались, къ вечеру мы остались одни и по обыкновенію къ чаю собрались въ столовую.

Воспоминанія, проникнутыя глубокою привязанностью къ матушкѣ, оживили нашу бесѣду, и сквозь слезы проговорили мы въ троемъ до поздней ночи. И дѣйствительно было о чемъ вспоминать.

Начиная съ крестьянъ, не было помѣщицы болѣе благодѣтельной и доброй, какъ матушка. Огромные надѣлы землею, издавна розданные крестьянамъ дѣдушкой, оставались неприкосновенными, единственно по настоянію покойницы; разныя угодья, левадки, предоставленныя въ ихъ пользованіе, никогда не отбирались въ пользу экономіи; строго наблюдалась равоомѣрность барщины: никогда не работали болѣе трехъ дней въ недѣлю, когда-же требовалась усиленная работа во время сѣнокоса или жатвы, переработанные дни засчитывались въ льготные, или оплачивались; подати платила за крестьянъ матушка, ничего съ нихъ не взыскивая, частью процентами съ капитала, оставленнаго на этотъ предметъ дѣдушкой, частью изъ доходовъ имѣнія; лѣсной матеріалъ, кирпичъ и другія принадлежности отпускались безвозмездно для крестьянскихъ построекъ; въ неурожайные годы раздавался хлѣбъ крестьянамъ безвозвратно изъ значительныхъ всегда запасовъ экономіи; были разведены особенные разсадники фруктовыхъ деревьевъ для насажденія садовъ въ крестьянскихъ усадьбахъ и привитые хорошіе сорта отдавались безплатно; заведены улучшенныя породы рабочихъ лошадей и скота, производителей крестьянамъ дарили и лишнимъ приплодомъ въ имѣніи они пользовались за самые пичтожные отработки или услуги. Постигнетъ кого семейное горе или болѣзнь, бывало идутъ къ матушкѣ за

совѣтомъ и помощью, въ полной увѣренности, что ни въ томъ, ни въ другомъ отказа не будетъ; провинится-ли кто, прибѣгаютъ къ ея защитѣ, къ ея милосердію, и не было примѣра, чтобы благодѣтельная помѣщица не отмѣнила, или не смягчила значительно взысканія.

Прислуга, или такъ называемые въ то время дворовые люди, пользовались такими удобствами и довольствомъ, что, безъ преувеличенія можно сказать, составляли какъ бы часть семьи помѣщицы. Превосходныя отдѣльныя помѣщенія для семейныхъ, общія для холостыхъ, обильный, сытный столъ, пробу котораго ежедневно приносили матушкѣ, болѣе чѣмъ приличная, барская одежда и ежемѣсячное денежное вознагражденіе были неотъемлемыми принадлежностями каждаго дворовaго. Всѣхъ дѣтей многочисленной дворни учили грамотѣ, молитвамъ и матушка каждую недѣлю повѣряла успѣхи учащихся, поощряя лучшихъ ласками и подарками.

И говорить нечего, что крестьяне и дворовые боготворили матушку; какъ не упрекали нашъ народъ въ неблагодарности, малютенскіе крестьяне и отрадская прислуга служили живымъ протестомъ этому обвиненію, въ то время, когда господство крѣпостного права всею тяжестью лежало еще на народѣ; и то правда, что не много находилось такихъ помѣщицъ, какъ моя мать.

Что касается семейныхъ отношеній, то матушка всею душей была привязана къ моему отцу и глубоко его любила, но все не была счастлива въ этомъ отношеніи. Подчиняясь вполнѣ волѣ и желаніямъ моего отца по мѣрѣ возможности, въ нѣкоторой степени доходившей до самоножертвованія, она часто сдерживала вспыльчивость его характера и строгость чисто-военнаго закона. Уступая во всемъ, что не составляло особенной важности, она имѣла твердость проводить свои убѣжденія и правила, не оскорбляя самолюбія главы семейства.—Дѣтьми матушка распоряжалась самостоятельно, наше домашнее воспитаніе и направленіе принадлежали ей вполнѣ, она была главною, можно сказать, единственною руководительницею нашею. Матушка была очень образованною по своему времени женщиной, очень много читала, превосходно писала на двухъ языкахъ. Независимо отъ наукъ, особенно ея вниманіе было обращено на религіозное и нравственное наше развитіе;

кромѣ постоянныхъ занятій и наставленій, живой примѣръ истинной христіанки и добродѣтельной женщины, какою была матушка, имѣлъ самое благотворное на насъ вліяніе. Правила религіи, нравственности и высокой добродѣтели примѣнялись къ дѣлу постоянно, входили въ обычай, въ жизнь семейную.

Содержаніемъ дома, передѣланнаго и значительно увеличеннаго моимъ отцемъ дворовыми принадлежностями и постройками, главнымъ хозяйствомъ во всемъ его объемѣ и декоративной частью сада завѣдывалъ батюшка. Но во всемъ видно было благодѣтельное участіе матушки, ея заботливости, ея ума. Усадьба и домъ содержались въ порядкѣ и чистотѣ, почти нигдѣ небывалой въ то время въ Малороссіи. Домъ былъ какъ полная чаша, ни въ чемъ не было недостатка, но благоразумная разсчетливость матушки не допускала ничего лишняго; женское хозяйство и малютенская часть садовъ были предметами ея особыхъ заботъ. Малютенское имѣніе, доставшееся ей отъ отца, было образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Не говоря о значительныхъ и красивыхъ постройкахъ и насажденіяхъ усадьбы, хозяйство имѣнія доведено было до той степени совершенства и разнообразія, на которой врядъли стояли другія помѣстья полтавской губерніи. Заводы: селитряный, винокуренный, маслобойный, конный, рогатаго скота превосходной породы, тонкорунное овцеводство въ довольно большихъ размѣрахъ, улучшенное хлѣбопашество составляли главныя статьи. Пчеловодство по системѣ Прокоповича, огородничество, тканіе ковровъ и холста и другія мелкія отрасли хозяйства также не были упущены изъ виду. Однимъ словомъ все, что могло приносить пользу, постепенно вводилось въ систему хозяйства и достигало надлежащаго развитія и совершенства.

Ближайшихъ родственниковъ у матушки не было, къ дальнимъ она относилась всегда съ сердечнымъ участіемъ и помогала имъ, чѣмъ могла.

Съ посторонними, съ сосѣдями, съ добрыми знакомыми, матушка находилась всегда въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Всѣ обращались къ ней за совѣтомъ, за покровительствомъ. Никому, никогда и ни въ чемъ не было отказа. Матушка была общею ходатайницею и пользуясь глубокимъ уваженіемъ лицъ власть имѣвшихъ, всегда почти достигала

исполненія своихъ просьбъ о другихъ. При этомъ необыкновенная снисходительность къ чужимъ недостаткамъ, желаніе и въ дурномъ найдти хорошую сторону, объяснить все добрымъ намѣреніемъ, всегдашняя готовность помочь въ случаѣ надобности ставили матушку въ исключительное положеніе. Въ самомъ тѣсномъ семейномъ кругу матушка не допускала насмѣшекъ надъ другими, никогда, ни о комъ не отзывалась дурно. При жизни ея, любви къ ней всѣхъ знавшихъ ее не было границъ; по кончинѣ чувства эти высказались единодушно: неожиданная, преждевременная утрата этой добродѣтельной женщины считалась невозпаградимою, носила характеръ общественнаго бѣдствія.

Послѣ девятого дня, со времени кончины матушки, мы разъѣхались. Отецъ съ Sophie и Marie отправился въ П. за сестрою Надею, я въ Кіевъ.

Бибиковъ принялъ большое участіе въ постигшемъ меня несчастіи, разспрашивалъ о батюшкѣ, о семействѣ и предложилъ мнѣ съѣздить лѣтомъ къ сестрамъ на нѣсколько недѣль. Это вниманіе глубоко тронуло меня.

Съ особеннымъ прилежаніемъ принялся я за служебныя дѣла, много читалъ, много занимался музыкой, и часто, по вечерамъ, отправлялся за городъ.

Митрополитъ Филаретъ жилъ въ Голосѣевѣ, я посѣтилъ его нѣсколько разъ, и простыя, но проникнутыя высокимъ чувствомъ вѣры рѣчи его, если не утѣшали, то значительно успокаивали меня.

Кончина матушки имѣла большое вліяніе на меня: я крѣпко упалъ духомъ и сильно измѣнился физически. Не забуду, какъ однажды, гулял въ отдаленной аллеѣ городскаго сада, я встрѣтилъ добраго моего знакомаго Б., у котораго часто обѣдывалъ.

Что съ вами, сказалъ онъ мнѣ, на васъ лица нѣтъ, вы постарѣли нѣсколькими годами, здоровы ли?

Я ему отвѣтилъ, что имѣлъ несчастіе лишиться матери. Онъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ, казалось, не понималъ, что горестное событіе это могло имѣть на меня такое сильное вліяніе. Не смотря на ежедневное усиленное движеніе при посѣщеніи загородныхъ мѣстностей пѣшкомъ, всѣ ночи я проводилъ почти безъ сна. Съ вечера

бывало клонитъ ко сну, ляжешь, и чрезъ полчаса просыпаешься. Въ одну изъ безсонныхъ ночей вадумался я написать симфонію на кончину матушки.

Въ первой части: Allegro furioso я предположилъ въ видѣ интродукціи изобразить ходъ болѣзни; во второй Adagio агонію и кончину; въ третьей Marche funebre похороны, въ четвертой Lamentose Alla-breve сѣтованіе, переходящее въ молитву: Andante religioso.

Въ теченіи шести недѣль усидчиво трудился я по ночамъ надъ симфоніей. Всѣ части были вполнѣ разработаны, для главныхъ инструментовъ оставалось пополнить оркестровку въ партитурѣ. Композиціей моей я остался совершенно доволенъ, но мотивы были такъ печальны, въ нихъ сказывалась такая глубокая грусть и душевная невзгода, что исполняя на фортепьяно отрывокъ изъ симфоніи, я растравлялъ незажившія еще раны моего сердца. Съ другой стороны, музыка эта возносила меня въ міръ духовный, ставила въ общеніе съ матушкой и подъ часъ, какъ молитва безъ словъ, какъ изліяніе религіознаго чувства въ формѣ музыкальныхъ идей, успокоивала, умиротворяла меня.

Вскорѣ я окончилъ партитуру симфоніи для оркестра, сдѣлалъ извлеченіе для фортепьяно въ четыре руки и послалъ въ Лейпцигъ для напечатанія. На заглавномъ листѣ, въ вѣнкѣ изъ безсмертниковъ стояло посвященіе: A toi, âme cherie. Симфонія озаглавлена: La mort d'une Sainte, кончина праведницы.